
COALITIO FERANORUM
СЕРЕБРО ПЕПЛА
И ПЕСНЬ
Луны
18+
СОФЬЯ ХЕЙДЕКРАУТ

Софья Хейдекраут

Серебро Пепла и Песнь Луны

«Автор»
2026

Хейдекраут С.

Серебро Пепла и Песнь Луны / С. Хейдекраут — «Автор», 2026

Очнуться после тяжелой схватки и понять, что ты не помнишь лучшего друга, который спас тебе жизнь — страшно. Узнать, что магия, в которую ты не верила, реальна, а демоны существуют — еще страшнее. Но для Авроры Саммерсет это стало лишь началом.Она — Ифрит, охотница на тёмных созданий, и наследница Силы древней Богини Охоты, Бендиды. Её воспоминания погребены под заклятием Забвения.Гидеон готов ждать вечность, пока Аврора вспомнит его. Он поклялся защищать её от любых угроз, даже если для этого придется сражаться с собственными демонами и древним Зверем, рвущимся на свободу из недр Хаоса. Сам мир трещит по швам: открываются бреши, альентарская знать плетет интриги, а пророчество гласит, что только объединенная сила Богов Легиона способна остановить надвигающийся Апокалипсис.Сможет ли Аврора вернуть себя и принять любовь, которую Гидеон хранил для неё все эти годы? Или же их общая сила станет последней искрой, что разожжёт пламя конца всего сущего?

© Хейдекраут С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛОССАРИЙ 6
Глава 1. Лёгок спуск в Ад и тягостен подъём 8
Глава 2. В моих венах Везувий. 20
Глава 3. Брось меня в небо, убедись, что солнце светит. 32
Глава 4. Сгинь, пляска муз, весь древний мир. 46
Глава 5. Когда придет мой смертный час. 59
Глава 6. Мы чемпионы, мой друг? 69
Глава 7. Короткий сон о долгой жизни. 81
Глава 8. Путником случайным мы живем. 93
Конец ознакомительного фрагмента. 102

Серебро Пепла и Песнь Луны

Софья Хейдекраут.
Цикл: Имя им Легион
Серебро Пепла и Песнь Луны • 2 книга

ГЛОССАРИЙ

I. Титулы, звания и должностные лица Ордена

Феранор — рыцарь Ордена Альентара, обученный владению оружием, магии и санктам.

Фернастар — командир отряда фераноров. Отвечает за боевую подготовку, дисциплину и выполнение оперативных задач вверенного подразделения.

Претор — командующий отделением Ордена в пределах одного региона (города, провинции). Осуществляет общее руководство Коалицией Фераноров и Искателей на подотчётной территории.

Экзарх — командир крупного подразделения Ордена (Коалиции). В иерархии Ордена находится выше Претора; подчиняется непосредственно Верховному.

II. Миры, локации и королевства

Альентар — параллельная Земле реальность, мир Ифритов, фейри, вампиров и божественных сущностей. Искусственно созданный полигон, существующий на стыке памяти и информации.

Мосты — магические порталы, связывающие Альентар с Землёй и иными мирами. Стабильность Мостов зависит от Светочей (см. ниже).

Благой Двор — королевство фейри, расположенное в пределах Альентара. Отличается сложной политической структурой и приверженностью древним традициям.

Серебряный Чертог — королевство фей и эльфов. Славится искусством магии, оружейным мастерством и долгой памятью о былых войнах.

Вечный Некрополь — королевство вампиров. Место, где стирается грань между жизнью и смертью; управляется древними родами, чья власть зиждется на крови и ритуале.

Форпост — загадочное сооружение в Некрополях Альентара. Граница мира мёртвых, не являющаяся, однако, полноценным загробным царством. Сюда попадают те, кому тем или иным способом удалось обмануть смерть. Выбраться из Форпоста, согласно всем известным источникам, практически невозможно.

Скрытый Предел — таинственное место, соединяющее Альентар и Авалон — город Богов. Предположительно располагается в подземельях Карпат. Точные координаты не установлены.

III. Артефакты, ритуалы и явления

Светоч — магический артефакт, стабилизирующий работу порталов (Мостов) в пределах Альентара и за его пределами. Каждое королевство обладает собственным Светочем. Для поддержания активности артефакта требуется непрерывность королевской линии. Угасание Светоча ведёт к нестабильности порталов и прекращению межмировых переходов.

Глеф Сотворения — божественная сила; согласно пророчеству, возвращение двенадцати Глеф способно дать миру новое начало.

Прядение — серия молитв и ритуалов, которые проходит будущий король или королева одного из дворов Альентара, прежде чем корона примет их. Считается, что без Прядения корона отвергнет претендента, а само королевство может погрузиться в хаос.

Велестрид — посох Извечной Ксифериссы. Точное назначение и свойства посоха неизвестны; упоминается в древних текстах как «ключ, отворяющий врата, которые не следовало отворять».

Мистраль — традиционный танец фейри, исполняемый на празднествах Благого Двора.

IV. Язык и терминология

Аэларион — язык Извечных, на котором, согласно преданиям, были написаны первые скрижали мироздания. Считается мёртвым; отдельные фрагменты сохранились в гримуаре Энкратис.

Ил’таран вéль аэ (аэлар.) — «Ключ к тайнам Мироздания». Фраза, встречающаяся в древних пророчествах. Трактуется как символ абсолютного, бесконечного знания, доступ к которому может изменить саму структуру реальности.

Velár in (альент.) — «Моя дорогая». Обращение, принятое между друзьями и близкими, не состоящими в романтических отношениях. Употребляется как среди равных, так и от старшего к младшему.

Глава 1. Лёгок спуск в Ад и тягостен подъём

...вблизи вулкана
невозможно жить, не показывая кулака; но
и нельзя разжать его, умирая,
потому что смерть - это всегда вторая
Флоренция с архитектурой Рая.
И. Бродский.

Флоренция, Италия. Ноябрь 2021 год.

Правое предплечье саднит — даёт о себе знать рана, полученная в стычке с Изнаночными. Закрывшись в ванной, Кьеран закатывает рукав, осторожно приподнимает повязку и видит всё ту же картину: следы клыков твари, которая едва не оторвала ему руку. Повязку он носит уже второй день и не сомневался, что ранение начнёт затягиваться. В действенности снадобий Иветт усомнился бы разве что безумец, и всё же сейчас что-то явно шло не по плану. Ему обещали чёткую схему: первые сутки — утихает боль, вторые — стягиваются края, третьи — исчезает любой намёк на шрам.

Возможно, это как раз то редкое исключение, которому нужно чуть больше времени.

Он возвращает повязку на место, одёргивает рукав и расправляет ткань, чтобы под ней ничего не угадывалось. Торопливо ополоснув лицо, Кьеран репетирует перед зеркалом лёгкую улыбку — раз, другой, пока она не начинает выглядеть естественно, — и выходит из ванной прямиком к дверям кабинета.

«Чёрт, Фатерис…» — проносится в голове, и он переступает порог.

— Ты как натянутая струна, — роняет Фатерис, устроившаяся за его столом. Выглядит она, по обыкновению, безупречно: отглаженная белая рубашка, строгая юбка-карандаш, рыжие волосы собраны в идеальный хвост. Поза, вероятно, задумывалась как непринуждённая, но Кьеран сразу замечает ту же внутреннюю скованность — морщинка, залёгшая между бровей, говорит сама за себя.

— Я бы попросил тебя не применять пространственную магию в моём доме, — произносит он, прислонившись спиной к закрытой двери.

— Не для того я годами её оттачивала, чтобы пренебрегать в нужный момент, — без малейшей заминки отзывается Фатерис. В её взгляде вспыхивает злой огонёк, который кто угодно принял бы за враждебность, если бы не знал её обычную манеру. Подтянутая, резкая, прямая — иной её никто никогда не видел.

— Ты с плохими вестями? — спрашивает он.

— Если отталкиваться от недавнего прорыва… — Она сплетает пальцы и кладёт на них подбородок. — Эти вести не назовёшь ни дурными, ни добрыми. Скорее, директива свыше.

Кьеран невольно вздрагивает.

— Прости, повтори. Мне показалось, что…

— Мы обнаружили магический след Бога.

«Дыши, Кьеран, — приказывает он себе. — *Просто продолжай дышать».*

— Бога? — переспрашивает он, стараясь, чтобы голос прозвучал ровно.

— Точное число назвать сложно, — отвечает Фатерис. — Но полагаю, пока мы не отыщем больше двух.

— Уже на этом этапе можно установить, кто именно?

— Нет. — Она дёргает плечом резче обычного. — Слишком размытый след. Чтобы их различить, потребуется прямое применение Силы.

— Просто чудесно, — бормочет Кьеран, растягивая губы в натянутой усмешке. — Именно тогда, когда Аврора снова заинтересовалась моими историями…

— Кьеран, — в голосе Фатерис звучит жёсткое предупреждение, — ты же не собираешься…

— У неё кровь первых, — перебивает он. — Она способна откликнуться. Но, клянусь, я перестану рассказывать ей всё это, если кровь первых в ней так и не заговорит.

— Обычно кровь первых проявляет себя безоговорочно, но с твоей дочерью, судя по всему, случай иной. — Ногти Фатерис выбивают короткую дробь по столешнице, взгляд ускользает в сторону. — Хотя… нет, мы ведь уже всё перепроверили. Если до двадцати трёх лет кровь первых не подаёт голоса, то… Сколько ей сейчас?

— Двадцать два. Исполнилось неделю назад.

— И молчание до сих пор не нарушено. Пора остановиться, Кьеран.

— Я понимаю. Поверь, я всё понимаю.

И всё же взять и оборвать истории для дочери он не может. Иногда кровь первых даёт о себе знать и спустя несколько месяцев после того, как человек достигает двадцати трёх лет, а Аврора перешагнула этот рубеж всего месяц назад.

— Пока ты не пустился во все тяжкие, — перебивает его мысли Фатерис, — давай уладим несколько моментов.

— Тебе следовало обратиться с этим к Меланте, а не ко мне.

— Меланта не стояла рядом с Гидеоном и Эллиотом, когда они напоролись на ту тварь.

Кьеран застывает. Он всеми силами избегает мыслей о дне, который перевернул жизнь Авроры.

— Вряд ли я скажу что-то, чего ты ещё не знаешь, — произносит он.

— Этого и не требуется. — Фатерис чуть качает головой. — Мы разберёмся сами.

— Выражайся конкретнее.

— Ты помнишь проверку, которую мы устроили после той вылазки? — Из вежливости она выдерживает паузу и продолжает лишь после того, как Кьеран почти незаметно кивает. — Хаоситы всякий раз оставляют отпечаток на тех, кто с ними соприкасается, и такой отпечаток вычисляется без труда. Но то, с чем мы имели дело…

Уже тогда ифриты пребывали в растерянности. Гидеон и Аврора почти не несли на себе магических меток тёмных созданий. Подобное встречалось и раньше, однако никогда не достигало столь ничтожных значений. Маги сумели распознать эманации демонов и Изнаночных, но один из отпечатков так и остался неразгаданным — настолько слабый, настолько ускользающий, что определить его источник не удавалось никакими средствами.

Фатерис направляет на Кьерана странный взгляд: в нём смешиваются жгучий интерес, сожаление и мрачная тоска.

— Вы установили, чей это был след? — спрашивает Кьеран едва ли не шёпотом, боясь, что звук разлетится по всему дому.

— Божественный, — одними губами выдыхает Фатерис. — Там был след Бога.

Воздух вырывается из груди Кьерана толчком, будто ему ударили под дых.

— Это что, розыгрыш? — вылетает у него с нервным смешком. — Умоляю, скажи, что это дурацкая, несмешная шутка.

— Прости, Кир. Всё серьёзно. Похоже, Хаоситы нашли способ подключиться к источнику Силы.

— Этого не может быть, — мгновенно парирует он. — Боги исчезли бесследно.

— Скорее всего, большинство — да. Но двое возродились точно. Один из них сейчас перед тобой. — Она сцепляет пальцы. — Мы с Зейном вдоль и поперёк прочесали эту цепочку и до сих пор не понимаем ни механизма, ни того, кто запустил очередной цикл.

— Первые мертвы уже двадцать три года. Как они могли… Погоди. — Кьерана осеняет, и в голове всплывает её упоминание о трудностях, которые заставили её явиться.

— Судя по твоему лицу, радужных вестей не предвидится.

— Давид предупреждал, — бормочет Кьеран, проводя ладонями по лицу. — Твердил, что тот вернётся.

— Вернувшийся может быть кем угодно, — мягко произносит Фатерис. — Сейчас главное — вычислить источник. Если магия мелькнёт ещё раз, пусть даже слабой вспышкой, мы определим, кому она принадлежит.

— Даже если её использует Хаосит?

— Именно в этом случае.

Фатерис мрачнеет, но уже в следующее мгновение лицо разглаживается. Она проводит пальцем по столешнице Кьерана, и за движением тянется тончайшая алая нить — нервы сдают, магия выплёскивается наружу.

— Ордену это точно не понравится, — замечает Кьеран, просто констатируя факт.

Он и сам едва переваривает складывающуюся картину. Возрождение божественной Силы — палка о двух концах: способна даровать спасение, способна и стереть в пыль всё живое. А попади она к Хаоситам, тем, кто подчиняет сам хаос… дорисовывать последствия решительно не хочется.

— Это ещё не всё, — говорит Фатерис, и Кьеран улавливает в её голосе отчётливое смятение. — След слишком размыт, чтобы опознать личность. Мы засекли в нём Силу Богов, но исходила она вовсе не из того заброшенного особняка, который обследовали маги.

— Может, источник исчез вместе с домом?

— Вряд ли. Когда-то он и правда находился там, однако теперь сместился. Но дело не в этом. Мы нашли два источника. Один, вероятно, затаился у Хаоситов. А второй… — она замолкает.

Прежде ему не доводилось видеть Фатерис потерявшей дар речи. Она всегда источала уверенность и хладнокровие; любой пробел в знаниях заполняла быстрее, чем собеседник успевал моргнуть, а её магия не давала сбоев практически никогда.

— Фатерис. — Голос Кира твердеет, пока он следит за тем, как она ставит локти на стол и прячет лицо в ладонях. — Отвечай, где второй источник?

— Здесь, — выдыхает она, вскидывая голову. — Прямо в эту минуту он находится здесь, у нас в Штабе.

Кьеран не сразу осознаёт услышанное. Он беззвучно открывает и закрывает рот, точно ловит ускользающую мысль. Фатерис не отводит прямого взгляда, и в её голубых глазах разгорается золотистое свечение — наружу рвётся магия. Теперь понятно, откуда эта нервозность: её собственный дар тянется к Богу, ищет соединения.

— Кир…

— Постой. — Он выбрасывает одну руку вперёд, а второй судорожно взъерошивает волосы. — Всех нас проверили сверху донизу. Как такое вообще могло проскочить?

— Не знаю, Кьеран. Эта магия напоминает слепое пятно. Мы до сих пор толком не разобрались в механизме её работы, и не исключено, что другие Святые умеют маскироваться. Я… в самом деле не знаю. Но сейчас я уверена лишь в одном: один из источников здесь, внутри Штаба, и…

— Ради всего сущего, — отчаянно молит Кьеран, — пусть это окажется случайный прохожий, которого занесло к нам за чашкой кофе!

— …и в этом есть что-то странное, — договаривает Фатерис, пропуская его просьбу мимо ушей. — Кровь Первых в твоей дочери молчит, однако кто-то в Штабе излучает божественную силу.

— Ты полностью уверена, что это обитатель Штаба, а не я? Может, я тайный бог и просто чертовски скромен?

— Это невозможно. Не обижайся, Кир, но Первые избирают самых достойных и самых сильных — таково их неоспоримое решение, и тебя оно уже однажды обошло… А вот если кто-то из Первого Легиона остановил выбор на твоей дочери, выходит…

— …что Хаоситы почуют её след и явятся за ней.

Никогда ещё Кир не испытывал столь всепоглощающей беспомощности. Именно сейчас, когда ребёнок — его любимая девочка — нуждался в защите, силы покинули его целиком, уступив место отчаянию и животному страху. Рассказывал ли он Авроре свои истории с мыслью, что когда-нибудь они воплотятся в реальность? Нет, конечно нет. Каждую легенду он произносил с тайной надеждой, что настоящая жизнь дочери никогда с ними не пересечётся.

Сердце разрывалось на части, но рассудок уже выстраивал жестокую цепочку грядущих событий. Если Аврора и правда несёт в себе силу Святой, не подозревая об этом, любое неосознанное применение магии мгновенно выдаст её. Маги Ордена вычислят, какая именно сила Первых в ней заговорила, — и этот же сигнал приведёт на порог Хаоситов.

Рыдания, подступившие к горлу, Кьеран загнал обратно усилием воли. Позволить себе рухнуть в кресло и выплакаться в подушку, проклиная судьбу, он не имел права. Один из трёх столпов, на которых держался Триумвират, лучший меч Ордена — вся организация смотрела на него и брала с него пример. Одна-единственная трещина в его выдержке — и авторитет рухнет, а люди перестанут идти следом. Сейчас, когда выяснилось, что его дочь, вполне возможно, носит в себе Силу, поддержка Ордена требовалась ему так отчаянно, как никогда прежде.

— Кьеран. — Фатерис оставила стол, приблизилась вплотную и заставила его встретить её взгляд. — Бросать её никто не станет. Мы отыщем выход.

— Я отказываюсь в это верить, — упрямо выдохнул он. — Это какая-то чудовищная ошибка.

— Прости, но…

Фраза оборвалась на середине. Пальцы Фатерис сдавили его ладони с такой силой, что ногти впились в кожу. Вспышка чужой магии полоснула правое предплечье ожогом. Кьеран стиснул зубы и попытался высвободиться, однако хватка держала мёртво. Глаза женщины, распахнутые до предела, уставились куда-то за его плечо, и золотое свечение почти полностью залило голубую радужку. Магия в её взгляде проявлялась всегда, но сейчас Фатерис явно теряла над собой контроль: золотистые нити потекли между пальцев, оплели запястья Кира и поползли дальше, растекаясь по всему телу тёплыми, ищущими волнами.

Впервые на памяти Кьерана её сила сопровождалась такой неприкрытой растерянностью. Собственная магия Кира забурлила в венах, пытаясь выплеснуться наружу, однако причина оставалась неясной. Подобные неконтролируемые порывы случались лишь в трёх случаях: когда маг стоял на пороге смерти, когда на него обрушивалось проклятие Хаосита или когда…

— Брешь, — прохрипела Фатерис, сжав зубы до скрежета. Золотой оттенок в её глазах уже тускнел, но ещё не угас полностью. — Только что открылась новая брешь.

Весь мир полетел к чертям — эту мысль Кьеран успел прокрутить несколько раз, прежде чем до слуха донёсся вой, от которого заходили ходуном стены Штаба.

***

Комнату заливает густой мрак, и всё же Аврора различает каждую деталь с той же ясностью, что и при свете. Она отчётливо помнит, как засыпала, чувствуя рядом Гидеона и натянув плед до самого подбородка, но сейчас нет ни его тепла, ни самого пледа. Низкий столик у дивана опустел — картонные коробки из-под еды бесследно исчезли. Аврора садится медленно и обводит пространство взглядом. Ледяная гостиная встречает её одиночеством.

Окно заперто. От дверей не тянет сквозняком, и со второго этажа не спускается холодный воздух, однако мороз словно прописался здесь, пропитал каждый предмет, до которого сумел дотянуться. Аврора убеждает себя, что тревожиться глупо: скорее всего, это просто сон — чересчур похожий на явь, но всё-таки сон, который растает сразу после пробуждения, как и все прочие. Беспокоиться не о чем.

И всё же нервы звенят до предела. Аврора не была уверена, что во сне можно так ловко управлять телом и событиями, но именно сейчас всё почему-то даётся куда свободнее. Она ощущает каждое движение, кожей впитывает стужу, нос ловит запахи — горячего воска, цветов и снега. В Штабе никогда не пахнет так: воском, цветами и снегом одновременно.

Она проходит на кухню. Здесь мало что изменилось, если не считать пустого холодильника — продукты пропали без следа. Записки, которые обычно оставляет Гидеон, превратились в хаотичную вязь, в истинный почерк реаниматолога, не поддающийся расшифровке. Аврора пробует выхватить хотя бы одно слово, пробует снова и снова, но буквы сливаются в бессмыслицу. В конце концов, она решает, что это не имеет значения, и, напоминая себе: «Это сон», — покидает кухню.

— Гидеон! — зовёт она и начинает подъём по лестнице. — Гидеон!

Аврора срывается на бег. Взлетает по лестнице, поворачивает налево, проскакивает мимо нужной двери, но тут же возвращается обратно. Томми, пятилетний сын Меланты и Конрада, сидит на кровати, судорожно сжимая одеяло, и во все глаза смотрит на женщину, застывшую у окна. Свет прикроватной лампы бьёт по глазам неестественной яркостью.

— Что это за звук? Кто так выл? — испуганно спрашивает мальчик, не отрывая взгляда от незнакомки. Потом медленно, будто осознав чьё-то присутствие, поворачивает голову к двери и с явным облегчением выкрикивает:

— Ро!

— Томми, — выдыхает Аврора, мгновенно оказываясь рядом. Он не любит долгих объятий, но для неё и Гидеона всегда делает исключение, и сейчас она пользуется этим сполна.

— Ты её видишь? — спрашивает Томми, осторожно отстраняясь, и кивает в сторону окна. Аврора, заслоняя брата собой, переводит взгляд на женщину.

Женщина у окна напоминает мираж: кожа отливает прозрачностью, по длинным белым волосам разбегаются замысловатые линии, а тёмное платье усеяно разноцветными кольцами. Стоит незнакомке перевести взгляд на Аврору, белые глаза словно наливаются внутренним светом, и почти невидимые губы изгибаются в торжествующей усмешке.

— Всё-таки добралась, — произносит она, не гася улыбки.

— Так ты умеешь говорить?! — изумлённо выдыхает Томми.

Аврора, бросив на мальчика короткий недоумевающий взгляд, спрашивает:

— Что?

— Теперь умею, — откликается незнакомка, и улыбка её становится ещё шире. — Дело было вовсе не в тебе, мой юный герой.

— Послушайте, дамочка, — Аврора рывком поднимается, шагает вперёд и замирает прямо перед ней, сжав кулаки. — Вам лучше убраться. В этой комнате есть пистолет, и, поверьте, я достану его раньше, чем вы успеете моргнуть.

Вся эта угроза — чистый блеф. О существовании дядиного оружия она знает, но где именно Конрад его прячет, понятия не имеет, да и полной уверенности, что решилась бы нажать на спуск, не испытывает.

Женщина поднимает ладони, и по ним, переплетаясь, проступают слова, полосы и фигуры — целая вязь.

— Я пришла с миром…

Аврора и Томми обмениваются ошеломлёнными взглядами и хором спрашивают:

— Что?

В груди у Авроры стремительно нарастает тревога.

— Я ничего не понимаю, — добавляет она. — Если вы не объясните, как сюда попали…

— Пришла следом за тобой, — перебивает женщина. — Ах, совсем забыла о вежливости. Меня зовут Бендида, я — прежняя Богиня Охоты.

Аврора ждёт продолжения, но Бендида умолкает. Улыбка исчезает, лицо застывает холодной, непроницаемой маской, и по телу Авроры прокатывается дрожь.

Женщина выдерживает короткую паузу и продолжает:

— Произошедшее меня искренне огорчает. Запас минут почти исчерпан, и, боюсь, после этой беседы я ещё долго не смогу к тебе пробиться.

— Оставьте нас, — выпаливает Аврора, пытаясь придать голосу жёсткость, которой, по её мнению, требуют угрозы в адрес полупрозрачных гостий, но выходит сдавленно и неубедительно.

— Давай сосредоточимся на тебе. Твой резерв Времени и в самом деле ничтожен.

Последнее слово она выделяет интонацией — произносит с большой буквы, наполняя смыслом, который выходит далеко за пределы обычного отсчёта минут. Аврора вдруг осознаёт: управлять течением сна — если допустить, что перед ней вообще сон, — она больше не способна. И всё же умом вынуждена признать, насколько захватывающе разворачивается картина; никогда прежде подсознание не разыгрывало перед ней представлений такого масштаба.

— Доверяй исключительно себе и собственным ощущениям, — чеканит женщина, и голос её обретает стальную твёрдость. Томми, уже начавший осторожно выбираться из кровати, замирает на полушаге и послушно заползает обратно. — Запомни: ты и умнее, и сильнее.

— Ну конечно, — не выдерживает Аврора, скептически фыркнув.

— Ты нужна им, только не позволяй собой манипулировать. Аскелис… Аскелис выручит. Я уверена — выручит.

— Что? Послушайте, леди… — Аврора резко выбрасывает руку к ящику приоконного столика, надеясь, что жест окажется понятным. Даже если пистолета там нет, внутри наверняка отыщется что-нибудь, что можно запустить в женщину и хотя бы на секунду отвлечь её внимание от Томми. — Предупреждаю в последний раз.

— Прошу, отыщи Севериана, — голос женщины срывается, в уголках глаз вспыхивают слёзы. — Я не ошиблась, когда избрала тебя. Прошу тебя…

Аврора с грохотом выдёргивает ящик стола и, к собственному изумлению, обнаруживает внутри пистолет. Томми вскрикивает от испуга, но она уже выхватывает оружие и наводит ствол на незнакомку, даже не проверив, заряжен ли он. Обращаться с огнестрельным оружием Аврора не обучена, зато отчётливо сознаёт: даже незаряженным пистолетом можно нанести удар.

— Всё происходящее — иллюзия, — роняет женщина, будто и не замечая направленного на неё ствола. — Ты очнёшься в том же месте, откуда тебя выдернули, и почти ничего не удержишь в памяти, но… пожалуйста, сохрани моё имя. Я Бендида, Богиня Охоты и Луны. Я вручаю тебе свою Силу.

Пальцы Авроры трясутся. Она готова броситься на женщину, однако Бендида опережает её: тянется ладонью и касается лба. Колени Авроры подламываются, и всё вокруг гаснет, утягивая её в сплошную черноту.

Флоренция, Италия. Апрель, 2021 год.

По лицу хлёстко били чьи-то ладони, и Аврора невольно поморщилась. В голове мелькнула досадливая мысль: существуют же способы будить человека без этой грубости — можно легонько коснуться плеча, поставить любимую мелодию или просто принести горячий кофе прямо в кровать.

— Вставай немедленно! — прорезал этот шум резкий женский окрик.

— Остановись, ты же её покалечишь! — перебил его другой голос, более глубокий, встревоженный и странно родной.

— Папа? — пощёчины прекратились, и Аврора поняла, что отец успел заслонить её от натиска незнакомой женщины.

Она с невероятным трудом приподняла веки — и едва подавила вскрик. Прямо над ней застыли два лица: взволнованное лицо отца и лицо женщины, чьи глаза полыхали расплавленным золотом. Это сияние было подлинным, сравнивать его с огнём оказалось бы ошибкой, и Аврора тут же отбросила эту аналогию.

— Хвала богам, — с облегчением выдохнул Кьеран и аккуратно помог дочери сесть.

Обведя комнату взглядом, Аврора заметила Томми на диване. Он определённо спал, но сама эта сцена выглядела абсурдной. Мальчик просто не мог задремать в такой скрюченной позе: одна её нога давила ему на колени, вторая упиралась в бок, а голова безвольно свесилась вниз. Для Томми, который боготворил комфорт и обожал закутываться в мягчайшие пледы на роскошных кроватях, эта жёсткая мебель и неудобная поза были немыслимы.

— Полное безумие, — прошептала Аврора пересохшими губами.

Она так и осталась лежать там, где её сморило, — на том же диване. Рядом безмятежно посапывал Томми, на столике высились опустевшие коробки из-под пиццы, а мягкое свечение из кухни наполняло пространство уютом. *«Значит, это был просто сон»,* — пронеслось в голове, но сознание тут же пронзил громоподобный голос той самой женщины: *«Нет, не сон».*

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Кьеран, осторожно коснувшись плеча дочери.

Аврору будто прошило током — тело мгновенно напряглось. Отец не мог не заметить этой дрожи. Его внимательный взгляд медленно изучал её лицо, задерживаясь на каждой черте, точно он навеки впечатывал этот миг в память. В его глазах блестели слёзы. Аврора замерла, глядя на него в полной растерянности — она ни разу в жизни не видела его плачущим, даже во время похорон его дяди. Тогда Кьеран казался монолитной ледяной глыбой. Теперь же этот камень дал трещину.

— Ты ведь не спала, правда? — голос давался ему с огромным трудом.

— Почему же, спала, — растерянно возразила Аврора, уверенная в своих ощущениях.

— Ошибаешься, — резко вмешалась незнакомка. — Ты была вовсе не во сне. Возьми себя в руки, Кьеран! — рявкнула она, испепеляя его взглядом.

— Прекратите! — вспыхнула Аврора. — Не смейте давить на него!

Он криво улыбнулся, но улыбка вышла дрожащей:

— Всё хорошо, Ро. Правда… я справлюсь. Так ты на самом деле спала?

— Ну конечно! — её ответ прозвучал почти возмущённо. — Мне даже что-то снилось.

Мысль о странном шёпоте, проникшем в самое сознание, оборвалась на середине — Аврора резко замолчала.

Золотоглазая не сводила с неё изучающего взгляда и резюмировала:

— Ты осталась в сознании, услышав вой. А это важный симптом.

— Какой ещё вой? — Аврора нахмурилась совершенно искренне. — Вокруг было тихо.

Отец мгновенно расправил плечи, и вся его недавняя растерянность испарилась без следа — возможно, на него подействовал командный голос гостьи. Аврора сжала пальцы, борясь с острым желанием запустить в эту женщину диванной подушкой, лишь бы выбить из неё хоть каплю ясности насчёт состояния отца.

Она нерешительно протянула:

— Понимаете… — и замолчала, гадая, стоит ли упоминать, что в её странном видении Томми как раз рассуждал о вое. А бесплотная незнакомка из сна и вовсе твердила, будто звук не проникает сюда, потому что они за пределами особого дома. Дичь какая-то — Аврора ведь точно никуда не выходила!

— Оставим это на потом, — жёстко отсекла незнакомка, обрывая попытку Кьерана что-то сказать.

Взгляд Авроры скользнул на Томми, безмятежно развалившегося прямо тут же. Дикая несправедливость: всё вокруг шло кувырком, а кузен преспокойно отсыпался.

Она кивнула в его сторону:

— У него действительно обычный сон?

— Да, и слава богам, — подтвердила женщина. — Похоже, этот мальчик не подходит под критерии.

Кьеран осёкся на полуслове:

— Раз его вырубило от вопля Хаоситов, то это означает…

Фразу он не закончил, но Аврора мгновенно достроила её в уме. От неподвижного, тяжёлого взгляда отца вдоль позвоночника пробежала ледяная дорожка. Название «Хаоситы», всплывшее в памяти из разговора с призрачной женщиной, звучало как предвестник катастрофы.

— Мне приснилось что-то ненормальное, — слова вылетели сами собой, и в ту же секунду Аврора была готова прикусить язык.

Ну просто классика глупого фильма ужасов: героиня несла невпопад, совершала один нелепый поступок за другим и вляпывалась в неприятности по собственной инициативе.

Фатерис вперила в неё горящий золотом взгляд и резко потребовала:

— Выкладывай, кого ты видела во сне.

Аврора вскинула брови и молча уставилась на женщину, всем своим видом выражая недоумение. Та раздражённо выдохнула, качнула головой и представилась:

— Я Фатерис. А теперь всё-таки ответь: кто тебе приснился?

— Том и ещё какая-то дамочка, — торопливо выпалила Аврора. — Жутко странная, будто полупрозрачная.

Отец невольно стиснул её пальцы в своих — то ли пытался поддержать, то ли мягко подталкивал к продолжению.

— Она назвалась? — продолжала наседать Фатерис, сверля её золотистыми глазами. — Можешь описать, как выглядела?

Аврора на мгновение замялась, потом повернулась к Кьерану:

— Пап, может, объяснишь наконец, что здесь происходит? Мы ведь планировали просто киновечер…

Она изо всех сил старалась держать лицо, но взгляд всё равно стал ощутимо жёстче. Кьеран ответил ей виноватой полуулыбкой — безошибочно уловив молчаливый укор.

— Фильм мы непременно посмотрим, — мягко заверил он. — Только попозже. Сейчас важнее разобраться в ситуации. Будь умницей, Ро, ответь Фатерис. Ты запомнила, как звали ту женщину? Как она выглядела?

— У неё кожа выглядела совсем прозрачной, — принялась восстанавливать образ Аврора. — Волосы белоснежные, а внутри них словно крошечные галактики плыли. Ладони покрывал причудливый белый узор, а платье…

— Имя! — рявкнула Фатерис, метнув быстрый нервный взгляд к окну. Чувствовалось, что она до смерти боится внезапной помехи.

Ещё недавно Аврора считала панику Фатерис наигранной, но бесконечные переглядывания, загадочные паузы и упоминания Хаоситов полностью перевернули её восприятие.

— Имя вроде бы прозвучало… Северин? Аскелис? Или, может, Бенида? — сбивчиво перебирала она варианты, пытаясь ухватить ускользающую память. — Слишком много непонятного она наговорила!

Фатерис выдохнула едва слышно, но в этом коротком выдохе слились трепет и ужас:

— Бендида.

— Не может быть… — начал Кьеран, но его оборвал внезапный грохот. Зазвенели разлетевшиеся осколки, и в гостиную вломилась массивная чёрная туша, издававшая низкое утробное рычание. Аврора взвизгнула, однако отец мгновенно накрыл её губы ладонью. Фатерис рванула девушку с дивана и потянула прочь, но та словно приросла к полу, парализованная ужасом.

Посреди битого стекла и кровавых подтёков распластался исполинский чёрный пёс. Он медленно поднимался, не прекращая глухо рокотать. Через пролом один за другим протискивались такие же чудовища; их оскаленные клыки роняли шипящую пену, от которой доски пола начинали дымиться. Когти нетерпеливо царапали дерево.

Нож в руке Кьерана возник будто из ниоткуда. Фатерис наконец оторвала Аврору от места и заслонила собой. О Томми, по-прежнему мирно спящем на диване, все, казалось, забыли. Аврора дёрнулась крикнуть о кузене, но Фатерис резко стиснула её ладонь — молчаливый приказ «ни звука, не шевелись» был понятен без слов.

Псы образовали полукольцо. За их спинами заклубился чёрный густой дым. На пару мгновений повисла тишина, и Аврора уже успела подумать, что страшнее просто некуда. Но дым сгустился, принимая очертания.

Из мрака шагнул молодой мужчина в безупречно сидящем тёмном костюме и сверкающих туфлях. Кожа отливала мертвенной белизной, льняные волосы обрамляли лицо, на котором застыло выражение безмятежного, сытого удовольствия. Он потянулся, и за спиной развернулись кожистые крылья, пронизанные разрывами, которые то распахивались, то исчезали, обнажая клубящуюся пустоту.

Пальцы Фатерис впились в ладонь Авроры с новой силой.

— Потрясающий мир, я в восторге! — сияя широченной улыбкой, воскликнул незнакомец. Обычные карие глаза на его эффектном лице смотрелись почти нелепо.

— Пошёл прочь! — рык Фатерис прозвучал с такой яростью, что Аврора сама невольно дёрнулась назад.

— О-о-о, ифриты! — он театрально, с наслаждением вдохнул воздух, точно пробовал редкий аромат. Белки его глаз начали заливаться чернотой, а радужка плавно сменилась с карего на густой кроваво-красный. — Надо же, прямо потомки Извечных! Какой подарок судьбы!

Кьеран подал голос из-за спины Авроры — ей была видна лишь его напряжённая спина, но металл в тоне не оставлял сомнений:

— Уроженцы Земли владеют самыми сокрушительными приёмами во всех вселенных. Обещаю, ты оценишь это, Заргос.

— О, тебе известно моё имя, — протянул мужчина, перекатывая слова на языке. — Очень польщён.

— Ты и вдвое уступаешь тем байкам, что о тебе ходят, — бросила Фатерис. — Нам попадались демоны куда страшнее.

— Демоны? — он задержался на этом слове, смакуя его. — Демоны… А мне нравится! «Тёмные создания» — согласитесь, звучит слишком громоздко. Представьте картину: я уже нависаю над жертвой, готовясь покончить с ней, а смертный вопит: «О нет, тёмное создание!» — это же ужасно длинно, не находите? Другое дело — «О нет, демон!» Куда эффектнее! Надо почаще его использовать. Смертные часто это кричат, когда вы их пожираете?

Внезапно Заргосу в грудь ударил поток алого света. Аврора на мгновение решила, что это выпад Фатерис, но уж больно грандиозно смотрелось. Однако тут же сама Фатерис повторила приём — и ярчайшая вспышка пришлась точно в лицо противнику. Заргос издал пронзительный вопль, в котором смешались боль и злость, и выкрикнул что-то нечленораздельное.

Вся свора сорвалась с места и ринулась вперёд. Фатерис без промедления рванула Аврору за собой. Буквально в сантиметре от её лодыжки лязгнули острейшие клыки. Фатерис толкнула

девушку в сторону лестницы, пропуская вперёд метнувшегося туда же Кьерана, и заслонила проход собой.

***

Аврора застыла в полном недоумении: как они сумели преодолеть такое расстояние до лестницы за считанные мгновения? Это противоречило всем законам физики, учитывая их скорость! Однако отец мгновенно вырвал её из ступора — он мёртвой хваткой сжал её запястье и увлёк вверх по ступеням, а Фатерис исчезла из виду где-то позади.

Среди всеобщего хаоса взгляд Авроры выхватил знакомую макушку, и она с отчаянным криком бросила в пространство:

— Томми!

— Не беспокойся о нём! — резко оборвал Кьеран, даже не думая замедлять движение. — Не останавливайся!

Аврора неслась изо всех сил, но глубоко внутри билась жилка панического страха. О каком спокойствии могла идти речь, когда жуткие создания находились буквально в шаге от мальчика? Хватка отца была настолько железной, что её рука стремительно теряла чувствительность.

Она бросила быстрый взгляд через плечо — сзади пустота, ни Фатерис, ни монстров больше нет. Лишь у самого основания лестницы колыхалась и переливалась мерцающая золотая завеса, похожая на созданную незримую преграду.

— У нас есть немного времени, — уронил Кьеран, делая крутой поворот в левый коридор на втором этаже. — Скоро она откроет проход.

— Что, прости?!

— Без лишних вопросов, — отчеканил он, резко замирая на месте. Его тяжёлый взгляд буквально ввинчивался в Аврору, будто он оценивал, насколько точно она воспримет каждое слово. — Умоляю тебя. Ни шага в сторону от плана. И забудь про любые вольности.

— Объясни, ради всего святого, что здесь вообще происходит?!

— Стандартная ситуация, — нервный смешок сорвался с его губ. — Прорыв барьера, орда тварей прорвалась наружу… Но паника тут лишняя, скоро подойдёт подкрепление. Рыцари Ордена со всем справятся. Наша задача — дожить до их появления.

— Да какие твари, скажи на милость?!

— Порождения Тьмы. Тот крупный, Заргос — Хаосит. Стаи псов — бестии с Изнанки. Позже я посвящу тебя во все детали этой жуткой классификации.

Мысленно Аврора издала измученный стон. Ей абсолютно не интересно сейчас погружаться в нюансы демонологии или как там правильно именуется эта безумная дисциплина. Всё её существо желало лишь одного — крепко зажмуриться, медленно сосчитать до десяти, а распахнув глаза, убедиться, что это лишь дикий, необузданный ночной кошмар.

Никаких монстров. Никаких потусторонних шёпотов в сознании. Никаких загадочных имён, что нашептывала полупрозрачная женщина. Просто выдумка спящего мозга. Обыкновенное сновидение.

В голове Авроры теснился даже не одиночный вопрос, а целый шквал разрывающих сознание мыслей. Но на диалоги не было ни секунды: отец бесцеремонно толкнул её в спину, заставляя бежать, и она помчалась по лестничному пролёту, едва успевая перебирать ногами в этом безумном темпе.

Визг ступеней под ногами моментально заглох в оглушительной какофонии рёва и воя, захлестнувшей весь дом. У самой верхней ступеньки до слуха Авроры долетел сухой треск — только усиленный десятикратно, словно кто-то крушил целую охапку толстых веток.

— Сворачивай налево! — выкрикнул Кьеран, резко направляя её движение толчком в плечо.

Налево — само собой, туда, где располагалась гостевая спальня. Третья дверь слева от окна, в конце длинного коридора. Прежде планировка их Штаба виделась Авроре почти избыточно свободной, но теперь этот бесконечный лабиринт проёмов и ответвлений ощущался смертельной западнёй.

Без предупреждения воздух разорвал яростный вопль отца. Настолько дикий, что Аврора рефлекторно шарахнулась назад и впечаталась спиной в стену. Прижавшись к холодной поверхности и распахнув глаза, она увидела: Кьерана сбили с ног, и теперь над ним нависала громадная туша, которая с трудом умещалась в тесном пространстве прохода.

Томми был без ума от фильмов ужасов. Именно от брата Аврора узнала о целой галерее монстров — и тех, что перебрались на экраны прямиком из античных легенд, и тех, кого сочинили специально для кино. Джини при подобных беседах всегда убегала, а вот Аврора слушала пусть и без особого энтузиазма, но совершенно спокойно. В конце концов, перед ней была лишь игра актёров и графика. Настоящих чудовищ не существовало. Их попросту не могло быть.

«Тёмные создания реальны».

Существо, которое сейчас подбиралось к лицу её отца… неужели это оно и есть? Один из тех самых монстров? Тёмное создание? Хаосит?

Ноги сделались ватными. Аврора с силой вонзилась зубами в слизистую щеки — так она пыталась переключить сознание, заглушить панику короткой вспышкой боли. Резкое ощущение должно было привести мысли в порядок, должно было обуздать сорвавшееся с цепи воображение… но оно больше не подчинялось. Взгляд намертво приковало к Кьерану, распростёртому на паркете. Он выставил вперёд одну руку в отчаянной попытке загородить голову от оскаленной клыкастой пасти.

Верхний этаж почему-то был залит более ярким светом, чем нижний холл. Аврора застыла статуей, потеряв всякое представление о том, куда кинуться, и просто наблюдала, как острые зубы в клочья раздирали рукав отцовской рубашки. Кровь веером разлеталась по сторонам, ручейками струилась по его предплечьям, заливала щёки и грудь.

Чудовище действительно оказалось тем самым Изнаночным псом. Массивная чёрная туша намертво придавила Кьерана к полу. Вдоль хребта твари хаотично извивались жуткие отростки — не то плети, не то подобие щупалец, беспорядочно дёргавшиеся во все стороны. Лапы, вдавленные в паркет, казались до странности гладкими и лишёнными когтей.

Кьеран, превозмогая невероятную тяжесть, высвободил левую руку, которую секунду назад буквально расплющило о его собственную грудную клетку. Стремительный замах — и в воздухе вспыхнул металлический блеск, клинок вошёл в морду чуть выше оскала. Ударила струя маслянисто-чёрной крови. Тварь издала полный муки и злобы рёв, челюсти на мгновение разжались, освобождая правую руку отца, но в ту же секунду зверь кинулся на него с новой, утроенной свирепостью. Кьеран успел лишь издать сдавленный вскрик — и тут же лестница снова наполнилась звуками, теперь уже от пронзительного скрежета множества когтей.

— Спрячься! — заорал он, вырвал нож из раны и тут же загнал лезвие в другую точку на теле зверя.

Аврора ведь поклялась не спорить и беспрекословно следовать любым приказам. Но сейчас она с ужасом осознавала парадокс: сил в мышцах хватало, чтобы оттолкнуться спиной от стены и броситься прочь, однако смелости, чтобы замереть на месте и прийти отцу на выручку, внутри будто бы совсем не было.

«Беги вперёд!»

Приказ впечатался в мозг с такой неумолимой силой, что разбитое окно в торце коридора попало в поле её зрения лишь краем сознания. Сквозь зауженный проём перетекали две фигуры — они именно перетекали, продавливаясь в помещение густыми волнами черноты, а не карабкались привычным образом. Их тела то выбрасывали из себя подобия конечностей, то мгновенно вбирали их обратно.

Девушка кожей ощутила, что попалась им на глаза. Может, органов зрения у этих созданий вовсе не было, может, она их просто не идентифицировала в мешанине мрака, но ледяной концентрат чужого внимания уже осел где-то под рёбрами. Отключив раздумья, она врезалась плечом в ближайшее препятствие — третью дверь по левую руку — и буквально ввалилась внутрь.

Томми, неведомо как очутившийся здесь, лежал, закутанный в одеяло, точно в плотном коконе. Наволочка под его головой потемнела от влаги, а над мальчиком громоздился зверь с вывалившимся наружу языком, с которого тянулись вязкие нити слюны.

Горло Авроры самопроизвольно исторгло крик. Тварь мгновенно среагировала, обратив к ней морду — омерзительное панно из множества мелких глаз, посреди которого распахнулся провал пасти с болтающимся отростком языка. Само тело выглядело массивным, но при этом неестественно пластичным, словно слепленным из резиновой массы. Аврора насчитала не меньше шести конечностей — на них не было когтей, зато каждую усеивали острые костяные бугры, и несколько таких наростов уже проткнули ткань одеяла Томми.

Почему он не открывал глаза? Его совсем не тревожил этот невыносимый грохот, и он даже не морщился, когда клейкая слюна капала прямо на лицо?

«Ситуация под контролем».

Аврора не верила ни одному слову этой навязчивой мантры, однако внутренний голос без устали её повторял. Он настойчиво твердил, что паника напрасна, что выход найдётся. Только вот прямо сейчас чудовище деловито облизывало лицо её брата — как тут сохранять самообладание?

Зверь будто колебался, выбирая мишень. Его взгляд медленно курсировал между Авророй и Томом. Стоило ему зафиксироваться на мальчике — язык тут же вываливался из пасти, но как только внимание переключалось на девушку, отросток послушно втягивался обратно.

Чудовище отлепилось от добычи и начало сползать с кровати. Аврора сделала два неуверенных шага назад. Тварь немедленно набрала скорость.

Девушка отчаянно внушала себе, что наблюдает всего лишь морок. Безумно реалистичный, липкий кошмар, но не более того. Ещё мгновение — и её выбросит в явь, где мир вернётся к своей обычной логике. Без монстров. Без секретных проходов, которых раньше не существовало. Без жуткой твари, вынашивающей что-то явно недоброе насчёт Томми.

Сердце дало сбой, пропуская удар. Раз, второй, третий.

С огромным трудом разомкнув налившиеся свинцом веки, Аврора выглянула сквозь ресницы. Чудовище пропало. Пространство по-прежнему было затянуто густым сумраком, но из дверного проёма в комнату сочилось мягкое серебристое свечение.

Глава 2. В моих венах Везувий.

Перевернуты перекрестки. Убиты миры.
Я без тебя, как расстрелянный без причастия.
Это грудь мою разрывает отчаянный рык
В древней войне без согласия на участие.
Саша Бест. Хаос.

Бирмингем, Великобритания, 2012 год

Гидеон по-настоящему оживал только в те ночи, когда открывался Оккультный базар — короткие часы, позволявшие сбежать из душной рутины в иную реальность. Ему нравилось всё: стоять за прилавком рядом с отцом, перебирать новые партии артефактов, разглядывать диковинные товары соседей. Снаружи, за пределами рынка, жизнь катилась по накатанным рельсам, но здесь, в тени Сумрачного леса, каждый вечер обещал чудо.

Впервые он попал сюда семилетним ребёнком, и с тех пор прошло восемь лет. Однако прежнее волнение никуда не делось: стоило ему пробраться сквозь хитросплетения старых улочек к неприметной кирпичной стене на окраине, как в груди вспыхивало всё то же чувство. Шаг сквозь камень — и он оказывался посреди пространства, где воздух дрожал от магии, а темноту рассекали загоравшиеся кристаллы и лампы, разливавшие мягкий золотистый свет.

Сумрачный лес мгновенно стирал из памяти всё, что осталось позади. Магазины и пабы Бирмингема исчезали, уступая место лабиринту петляющих дорожек, потайных двориков и площадей, пропитанных запахами пряностей, кипящего масла и влажной после дождя земли. Торговые прилавки ломились от диковин: тёмные фолианты в кожаных переплётах, загадочные склянки с переливающимися жидкостями, амулеты, кристаллы, артефакты. Каждую секцию оберегала невидимая глазу защита — тонкие мембраны, от близости которых покалывало кожу, а в боковых проходах дремали ифриты и зловещие стражники, беззвучно следившие за порядком.

Но самое важное заключалось в другом: базар не подчинялся ничьим правилам, кроме собственных. Он пульсировал в ритме ночи, материализуясь, когда темнота сгущалась и магия набирала силу, и полностью исчезал с первыми касаниями рассвета. Для Гидеона это место было больше, чем просто рынок. Оно было даром — даром видеть незримое.

Отец дал этому название — Видение, семейная черта, передающаяся из поколения в поколение. Когда-то он сам был одним из охотников Альентара, берёг древние реликвии и отлично понимал, чего стоит такая способность. Гидеону открывалась совсем иная картина. Он улавливал то, что ускользало от посторонних глаз: почти невидимых пикси, вспархивающих с придорожных травинок; призрачные, колеблющиеся силуэты ифритов, тающие прямо в людском потоке; продавцов, чьи пальцы привычно скрывали острые когти. Страха это не вызывало. Он чувствовал себя в этом мире своим. Достаточно было освоить правильный взгляд — и угроза исчезала.

Живущая внутри сила не признавала никакого контроля. Видение включалось само, полностью игнорируя его желания, и показывало то, чего другие не замечали, — даже тогда, когда Гидеон отдал бы что угодно, лишь бы не видеть.

Как-то днём, шагая домой после уроков, он застыл прямо на тротуаре. В тесной подворотне стая оборотней рвала друг друга в клочья, их рык, казалось, сотрясал воздух. Он кричал, пока не сел голос, пока не подлетели полицейские машины. Но полицейские обнаружили только голые стены, обрывки мусора и перепуганного ребёнка, который таращился в никуда.

После этого отец поставил точку: школа отменяется. Куда надёжнее были учебники, старинные манускрипты и домашние занятия. Днём Гидеон прятался в полумраке подвала, чаще

всего погружённый в видеоигры, а снаружи жизнь шла своим чередом без него. Зато с наступлением темноты, когда пробуждался Оккультный базар, он выходил наружу — и начиналась его настоящая реальность.

Там Видение больше не требовалось скрывать. Наоборот, оно превращалось в инструмент, позволяющий понимать суть всего происходящего. Рынок переливался и светился, будто выхваченный из сна: огненные духи сковывали джиннов пылающими цепями, феи с крыльями из тончайшего витражного стекла парили вокруг лотков с ядовитыми порошками. То и дело в воздух взмывали банши, предлагавшие за пару монет описать подробности чьей-то будущей смерти, и Гидеон лишь морщился, не в силах понять, кому такое вообще интересно. В тени бродил ночной лепрекон, обещая разыскать всё, что было потеряно, а рядом молодая ведьма с кислотно-зелёной шевелюрой продавала кулоны и браслеты, напитанные любовными чарами.

Его взгляд сам собой зацепился за неё. Ведьма перехватила этот взгляд и улыбнулась, сразу смекнув, что рыбка клюнула.

— Хватит пялиться, сердцеед, — отцовский локоть врезался ему в рёбра. — Я тебя не на свидания сюда позвал. Давай, займись вывеской.

Отец подтолкнул к ногам сына низкую железную скамейку и сунул в руки увесистую деревянную доску с выжженными по ней словами: «Книжная Лавка Эшвуда».

Особой фантазией название не блистало, но отец за ней и не гнался. Пока они крепили простую табличку над каменной аркой, Гидеон вдруг подумал: неужели их постоянным посетителям это не кажется дико нелепым? Вокруг ведь колдуны, оборотни, вампиры, фейри, стражники, вурдалаки… и даже та русалка, что каким-то чудом заплыла на Оккультный базар, хотя весь её мир умещался в толще морской воды.

И всё же именно своей прямотой вывеска брала верх над любыми ухищрениями. За её скупой простотой прятался куда более широкий ассортимент, чем можно было вообразить: отец продавал порошки и настои, изредка — оружие, причём не самого благородного свойства. Но главным его товаром были не предметы, а информация.

Посторонний человек никогда не переступал порога лавки, зато в границах базара имя отца знал каждый. Натаниэль Эшвуд мастерски выуживал чужие тайны. Никто не мог сравниться с ним в умении разнюхать, кто с кем заключил договор, кто кому задолжал и чьи замыслы пора оборвать, пока они не окрепли. За ним прочно держалась слава того, кто «в курсе всего», и ему с готовностью платили за крошечные крупицы знаний, которые он соглашался выдать.

Гидеон спрыгнул со скамейки, вытирая ладони о брюки. Отец, даже не глядя, протянул ему две крупные банкноты.

— Разменяй, — бросил он коротко, уже погружаясь в красную книгу записей, которую вытащил из-под прилавка. — Мельче ничего нет.

Гидеон молча кивнул. Любое поручение для него было поводом вынырнуть из тесноты лавки и раствориться в гудящем сиянии базара.

Он влился в людской поток. В лицо сразу же ударил густой запах белых цветов, усыпавших целый прилавок, — сладкий до приторности, тяжёлый, почти отравляющий воздух. Чуть поодаль группа людей, одетых в строгие дорогие костюмы, совала прохожим листовки и хором скандировала:

«Чувствуешь в себе силу? Орден Альентара открывает набор посвящённых. Пройди Ритуал Отбора — и сила пробудится! Дай крови зазвучать, и пусть удача будет на твоей стороне».

Гидеон машинально выхватил одну листовку, пробежался глазами по броским строкам и тут же сжал бумагу в кулаке. На Оккультном базаре за каждым громким обещанием стояла своя цена, и он слишком хорошо понимал: это не благословение, а расставленная ловушка.

Та, что пыталась втиснуть листовку ему в ладонь, — алые губы, тёмные пряди. Гидеон просто улыбнулся и отдёрнул руку. Девушка метнула на Натаниэля Эшвуда театрально-обиженный взгляд. Тот сидел за прилавком в своём непривычно расслабленном виде, лишь прикрыл пальцем строчку в красной книге и тихо усмехнулся.

Гидеон закатил глаза. Базар кишел тысячами крошечных культов — компактных религий на любой вкус, с личными идолами, ритуалами и пафосной мишурой.

Он разыскал одну из своих точек — старую тележку с дроблёным льдом, где торговали чем-то алым до черноты и густо пахнущим. Продавец подобострастно кивнул. Гидеон забрал стаканчик; лёд таял, и аромат вызывал смутное узнавание: маракуйя, протёртая малина, резкая кисло-сладкая острота. На базаре он всегда выбирал с оглядкой: местные конфеты и напитки могли не просто оглушить — они умели стирать память, перенаправлять судьбу или привязывать к единственному запаху навечно. Лавка Натаниэля оставалась хорошо знакомым островком безопасности; связываться с сыном того, кто знал всё про всех, отваживались немногие.

— Перейдёшь ему дорогу, — иронично заметил продавец, — и твои секреты рано или поздно выплывут наружу.

Гидеон хмыкнул и двинулся дальше, к сокровищнице местной ведьмы. Никакого высокого прилавка у неё не было; она сидела прямо на расстеленном саронге — дешёвой тряпке, какую сбывают туристам на пляжах. Стоило Гидеону опуститься рядом, как браслеты на её запястьях отозвались звоном.

— Привет, Сэнди, — бросил он, хоть и сильно сомневался, что это её настоящее имя. Под этим именем её знал весь базар.

Она улыбнулась в ответ.

— Привет, красавчик, — протянула она, отодвигаясь в сторону. — Какими судьбами в мою скромную обитель?

Он устроился рядом, опираясь на локоть. Джинсы на нём, прожжённые работой и вытертые временем, зияли прорехами на коленях, и в этих дырах пряталась вся его жизнь — немного шрамов, немного гордости.

— Отец поручил, — ровным голосом пояснил он. — Надо разменять две бумажки по пятьдесят.

Бровь Сэнди приподнялась, и в глазах зажёгся азартный огонёк.

— Только тихо, — прошептала она. — Здесь на каждом углу найдутся те, кто за две такие бумажки глотку перережет, а кровь твою потом сбагрит как кровь огнедракона.

Гидеон изобразил испуг, но в его голосе звучала откровенная издёвка.

— Только не со мной, — выдал он с напускной важностью. — Ко мне подход особый. — Он откинулся назад, скользнув взглядом по прохожим: банши, тихо перемалывающие свежие слухи; ночной лепрекон, вынюхивающий запах везения; пара оборотней, сбывающая проклятые клинки. — Если что, я сам первый прощупаю кого угодно.

— А я-то рассчитывала, что хоть это место свободно от твоего флирта, — вздохнула Сэнди, поправляя серьги, которые звенели при любом движении.

— Зря рассчитывала, — лениво парировал Гидеон, подавшись к ней ближе. — Я и есть твоя безопасная зона. Довольно симпатичная, между прочим.

Он ухмыльнулся парочке прохожих: высокому парню с серебряной прядью в тёмных волосах и девушке в солнцезащитных очках, в которых та явно не нуждалась. Те скользнули мимо, даже не взглянув. Зато Сэнди тут же оживилась, заметив следующую пару — плотного плечистого мужчину и женщину с каштановыми локонами, падавшими мягкой волной почти до пояса.

— Защитные чары? — её голос мгновенно приобрёл вкрадчивую ноту. — Полная гарантия безопасности. Есть в серебре, в золоте, в латуни, если интересно.

Женщина почти мгновенно выбрала кольцо с лунным камнем, шепнула что-то спутнику и исчезла в толпе.

— С чего ты взяла, что они оборотни? — Гидеон скрестил руки на груди.

— Элементарно, — Сэнди хитро сощурилась. — Едва их взгляд падает на серебро, всё сразу ясно. Их тянет к блеску безотчётно, они даже не спрашивают себя, зачем оно им.

Она выдохнула, поправляя горку браслетов на запястье.

— Защитные амулеты разлетаются отлично с тех пор, как пошли эти убийства.

— Убийства? — Гидеон поднял бровь скорее с любопытством, чем с тревогой.

Сэнди сморщилась, будто сплюнула неприятный привкус.

— Какой-то маг окончательно слетел с катушек. На телах — жуткие символы, словно выжженные изнутри. И ещё находят, — тут она понизила голос, — обугленных ифритов.

Гидеон медленно выпустил воздух, провожая взглядом пару оборотней, которые скрылись в северной части рынка — там свои брали всё подряд, от кастрюль до настоек с аконитом.

— Прелестный ассортимент, — заметил он. — Надеюсь, скидку дают за штаны, которые обязательно лопнут в самый дурацкий момент.

Сэнди фыркнула, прикрыв рот ладонью, и браслеты снова звякнули.

— Временами мне кажется, Гидеон, ты слишком невозмутим для нашего мира.

— Невозмутим? — он усмехнулся, наклонив голову. — Да нет, просто я понял одну вещь: если принимать всерьёз каждый кошмар, к тридцати заработаешь язву и место на кладбище. А у меня пока, к сожалению, никаких скидок ни на то, ни на это.

Хотя Оккультный базар и задумывался как общий котёл, где все обитатели магического дна могли бы перемешаться в единую массу, на деле каждое племя кучковалось само по себе.

Вампиры, к примеру, держались возле старых каменных арок: там витал запах металла и пролитой жизни, а с лотков продавали флаконы с ароматизированной кровью. Местами попадались клетки — и пустые, и занятые, где томились потерянные существа, оставшиеся без хозяина.

Фейри обжили увитые зеленью павильоны, спрятанные за плющом и глицинией, — настоящие бесстыдные оранжереи. Их товаром были чары, пророчества, обеты — всё, что Орден Альентара внёс в список запретов. Но запреты мало трогали тех, кто магией дышал. Маги обосновались на окраине. Каждый выставлял напоказ демоническую черту: один носил закрученные рога, другой — тёмные перепончатые крылья, у третьего из-под мантии выползал хвост. Сэнди как-то встретила там волшебницу с синей кожей и рыбьим, стеклянным, бездонным взглядом.

А посреди них — охотники, сами вышедшие из мира сверхъестественного. Те, кому дано было видеть Альентар, кого сотворили на заре мира из крови семи Богов и небесных сущностей. Порождения Огня, Света, Эфира. Редчайший дар. Сэнди принадлежала к их числу: ведьма-самоучка, упрямая, как бунт в чистом виде. Она могла бы найти учителя, могла бы нанять мага, чтобы тот обучил её основам. Но предпочла не высовываться — Орден запрещал людям касаться магии. Впрочем, чёрный рынок кишел теми, кто обожал переступать законы, и этот запрет — особенно.

— Copiii luminii, focului și eterului, — холодно произнесла Сэнди по-румынски.

Гидеон, лениво качнувшись на пятках, хмыкнул:

— Гляжу, твой словарный запас пополнился мрачной драмой.

— Ифриты, — перевела она, даже не взглянув на него.

— В самом деле? — он наклонил голову и сощурился. — Целая орава хвостатых, рогатых и клыкастых страхолюдин тебя не тревожит, а два пафосных подростка — уже гибель всего сущего?

— Потому что они прямо там, — сухо бросила Сэнди, кивнув вправо.

***

Флоренция, Италия. Ноябрь 2021 года.

Взгляд Авроры полон немого вопроса — она вглядывается в лицо отца. Тот замер у старинного трюмо с позолотой, опустившись на стул. Каждое его движение выдаёт запредельную усталость, но скованность пригвоздила его к сиденью. Дочь приоткрывает рот, однако слова застревают: очевидно, это чужая территория, не их дом.

Роскошь вокруг кричит о богатстве. Девушка приходит в себя на огромной кровати, утопающей в мягкости перины; плотное одеяло только что окутывало её, а теперь сбилось в сторону. Она обводит комнату взглядом. По обе стороны от постели высятся широкие арочные окна, сквозь тёмно-красные занавески едва пробивается свет. Слева — массивное кресло винного оттенка и то самое трюмо, в котором отражается ссутулившийся Кьеран. Прямо перед ней — неприметная дверь, а рядом простенок во весь рост, превращённый в зеркальное полотно. Отражающая поверхность услужливо показывает часть гардероба, ещё одно арочное окно и выход между ними.

Она никогда не жила в этой спальне. Это точно не их дом в Брашове. И на госпиталь не похоже. Куда их забросило?

Аврора прожигает Кьерана взглядом, но тот тянет паузу, рассеянно отбивая дробь пальцами по колену. Она не помнит, чтобы отец был настолько зажат — и при этом так откровенно боялся. Страх читается безошибочно.

— Что тебе запомнилось? — его голос разрезает молчание без предупреждения.

Она теряется. Что засело в памяти? Перед глазами мешанина из фрагментов: какие-то бурые лужи на полу, тягучие нити слизи, отцовские пальцы в багровых каплях, растерзанная чудовищами плоть… И морды тварей, нацеленные на Томми.

— Томми, где он? — выпаливает Аврора быстрее, чем успевает обдумать вопрос.

— Жив и под надёжной охраной, — мгновенно реагирует Кьеран. — Никакой угрозы, честное слово.

Она заставляет себя в это поверить.

«Просто дурной сон», — крутится в голове, пока пальцы впиваются в край одеяла, а глаза снова исследуют чужое пространство.

«Скоро проснусь, и всё исчезнет».

Но внутренний голос бьёт тревогу. Дело даже не в пугающей неизвестности этого места, к которому Кьеран словно привык, и не в его натянутых нервах. Внутри разрастается липкий, леденящий грудь ужас.

— С Томми правда всё в порядке, — Кьеран ловит её затравленный, полный сомнения взгляд. — Никакой опасности, Ро.

— Куда мы попали? — резко спрашивает Аврора. — Что вообще стряслось?

— Воспоминания какие-нибудь есть? — повторяет он свой вопрос.

Аврора судорожно вздыхает, её охватывает внезапное желание замереть и ничего не рассказывать. Пронзает мысль: а вдруг и правда приснилось? Никаких монстров, никаких адских гончих. Не было ни женщины с полыхающими золотом зрачками, ни вибрации, разрывающей тело изнутри, ни лавины голосов, обрушивших на неё град бесконечных вопросов.

И в тот же миг затылок пронзает резкая вспышка боли.

— Объясни, где мы находимся?

— Обещаешь не устраивать скандал, если скажу?

— Нет, — отрезает Аврора. — Я не скандал устрою — драку. Удар правой у меня сильный.

Губы отца трогает короткая улыбка, но она тут же тает. Он продолжает отбивать дробь пальцами по колену, потом роняет тяжёлый выдох:

— Ладно, будь по-твоему, Ро. Расскажу.

— Замечательно. Я слушаю.

— Ты в резиденции Ордена Меланты и Конрада, во Флоренции. Там где живёт Гидеон.

Аврора хлопает ресницами. Отец изучает её лицо, ожидая хоть какой-то реакции.

— Где-где? — переспрашивает она.

— В штабе Флоренции.

— Ясно. Потрясающе. А это где вообще?

— Италия, Флоренция, Ро. Прямо на пересечении силовых потоков Альентара.

Аврора сверлит Кьерана взглядом, переваривая информацию.

— Чего?

Он подходит ближе, и его голос смягчается:

— Ро, всё гораздо запутаннее, чем ты думаешь. Но тебе ничего не грозит, это чистая правда. Меланта, Конрад и Гидеон гарантируют полную защиту. Как и всегда.

Аврора встаёт, ступни чувствуют нагретую поверхность пола. Внутри скручивается тугая пружина тревоги.

— Допустим, — тянет она растерянно. — А Гидеон — это кто вообще?

— Послушай, может, присядешь обратно…

— Личность Гидеона? — напирает Аврора. — И адрес?

Кьеран замирает, не моргая. Повисает вязкая, тяжёлая пауза. В груди у Авроры разрастается водоворот из волнения, смятения и животного ужаса. Странное ощущение захлёстывает её: разумом она понимает, что отец не предатель, он всегда оберегал её, никогда не врал. Он бы ни за что не…

— Те твари, что ворвались к нам, ещё стоят перед глазами? — тихо спрашивает Кьеран.

Аврору передёргивает, она молча кивает.

Кьеран выдыхает с присвистом, трёт лицо, запускает пальцы в волосы, затем отступает к стулу и тяжело опускается на него. Он мотает головой, и из горла вырывается горький смешок, полный отчаяния:

— Боги… Боги! Как же Фатерис оказалась права.

Аврора хмурится. Фатерис — та самая незнакомка, что выдёргивала её из сна.

— Понимаю, звучит как полный бред, — выговаривает Кьеран сквозь смех, — только это чистая правда. Ты способна мне довериться?

Ответ застревает. Смех отца нарастает, и до Авроры доходит: он балансирует на грани срыва.

— Так, всё, стоп, — Кьеран взмахивает ладонями, будто отгоняя собственное веселье. — Ничего забавного. Я просто… Ради всего святого, Ро, я молился, чтобы Фатерис ошиблась.

— Ошиблась насчёт чего? — почти шёпотом спрашивает Аврора.

Затылок простреливает болью — резче прежнего. Пальцы начинает бить мелкая дрожь. Дышать всё тяжелее.

— Чудовища, разрушившие наш дом, остались в твоей памяти, — вновь начинает Кьеран, впиваясь в неё взглядом. — И ты ведь чувствуешь слежку, верно? Кто-то сверлит взглядом спину?

Аврору будто пронзает током. Да, вот оно — мучительное ощущение, будто чей-то пристальный взгляд упёрся между лопаток. Прямо сейчас кто-то следит за каждым её движением.

Она совершает молниеносный разворот — пустая комната.

— Нет, там ни души, — торопливо заверяет Кьеран, подскакивая. — Мы одни. Но Зейн предупреждал о подобных симптомах. У них с Эстер всё развивалось по тому же сценарию…

— Ты о чём? — Аврора выталкивает слова с огромным трудом.

— Опустись на кровать, умоляю. Я разложу всё по полочкам.

Аврора медлит несколько секунд, затем всё-таки опускается на матрас. Сердце колотится с такой силой, что, кажется, ещё немного — и грудная клетка треснет. Кьеран бесцельно кружит по комнате, его взгляд скользит по предметам, ни на чём не задерживаясь. Страх сжимает рёбра Авроры всё крепче.

— Те монстры существуют на самом деле, — произносит Кьеран, остановившись у спинки кровати. — Это правда, Ро. Мне не до шуток. Совсем не до шуток, — отчеканивает он, заметив, как губы дочери трогает неестественная усмешка. — Ты стёрла из памяти наш подлинный мир — Альентар. Забыла созданий, с которыми выходила на битву. Ты попала под удар Забвения. Порождения тьмы, сеющие хаос… Они учуяли твою магию и явились.

Аврора издаёт сдавленный смешок. Смеяться совершенно не хочется — но услышанное звучит до того… дико. Лишено всякой логики. Выдумано от начала и до конца. Наверняка отец просто разыгрывает её. Перед ней сценарий дешёвого фэнтези. Или чья-то идиотская затея с розыгрышем.

— Я предельно серьёзен, Аврора, — в голосе Кьерана звенит ледяная сталь. — Кровь первых пробудилась в тебе. Проснулась Сила Бендиды.

Аврору прорывает нервным хохотом. «Сила Бендиды»? Прекрасно. А завтра, видимо, заявится говорящий дракон и вручит ключи от вселенной.

«И ты купилась на это?» — неожиданно раздаётся в голове.

У Авроры вырывается сдавленный крик. У окна она замечает постороннего: его кожа отливает лазурью, наряд переливается самоцветами, оставляя открытыми руки и торс, — похоже, местная мода диктует именно такой крой. На губах застыла мягкая полуулыбка, а бирюзовые глаза смотрят с ледяным холодом. На вид не старше двадцати пяти; светлые волосы в живописном беспорядке, будто он только что яростно их взъерошил. Сейчас он наматывает переднюю прядь на палец и в тишине разглядывает Аврору.

«У тебя лицо перекошено от ужаса», — снова раздаётся в сознании.

Аврора смотрит во все глаза, крик уже подступает к горлу, но чужая мысль обрывает его:

«Не бойся. Полноценно материализоваться я пока не способен — придётся обходиться тем, что имеется».

Она в панике ищет взглядом Кьерана — отец исчез. Мир вокруг теряет резкость, контуры расползаются, цвета смешиваются в мутную кашу. Единственное, что остаётся в фокусе, — непрошеный гость. Он шагает к ней неторопливо и плавно; Аврора, повинуясь инстинктам, отползает к дальнему краю постели. Его улыбка становится шире.

«Ничего страшного, — звучит прямо в сознании. — *Для тех, кто соприкоснулся с Альентаром, часы идут по собственным законам».*

Аврора вскакивает и замирает, глядя на мужчину расширенными от ужаса глазами. Он проник в её разум?.. Почему она слышит его внутри, почему видит, с чего вдруг…

«Эй, притормози мысли, не гоняй их вхолостую. Мне не хочется тратить остатки магии — резерв на исходе. А времени у нас кот наплакал», — раздаётся в голове.

Аврора сжимает кулаки и хочет зажмуриться, но тут же понимает: поворачиваться спиной или закрывать глаза рядом с чужаком — паршивая идея. Даже если это глупый розыгрыш или какой-то сбой восприятия…

«Единственный сбой — то, как эти личности обошлись с таким экземпляром, как ты. Я ни секунды не колеблюсь: один неверный шаг — и тебя сотрут из хроник», — добавляет бесплотный голос.

Аврора трясёт головой и сквозь зубы цедит:

— Проваливай из моих мыслей!

«Увы, другого канала связи у меня нет. А времени, как я уже говорил, почти не осталось», — отвечает мужчина.

— Исчезни!

Аврора хватает подушку и запускает ею в пришельца. Подушка пролетает сквозь него и глухо впечатывается в стену. Девушка снова вскрикивает от испуга.

«Тише, тише, переведи дух, — вкрадчиво советует голос. — *Не трать нервы попусту».*

— Убирайся!

Она сгребает с прикроватной тумбочки поднос, уставленный пузырьками и баночками, и со всего размаха швыряет его в мужчину. Аврора уже знает — толку не будет, но надежда избавиться от наваждения всё равно движет её рукой.

— Исчезни, исчезни!

«Сбавь громкость, — настаивает мужчина. — *Я вообще-то протягиваю тебе руку помощи. Мой друг будет просто убит, если узнает, что между нами возникла такая неприязнь».*

— Проваливай!

Незнакомец, уже начавший огибать кровать, вдруг замирает на месте и расплывается в улыбке.

«Чудесно, просто чудесно! — ликует он (или транслирует ликование — Аврора в своём состоянии уже не отделяет одно от другого). — Т*ы уже фонишь магией! Это не может не радовать».*

Повинуясь внезапному порыву, Аврора поворачивает голову к зеркалу, висящему на стене у двери. Она не замечает ни собственной одежды, ни чёрных волос, сбившихся в колтуны, ни бисеринок пота, выступивших на бледной коже. Всё её существо приковано к двум ледяным светящимся точкам в отражении — к собственным глазам. Из груди вырывается сдавленный вскрик; Аврора шарахается назад и врезается лопатками в дверную ручку. Она уже тянет пальцы к защёлке, но незнакомец в долю секунды заслоняет дверь своим телом и прижимает кончики пальцев к её лбу.

В тот же миг её окутывает ощущение, будто она запелёнута во что-то тёплое и мягкое. Ужас, только что душивший её мёртвой хваткой, отступает, тает, а влага на глазах высыхает без следа. Аврора, не моргая, изучает мужчину: его лазурную кожу, пронзительно горящие глаза и улыбку — тёплую, без малейшего подвоха. Чем дольше она вглядывается, тем сильнее её наполняют покой и непоколебимая уверенность.

— Вот молодец, — произносит мужчина вслух. Аврора даже не пытается выставить его за порог сознания. — Умница, Третья. Ты большая умница. Справляешься выше всяких похвал. Бендида выбрала безошибочно. Будь ты немного… другой, возможно, я сам положил бы на тебя глаз. Но сейчас я привязан к своему другу. И ты, кстати, тоже ему понадобишься.

Аврору пронзает ощущение, словно ей за шиворот высыпали ведро колотого льда. Она вжимается спиной в дверное полотно, судорожно ищет ладонью ручку, пытается провернуть — бесполезно, механизм заклинен. Всё вокруг по-прежнему плывёт вязкими разводами, и лишь фигура мужчины остаётся пронзительно чёткой.

— Да брось, Третья, прекращай упираться. Я в твоём лагере. Мы с другом оба в твоём лагере. Но он в беде, и, боюсь, вытаскивать его придётся тебе.

Аврора, действуя на одних рефлексах, отклоняется корпусом, отчаянно пытаясь увеличить расстояние между собой и незваным гостем, когда его рука вновь тянется к её лицу. Пальцы касаются лба — и на неё обрушивается вторая волна безмятежности, даря ощущение твёрдой почвы под ногами.

— Я ещё наведаюсь, — обещает мужчина, продолжая улыбаться. — Накоплю сил и воспоминаний, чтобы набросать тебе полную картину. Надеюсь, к тому моменту ты хотя бы примешь как факт, что ты — живая Богиня.

Аврора не в силах спрятать смятение — взгляд её прикован к мужчине, мысли разлетаются в щепки.

— Последователям всегда выпадает кривая дорожка, — добавляет он, не дожидаясь её реакции. — Родись ты под знаменем Первого Легиона Альентара, расклад был бы совсем иным. Но тебя выбросило в чужие земли. Уцелевшие маги Альентара едва царапают поверхность подлинной магии — куда уж им копать глубже. А местные, земные колдуны… — он делает пренебрежительный жест. — Да, чутьё подсказывает мне, что пара-тройка одарённых здесь всё-таки живёт, и не исключено, что они сумеют тебе помочь. Только не ставь на них всё. Развязать этот узел тебе предстоит самой. Правда, Третья, умеет резать, — его интонация опускается почти до беззвучного выдоха, — вот многие и мастерят удобные иллюзии вместо неё. Печально, ведь Первая трудилась ради них не покладая рук.

Внутри Авроры вздымается волна сопротивления — она уже готова спорить, брыкаться, отрицать этот бредовый расклад. Но именно в этот миг мужчина невесомо касается её лба, и сознание захлёстывает шквал диких, незнакомых образов: галереи, охваченные ревущим пламенем; скользкие от крови полы; завалы мёртвых тел, а сквозь эту бойню рвутся мальчишка и женщина, рассекающая воздух росчерками тёмно-алого огня. На горизонте чернеет искалеченный замок, укутанный в снежное покрывало, он нависает над вымершими переулками. Дальше — бескрайняя водная гладь, уходящая за горизонт.

Среди теней вспыхивает силуэт волка с грязно-белой шерстью, его челюсти в багровых подтёках. Земля разворочена, десятки разрытых могил зияют чёрными провалами. В глубине чащи бьётся слабое, болезненное свечение. Рыцарь бьётся в конвульсиях под тяжестью собственных лат. На одинокую фигуру несётся целая стая кошмарных созданий. Комнаты, до потолка заставленные фолиантами. За волком скачут всадники. И напоследок — девочка с короной, сияющей на голове.

Мужчина отдёргивает ладонь резко, словно обжёгшись, но взгляд его пригвождает Аврору к месту. Дышит она надсадно, всё тело колотит.

— Теперь до тебя дошло? — произносит он, ловя её расширенные глаза. — Перед тобой открылась лишь ничтожная часть всего полотна. Развернуть картину шире я уже не успеваю — секунды на исходе. Отыщи Зейна и Гидеона. Через них ты придёшь к себе настоящей. Разбуди Бендиду.

Его силуэт теряет плотность, расползается, будто кто-то вытравливает изображение с бумаги. Когда от него не остаётся и пятна, в голове у Авроры всё ещё звенит его напутствие:

— Меня зовут Севериан. Но заклинаю тебя: ни единой душе. Охраняй это имя как собственную жизнь — если его услышит кто-то ещё, ты поплатишься головой.

Аврора приготовилась разрыдаться или потерять сознание прямо здесь и сейчас, но ничего такого не происходит — она обнаруживает себя на том же месте, растерянно моргает и с изумлением замечает, что давящая усталость куда-то улетучилась. Пространство вокруг снова обретает чёткость, всё выглядит обычно, без малейших искажений.

Отец стоит в шаге от неё, и тревога исказила его черты.

— Ро, — голос звучит тихо и осторожно, — тебе что-то привиделось?

Она вскидывает на него растерянный взгляд, с трудом выдавливая:

— А?

— Ты ни с того ни с сего сорвалась, швырялась предметами, будто отбивалась от невидимого противника… Ты вообще меня слышала?

Аврора обхватывает себя за плечи и разворачивается лицом к зеркалу. В висках пульсирует единственная фраза: *«Мои глаза вспыхнули белым!»* Но отражение безжалостно опровергает эту мысль — радужка по-прежнему голубая.

Хотя разве это самая безумная деталь? По-настоящему диким кажется другое: целый диалог с незнакомцем, чья кожа отливала лазурью, и стойкая уверенность, будто зрачки излучали свет. Типичный горячечный бред.

Справившись с ознобом, она добирается до кровати и садится на край. Пальцы всё ещё подрагивают, в уголках глаз собираются слёзы. Отец подходит ближе, обнимает, бережно гладит спутанные пряди. Аврора уже мысленно настраивается на привычные успокоительные слова — *«ничего страшного», «дыши глубже»*, — но вместо них звучат совсем другие.

— Сила просыпается, Аврора, — произносит он. — Той ночью в нашем доме разверзлась дыра, и через неё полезли твари. Но ты её запечатала. Ты нас вытащила, Ро. Догадываешься, что дало тебе такую способность?

Она хочет поднять ладонь, чтобы он замолчал, но горло перехватывает спазм. Веки смыкаются, и слёзы наконец скатываются вниз, оставляя мокрые дорожки.

— Рядовые маги не умеют закрывать такие бреши, — продолжает отец. — Это доступно лишь богам. Понимаешь, суть в том… Да к чёрту недомолвки! — он вдруг срывается. — Сейчас прозвучит дико, но… Аврора, тебя отметила сама Бендида. Прежняя богиня Охоты. Порождение Извечных. Она вложила в тебя Силу… Боги, до чего же трудно это выговаривать.

Он отстраняется, быстро и легко взъерошивает волосы и затем громко, почти с вызовом, бросает:

— Фатерис, хватит прятаться. Продемонстрируй ей всё сама.

Аврора непроизвольно сжимается: дверь, которую она принимала за выход в коридор, с грохотом отлетает в сторону. На пороге вырастает женщина с гривой огненно-рыжих волос, облачённая в строгий брючный костюм бежевого тона. Её взгляд буравит Аврору с такой интенсивностью, будто намеревается проделать в ней сквозное отверстие. И тут же, в подтверждение этого ощущения, глаза незнакомки загораются жидким золотом.

Аврора издаёт сдавленный крик и рефлекторно ныряет за отца, выставляя его как баррикаду.

— Прекрати! Остановись! — доносится из коридора чей-то надрывный, взволнованный окрик. — Фатерис, это не метод!

В помещение ураганом влетает рослый парень — кажется, он сейчас снесёт всё на своём пути. Однако запал гаснет почти мгновенно. Он расправляет плечи, мимоходом приглаживает взъерошенную чёрную шевелюру и дарит Авроре открытую, тёплую улыбку. Ей на секунду чудится странное мерцание в его серых радужках, но она тут же себя одёргивает: это всего лишь необычная игра света.

Вслед за ним внутрь проскальзывает ещё один молодой человек — тёмные волосы, лицо усыпано родинками. Он с живым интересом обводит комнату взглядом, после чего обращается к рыжеволосой женщине с каким-то замечанием, но та даже не поворачивается к нему. Парень ограничивается тяжёлым вздохом и движется к дверному проёму, рядом с которым до сих пор валяются подушка и поднос — следы недавней атаки Авроры.

Обладатель серых глаз вежливо прокашливается:

— Ты уж извини её. Фатерис… иначе не умеет.

Женщина пропускает его комментарий мимо ушей, продолжая гипнотизировать Аврору неподвижным взглядом.

— Меня зовут Гидеон, — объявляет темноволосый, делая шаг в её сторону и протягивая ладонь для приветствия. — Именно я вытащил тебя из клуба.

Кьеран пытается сместиться, но Аврора вцепляется в него мёртвой хваткой.

— Опасности ноль, — с едва заметным выдохом заверяет отец, оглянувшись на дочь. — Ро, прошу тебя, просто дай им шанс.

Пальцы Авроры продолжают стискивать его плечи без каких-либо признаков ослабления.

— Это Гидеон, — снова заводит объяснения Кьеран, кивая на улыбчивого юношу. — Один из трёх владельцев этого Штаба и по совместительству твой самый близкий друг. Будем надеяться, память о нём ещё вернётся. Фатерис исполняет роль Судьбы Легиона. Ну а это Тео — наш искатель.

— Величайший и абсолютно недосягаемый! — жизнерадостно встревает Тео, сгребая осколки разбитых флаконов. — Звезда искательского дела всего Ордена! Воспитанник неподражаемого Кьерана Саммерсета собственной персоной!

— Балабол и вечная головная боль, — подытоживает Кьеран.

— Самый феноменальный искатель на всём белом свете! — без тени смущения развивает тему Тео.

Хватка Авроры на плечах отца становится только крепче.

— Пропускай мимо ушей, — мягко советует Гидеон, и Аврора невольно переключает внимание на него. — Тео иначе не умеет. У меня и в мыслях не было вызывать у тебя страх.

— Можно подумать, от тебя страх меньше, — парирует Тео.

— Здесь никто никого не пугает, — отрезает Кьеран и, чуть развернувшись к Авроре, тихо уточняет: — Правда ведь?

Аврора метнула в него яростный взгляд. Мысли сводились к одному: что за хаос здесь творится? Однако задать вопрос она не успела — в дверях возник ещё один человек.

— Долго мне торчать под дверью?! — рявкнул он, привалившись плечом к косяку. — С какой стати я обязан… О! Ничего себе!

Аврора стиснула зубы, когда незнакомец переступил порог и впился в неё цепкими тёмными глазами. Внешность у него была броская: рост заметно выше среднего, худощавое, жилистое телосложение, бледная кожа и мускулистые руки, рельефно проступавшие под тонкой белой рубашкой, — плюс кривая усмешка. Он мимолётно запустил пятерню в отросшие каштановые пряди, спрятал ладони в карманы и оскалился, демонстрируя миниатюрный рубец возле правого уголка рта и две шеренги устрашающе острых зубов.

— Ну кто бы мог представить, — мурлыкнул он. — Живая Богиня собственной персоной! Слушайте, я непременно должен…

— Отставить! — ледяным тоном обрубила Фатерис, преградив ему путь.

Вспыхнула короткая пикировка, но рыжеволосая женщина без лишних церемоний развернула мужчину лицом к коридору и решительно вытолкала его наружу. Аврора, замерев, провожала их взглядом: он упирался, порывался вернуться, что-то бубнил про аромат и кровь, пока его голос не истаял — судя по всему, Фатерис увела его вглубь здания.

— Извини за этот балаган, — выдохнул Кьеран. — Исайя временами бывает запредельно прилипчивым. Ты с ним тоже знакома… просто стёрлось из памяти. Как и со многими здесь.

— Шило в заднице, — с деланной серьёзностью прокомментировал Тео, бросив взгляд через плечо.

— Мы уже опаздываем на собрание, — вклинился Гидеон. — Отсюда и его настырность. А когда я напоминаю об опоздании, это означает — пора выдвигаться, господин Кьеран.

— Да-да, сейчас, — отозвался Кир рассеянно. — Буквально минуту.

Аврора насторожённо наблюдала за происходящим: Тео, сложив осколки на поднос, с недовольным бурчанием ретировался из комнаты; Гидеон же стоял, теребя манжеты рубашки, и не сводил с неё выжидающего взгляда. Авроре казалось — ещё чуть-чуть, и ужас попросту отключит её, но организм, к счастью, не подвёл. Гидеон выдавил вежливую улыбку, пообещал, что позже они обо всём переговорят, и вышел, аккуратно потянув дверь на себя.

Кьеран без промедления усадил Аврору на кровать и сел рядом. Стиснув её ладони в своих, он пристально посмотрел ей в глаза.

— Понимаю, звучит как клинический бред, — проговорил он. — Но это реальность. Магия избрала тебя, Аврора. Ты — Ифрит. Была ею, остаёшься и будешь. А теперь вдобавок пробудилась наследственная сила первых — тех самых Богов, что когда-то явились в этот мир и создали его.

— За кем? — хрипло выдавила Аврора. Мыслей слишком много, они сталкиваются, превращаясь в сплошную кашу.

— За альентарцами, — повторил отец, и в голосе его прозвучало напряжение. — За богами. Точнее, за жителями Альентара, иного плана бытия. Там обитают самые разные существа, а магия для них — нечто вроде воздуха. Двадцать два года назад они совершили невозможное: пожертвовали собой, чтобы запереть в недрах Альентара неуправляемый дикий Хаос и заморозить его там навечно. Хаос уничтожен.

— Я ничего… — Аврора осеклась, не в силах закончить.

— Я знаю, звучит как бред сумасшедшего, — быстро добавил Кьеран. — Но мысленно вернись к той минуте. Дома, прямо посреди комнаты, разорвалась ткань реальности — и лишь ты сумела стянуть края этой бреши. В тебе дремала особая магия, способная поставить заслон демонам. В тебе ожила сила Богини.

— Какого… — пробормотала Аврора.

Она замерла в ожидании: вот-вот прорвёт истерический хохот или хлынут слёзы. Услышанное — форменное безумие. Но ничего не происходило — ни единого всхлипа. Она просто буравила отца взглядом, ожидая продолжения. А внутри, помимо воли, крепло странное чувство: он не врёт.

«Этого просто не может быть, — отчаянно твердила она про себя. — *Какой-то чудовищный розыгрыш…»*

— С магией этого мира всё гораздо сложнее, чем можно себе представить, — продолжает Кьеран почти шёпотом. — Когда ты запечатала прорыв, защитная система мира мгновенно тебя засекла — и тут же попыталась вытолкнуть. Так действует Забвение: память о людях из внешнего круга начинает стираться. Скорее всего, это реакция на столкновение двух реальностей.

— Чушь какая-то! — вырывается у Авроры.

— Ты сейчас под этим самым Забвением, Ро, — мягко, но настойчиво поясняет отец. — Однако оно не вечно. Воспоминания начнут проступать — медленно, слой за слоем.

С губ Авроры срывается короткий нервный смешок. Неужели отец сидит тут и говорит всё это с абсолютно невозмутимым лицом? Или это какой-то изощрённый розыгрыш?

— Скажи честно, это ведь прикол? — она вкладывает в голос остатки надежды. — Я же не какая-нибудь там альентарка… или ифрит… скажи, что нет?

— Мы уходили из Альентара вместе с твоей матерью — это случилось двадцать два года назад, прямо перед тем, как мир рухнул. Именно тогда Бендида отметила тебя, передала свой дар. Раньше Богами были лишь первосотворённые, теперь на их место заступают ифриты. Избранные. И ты входишь в это число, ты принадлежишь этой реальности.

— У меня в голове не укладывается… — бормочет Аврора и неопределённо взмахивает рукой. — Все эти твари, Фатерис со своими золотыми глазами, магия эта… Признайся уже, ты меня разводишь?

— Хотел бы я сказать «да», но это не так, — отрезает Кьеран. — Всё серьёзно, Ро. Ты — одна из Богов, третья из Второго Легиона.

— Я отказываюсь это воспринимать… — выдыхает она, но в глубине сознания уже пульсирует пугающая ясность: отец не лжёт. Его слова накладываются на то странное, незыблемое убеждение, что недавно поселил в ней Севериан.

— Твоим домом теперь станет Флорентийский Штаб, — продолжает Кьеран. — Ты жила и училась в этих стенах с одиннадцати лет. Память будет возвращаться. Медленно, но неизбежно.

Глава 3. Брось меня в небо, убедись, что солнце светит.

И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
…И, значит, остались только
иллюзия и дорога.
И быть над землей закатам,
и быть над землей рассветам.
Удобрить ее солдатам.
Одобрить ее поэтам.
И. Бродский.

Флоренция, Италия. Ноябрь 2021 года.

Аврора вдруг остро почувствовала себя ребёнком — потерянной девочкой, которую закружил водоворот событий и которая совершенно не понимает, как на это реагировать.

По словам отца, она провела в забытьи почти три дня, и время перестало для неё существовать. Он постоянно рядом, дежурит у постели, мягко всё объясняет, но спокойнее не становится. Присутствие близкого человека не спасает от липкого страха перед чужим миром, где угроза мерещится в каждом углу, даже оставаясь незримой.

Мысли несутся нескончаемой чередой: сколько же лет отец скрывал правду об Альентаре? Когда он сам стал частью этой реальности? Что он замышляет и почему обрёк её на жизнь в неведении?

Слова сорвались с губ прежде, чем она это осознала. Аврора поймала на себе взгляд Гидеона — в его глазах смешались растерянность и глубокая тревога. Он смотрел так, словно видел перед собой не подругу, нуждающуюся в участии, а попавшего в силки, загнанного зверька, ради спасения которого он готов на всё.

— Он так надеялся, что это будешь не ты, — глухо проговорил Гидеон.

Аврора стояла, прижавшись спиной к дальней стене галереи. Их разделяло немалое расстояние, но каждое слово доносилось до неё с кристальной ясностью. За последние дни слух, как и остальные чувства, приобрёл неестественную чуткость. Это открытие не радовало — оно лишь неустанно напоминало, что возврата к прежней жизни нет.

Где-то глубоко внутри она уже знает причину этих перемен, но сознание отчаянно цепляется за отрицание: часть её прошлого попросту вычеркнута. Магия реальна. А она, Аврора, превратилась в хранилище для Силы Бендиды.

Звучит как бред, правда?

Она изучает Гидеона пристальным взглядом. Его тёмные пряди спутаны, а рубашка и джинсы выглядят так, будто он забыл, когда снимал их в последний раз. Глубокие тени под глазами и заострившиеся черты лица без слов говорят: нормальный сон стал для него непозволительной роскошью.

С тех пор как Аврора начала выходить к общему столу, она не могла не замечать: Гидеон всегда измотан, но ест с неизменным аппетитом. За трапезой неизменно собирается один и тот же круг — Каллиста, Каса, Джиневра, Томми (все они дети Меланты и Конрада) и, разумеется, сам Гидеон.

Глаза Авроры сами собой скользнули вниз, к его обуви — на подошве темнели засохшие разводы.

Проследив за её взглядом, Гидеон спокойно бросил:

— Демон. Попался нам у лей-линии.

— Когда это случилось? — выдохнула она.

— Ночью. Пустяки, — он дёрнул плечом с наигранным безразличием. — Рядовая потасовка.

— Ты убил его? — вопрос сорвался с губ прежде, чем она успела подумать.

— Нет, Тео разобрался, — процедил Гидеон с усмешкой. — Наш главный охотник из Рима.

Внутри у Авроры вдруг потеплело от облегчения. Сегодня он никого не убил. Но это только сегодняшний день. Сколько демонов он уничтожил до того, как она здесь появилась? И скольких ещё уничтожит, защищая её и двигаясь к цели, о которой она понятия не имеет?

— Почему ты промолчал? — спросила она, опускаясь на бархатную обивку тёмно-синего дивана. Пара метров между ними превратилась в пропасть.

— Подобные стычки происходят постоянно, — Гидеон снова повёл плечом. — Какой смысл трепаться о всякой ерунде? Случится что-то действительно важное — доложу Конраду. А так он и сам всё видит в ежемесячных сводках.

— Я говорю не об этой драке, — Аврора вытянула ноги. — Почему ты сразу не признался, что на охоте меня разодрал неизвестный демон?

— Я испугался, — ответ последовал мгновенно, без заминки.

— Что демоны нападут?

— Что ты сломаешься. Что твой рассудок не справится.

В его голосе звучало неподдельное страдание, а во взгляде читался такой глубокий страх, что у Авроры защемило сердце.

— Судя по тому, что я сейчас переживаю, возможно, мой рассудок уже дал трещину, — еле слышно произнесла она.

— Род Саммерсет уже столетие возглавляет коалицию фераноров, — Гидеон скрестил руки на груди и откинулся назад, вжимаясь спиной в спинку дивана. — После Антонио Эвелли бразды правления должен был принять Кьеран — твой отец. Он был живым воплощением идеального рыцаря: молниеносный ум, врождённый дар, знание кодекса до последней запятой. Его считали гением, к нему выстраивалась очередь за советом в самых безнадёжных делах. В Ордене Кьерана превознесли до небес. Ну и девушки вокруг него вились, разумеется, постоянно.

— Зачем ты мне всё это говоришь? — Аврора фыркнула, но губы всё равно растянулись в усмешке.

— Я хочу, чтобы ты понимала: твой отец не всегда был до такой степени… серьёзным, — торопливо добавил Гидеон. — Всё закрутилось вокруг одного задания. Нам приказали отыскать демона, который напустил на наш отряд целую свору Шаг-гураш, и мы бросились выполнять поручение без единой заминки. Его атаки мы срывали несколько раз подряд. Спустя пару месяцев поиски привели нас к его убежищу — старинному особняку, почти превратившемуся в руины. Но демон улизнул до нашего появления. Мы принялись прочёсывать постройку. В отряде было два мага, которые один за другим снимали защитные заслоны. Особенно упорно держался последний барьер. За ним обнаружилась свежая брешь — демоны расширяли её на удивление медленно. А когда мы поняли, что именно она скрывает, наружу хлынул целый поток тварей.

Аврора следила за руками Гидеона, которые он по-прежнему прижимал к груди, — пальцы мелко дрожали. На шее бешено билась жилка, побелевшие скулы говорили о крепко стиснутых зубах. Каждое произнесённое им слово отзывалось в ней доверием, хотя она и сама не понимала, откуда оно берётся. Разрывы в ткани пространства — те самые бреши, пропускающие демонов, — больше не вызывали у неё внутреннего содрогания, что удивляло, но оставалось фактом.

— Пять или около того тварей оказались перевёртышами, и мы не успели их вовремя распознать, — продолжил он. — Ты столкнулась именно с таким. Самой схватки я не наблю-

дал, зато почувствовал — с тобой творится что-то неладное. Брешь стремительно росла, грозя затянуть в себя всех до единого. Открыть портал маги уже не успевали. Спасти нас могло только одно — если бы разрыв захлопнулся чьей-то силой. Именно это и случилось, а мы остались в неведении, кто и как это сделал.

Гидеон на мгновение замолчал, точно набирая воздух в лёгкие.

— Полгода я отказывался признавать твою смерть. Убеждал себя, что ты где-то прячешься, возможно, раненая. Пытался разыскивать — но старейшины ввели запрет. Нам не дано нарушать их указы. А после того, как мы сдали отчёт о миссии, твой отец будто разум потерял. Я прежде не встречал его в подобном состоянии — он напоминал запертого в клетке, мечущегося хищника. Я нашёл его в детском читальном зале: он сидел в кресле в самом тёмном углу, прятал лицо и бормотал что-то нечленораздельное. Впервые я увидел его таким испуганным, дрожащим, абсолютно по-детски беззащитным. А ведь он всегда казался олицетворением выдержки, знал выход из любого положения, умел найти подход к кому угодно. Но в тот момент… Он рыдал и без конца твердил, что наткнулся на перевёртыша. Я замер в изумлении. У меня в голове крутился только один вопрос: «С какой стати Кьеран до смерти испугался перевёртыша?» И тогда он выдохнул — тот принял облик его дочери. Твой облик.

Аврора почувствовала, как внутри зарождается сомнение, и мысленно одёрнула себя: *«Ты же не можешь в этом сомневаться, верно?»*

— Ты со временем во всём разберёшься, — снова произнёс Гидеон, и его голос прозвучал приглушённо, словно после долгого выдоха. — Только не прямо сейчас. А пока дай мне ответ всего на один вопрос.

Аврора вскинула голову, и их взгляды встретились.

— Ты меня ненавидишь?

Её будто оглушило. Она и вправду прокручивала это в мыслях, но когда потребовалось сказать прямо сейчас… Слова застряли. Она попросту не знала, что ответить.

Вся её злость была направлена не против Гидеона — она злилась на само положение вещей. Кто-то выдернул её обратно к жизни, но при этом безжалостно выскоблил всё, что было связано с ним и с флорентийским прошлым. Иногда из густого тумана всплывали рваные куски зыбких воспоминаний, и даже принимая их, она не могла до конца погасить тлевшую внутри обиду.

Теперь их линии жизни сплелись в один узел, и они увязли в одних и тех же неприятностях. Гидеон, скорее всего, знал её с самого детства и мог бы стать тем, на кого можно опереться, — но его картина мира была вылеплена той реальностью, в которой он существовал всегда. Аврора же застыла на перекрёстке: два мира тянули её в разные стороны, а равновесие никак не давалось.

— Нет, — призналась она, и из груди вырвался глубокий вздох. — Я ценю, что ты рядом и способен помочь. Всё смешалось в кучу. Я всего лишь хочу докопаться до сути, понять, где правда, а где вымысел.

Сопротивляться дальше не имело смысла. Ведь это она захлопнула брешь — и сожгла за собой все мосты.

— Я… — Аврора осеклась, с усилием проглатывая ком в горле. — Я Богиня Легиона. Но я же такая не одна, правда?

— Ты не останешься одна.

Прозвучало это слишком обтекаемо. Либо в мире существуют другие создания, в которых так же пульсирует Сила Святых, либо она действительно единственная в своём роде. Думать о том, что где-то есть иные Боги, было утешительнее: быть может, когда-нибудь они объявятся и станут для неё опорой.

— Ты упоминал раньше, — Аврора нахмурилась, пытаясь восстановить в памяти детали, — что в том особняке, где вы с отцом побывали, брешь была закрыта чьей-то силой. Но это доступно лишь Богу. Выходит, там находился Бог?

— Тогда мы ещё не понимали природу той магии. Но четыре дня назад Фатерис распознала, кому она принадлежала.

Четыре дня. Не два и не три. Именно четыре дня назад рядом с её жилищем разверзлась брешь, и на них ринулась целая орда демонов.

— Значит, там точно был Бог, — её пальцы принялись нервно теребить край толстовки. — Это он запечатал брешь. Фатерис знает, кто?

— Пока нет. Но она продолжает поиски.

— А почему это выяснилось только сейчас?

— Потому что внутри тебя начинает просыпаться магия Бендиды. Фатерис уловила её отголоски — и тут же вспомнила ту старую магию. Боги связаны друг с другом: их силы похожи, но каждая несёт уникальную метку. Настоящий Бог всегда распознает другого — так утверждают легенды.

— Выходит, есть шанс, что я почувствую другого Бога? И он ощутит моё присутствие?

— Скорее всего, да. Но чтобы получить точный ответ, необходимо поговорить со старейшинами, магами и оракулами.

— И что, теперь все они начнут за мной приглядывать?

Аврора с детства привыкла вращаться среди экспертов — родители не упускали случая записать её то в один кружок, то на другой мастер-класс, то в спортивную секцию. Но старейшины, маги, оракулы… Всё это выходило далеко за рамки её прежнего опыта. Как строить разговор с теми, кого она лишь вчера относила к разряду сказок?

— Они станут тебя наставлять, — мягко поправил её Гидеон. — Старейшины раскроют перед тобой историю Альентара. Маги поделятся накопленными знаниями. Оракулы будут направлять твоё обучение и, если возникнет нужда, позволят заглянуть в будущее. А Фераноры научат тебя владеть оружием — даже без капли магии ты сумеешь за себя постоять. Одиночество тебе не грозит.

— Фераноры? — в голосе Авроры мелькнула насмешка.

— Зря иронизируешь. Это рыцари Ордена, великолепно подготовленные к сражениям. Их задача не сводится к простой обороне: они сопровождают искателей во время поисков, вместе с фейри создают оружие, налаживают связи с эльфами. Для Ордена эти люди бесценны. И, если ты не против, позволь представить тебе одного из сильнейших Фераноров — того, кто прямо сейчас стоит перед тобой.

Аврора тихо прыснула.

Ну да, из головы почти выветрилась та давняя история, рассказанная отцом. Альентар кишел самыми разными существами: тут тебе и ифриты, и нечисть, и фейри, и простые смертные… В Штабе, например, служил фейри по имени Каспиан, и каждое его появление отзывалось в ней смутной тревогой. А ведь он был единственным представителем другого народа, с которым ей довелось встретиться.

— И как же выглядят ваши Фераноры?

— Как ты и как я. А так — скоро сама увидишь на встрече с лидерами. Могу поспорить, твой отец позовёт нашего Экзарха.

— Хорошо. Но ты упомянул, что они куда-то вас сопровождают. Куда именно?

— Мы направляемся в Скрытый предел Авалон — уникальное пространство, мост между всеми мирами. Древний миф гласит, что именно там Боги возводили Альентар уже после того, как Морша извлекла его из бруканьской пучины и породила остальных шестерых. Но повторю: это всего лишь легенда.

— И у вас есть возможность туда попасть?

— Когда-то в Альентаре это было куда проще. Теперь путь усложнился. Нечисти трудно делить мир с людьми.

— Погоди-ка, — Аврора зажмурилась и принялась растирать переносицу. — Ты хочешь сказать, что Скрытый предел — это отдельная реальность, где фейри и нечисть обитают и в Альентаре, и на Земле? И он имеет какое-то отношение к брешам?

— Никакого, — отрезал Гидеон, даже не задумавшись. — Бреши — это чистейший хаос, убогая подделка под Мосты.

В памяти Авроры всплыли занятия с отцом, проходившие под бдительным присмотром Фатерис. Она объясняла про Мосты — волшебные переходы, связывающие разные реальности и предназначенные для путешествий между ними. Но почему за ними закрепилось именно это название, Аврора так и не поняла.

— Авалон пропитан магией, которая покоряется лишь Богам. Все остальные не ступят на его землю без особого дозволения.

— Погоди, давай проясним: фейри и эльфы населяют собственное волшебное пространство, оно соприкасается с Землёй, но при этом они не оторваны от нашего мира?

— Почти угадала. Основная их масса расселилась именно на Земле. А в Авалоне обитают считаные единицы.

— Чудесно, — бесстрастно процедила Аврора. — Может, устроим туда вылазку?

— Исключено, — Гидеон покачал головой. — Смертным туда хода нет.

— Однако Боги не совсем смертные.

— Ро, Авалон живёт по совершенно иным законам. Всё, что мы знаем, меркнет перед ним. Ни Изнаночные, ни Хаоситы не сумели его разрушить. Он хранит в себе загадки и угрозу — даже для меня, Фернастара и того резонатора, который сейчас при тебе.

— Резонатора, — эхом повторила Аврора, всё ещё не в силах свыкнуться с этой мыслью. Она перевела взгляд на собственную ладонь: на указательном пальце правой руки теперь красовалось кольцо с лунным камнем. Фатерис объяснила, что этот минерал символизирует Силу Богини Охоты, но на вопрос, как украшение сохранилось после крушения Альентара и исчезновения Богов, ответа не дала.

Затем взгляд Авроры сам собой переместился на кисть Гидеона, безвольно лежавшую на подлокотнике. Почти такой же перстень охватывал средний палец его левой руки, только вместо лунного камня в нём мерцал селенит. Аврора поймала себя на том, что разглядывала вовсе не украшение, а его длинные, тонкие пальцы…

«Быстро осваиваешься. Одобряю», — раздался внутри знакомый шёпот.

«Умолкни!» — мысленно прикрикнула она.

— Ты же говорил, что перепоручил командование своему заместителю по отряду… как же его звали? — Аврора сощурилась, роясь в памяти.

— Оставим пока эту тему, — Гидеон изобразил вымученную усмешку. — Да, Орден поддерживает связи с Дикой Охотой, но тебе вникать в это ни к чему. Когда маги выявят в тебе силу Бендиды, ты и без чужого вмешательства сумеешь себя защитить.

— Защитить себя… — медленно, словно смакуя каждое слово, повторила Аврора. — А если мои планы идут дальше простого выживания?

— Пока Хаос нависает над миром, вариантов у нас нет.

— Выходит, вся деятельность вашего Ордена — а теперь, судя по всему, и моя — крутится вокруг одного: уцелеть любой ценой, — подвела черту Аврора. Тревога, сжимавшая грудь, на миг ослабила хватку — и тут же накатила с удвоенной силой.

— Двадцать два года по земным меркам — для альентарцев это лишь короткая вспышка, — заговорил Гидеон. — Они до сих пор живут с ощущением, что их вышвырнули из дома, и грезят о возвращении.

— А твои желания? Ты же появился на свет здесь, на Земле. К чему стремишься ты сам?

— Моя цель — сохранить наследие, которое моя семья оберегала на протяжении веков. Да, я землянин по рождению, но душой я давно с альентарцами. Только среди них я встречу понимание. И сейчас единственное, что привязывает меня к этой реальности, — это ты.

До Авроры дошло с пронзительной ясностью: она превратилась в едва заметную ниточку, соединяющую два совершенно разных мира. Пока она судорожно хваталась за прежнюю жизнь — в которой не было ни магии, ни тварей, ни хаоситов, ни божеств, — Гидеона раздирали те же противоречия. Как и её родителей. Это открытие обожгло её запоздалым стыдом.

Всей душой она мечтала отыскать способ всё исправить. Но страх, успевший пропитать каждую клеточку, нашёптывал изнутри: путь назад отрезан. Бендида уже отметила её, и обратного хода не существует.

— Представь, что у тебя был бы выбор… — Аврора осеклась, подыскивая нужную формулировку. — Ты бы согласился вернуться к самой простой, человеческой жизни?

— У меня никогда не было такой жизни, — спокойно отозвался Гидеон. — Да, я работаю реаниматологом, но это ничего не меняет. С самого рождения я связан с Орденом, Легионом и альентарским народом. Я ни разу не проходил через Забвение, так что другой реальности у меня попросту не существовало.

— И тебя ни разу не подмывало всё это бросить? Стереть из памяти любые упоминания о магии и демонах и зажить как самый заурядный человек?

— Подмывало, разумеется, — Гидеон легонько качнул головой, точно её вопрос всколыхнул где-то глубоко запрятанные воспоминания. — Я обожаю детей Меланты и Конрада — они мне стали почти как родные братья и сёстры. Но сильнее всего я люблю тебя, Ро. Ради тебя я был в шаге от того, чтобы навсегда исчезнуть из этого мира и уйти в Забвение. Когда ты пропала, я возвращался к этой мысли снова и снова… Наверное, найди я себе достойную замену, я бы осуществил задуманное. Но теперь, когда тебя затянуло в эту же пучину, о побеге я даже думать не могу. Именно ты стала моей главной опорой, которая помогает мне держаться.

Губы Авроры сжались сами собой — внутри разлилось тепло от его слов, лёгкое, почти щекочущее. Но почти сразу рассудок холодно отрезвил её: что именно он вкладывал в эту фразу? Скорее всего, речь идёт о старой дружеской симпатии — они же знакомы с одиннадцати лет, и все их отношения укладывались в привычную схему многолетней дружбы.

Она попыталась нащупать внутри себя хоть какую-то ясность. Хотелось ответить ему тем же — пусть даже из чистого сочувствия, ведь в его взгляде пряталась неприкрытая тоска. *«Я тоже»* — эти слова казались правильными, почти обязательным ответным шагом.

Но правда заключалась в том, что она ни за что не решилась бы утверждать, будто по-настоящему его знает. Где-то на дне души шевелилось неотступное ощущение: перед ней человек, у которого множество скрытых сторон, и ей они пока неизвестны.

Движения Гидеона вдруг стали заметно замедленными — так ей показалось. Аврора мысленно объяснила это усталостью или очередным обманом восприятия, что выглядело куда разумнее любого магического объяснения. Однако стоило её взгляду наткнуться на висящую на стене картину, как та принялась меняться: в самом центре набухало и стремительно разрасталось тёмное пятно.

Резкая, почти обжигающая вспышка заставила её вскинуть руки к лицу. Тугой толчок воздуха отшвырнул Аврору назад — но вместо удара о стену она провалилась во что-то податливое и ледяное. В ушах стоял монотонный гул, порывы ветра несли обрывки шёпота, и совсем неподалёку слышались тяжёлое, сбивчивое дыхание и полные отчаяния вопли. С усилием выбравшись из ледяной ловушки, она обнаружила, что снег доходит ей до пояса — рыхлый, обжигающе холодный. Всё тело болело так, словно её со всего размаху швырнули на бетонную плиту. Позади всё ещё раздавались крики, но ветер рвал слова на куски. А впереди то самое пятно надвинулось вплотную и начало обретать осмысленную форму.

Сначала взгляд выхватил краски: грязно-белая шерсть, перемежающаяся проплешинами, а по ней разбросаны алые, синюшные и угольно-чёрные пятна. Тварь вырвалась из-за чёрных древесных стволов и, захлёбываясь диким рычанием, полетела прямо на неё. Теперь Аврора смогла разглядеть подробности: голову венчали заострённые, по-звериному подвижные уши, одно из которых было рассечено; переносицу пересекали глубокие рубцы; с длинных клыков ещё не сошла влажная краснота. Туловище напоминало волчье, только крупнее, с выпирающими рёбрами и неестественно вытянутыми лапами. Хвост, мелькнувший на скачке, висел под неестественным углом. Аврору парализовал древний, животный ужас. Мышцы вопили: «Вскочить! Бежать прочь!» — но рыхлый снег словно сковал её по пояс. Позади раскатилось низкое гортанное рычание, в которое вплетались человеческие вопли. А волк, нёсшийся прямо на неё, скалился вовсе не на неё — его янтарные, налитые яростью глаза были нацелены куда-то за её плечи. Она успела уловить это понимание за мгновение до того, как зверь со скрежетом затормозил в шаге и взмыл в воздух. Прыжок прошёл над ней. Аврора рефлекторно сжалась, зажмурилась, но тут же распахнула веки от грохочущего удара за спиной. Волк обдал её жарким дыханием и врезался в преследователей, разрывая их с безудержной свирепостью. Несколько бесконечных, выматывающих секунд длилась схватка, а затем всё смолкло. Аврора сидела, замерев, не рискуя оглянуться, и только слушала звенящую тишину — пока горячее дыхание снова не коснулось её загривка. Она медленно, почти безвольно обернулась. Волк нависал над ней, совсем рядом. От былого исступления в его глазах не осталось и следа — теперь они смотрели ровно, изучающе, с желтоватым спокойным свечением. Он был перемазан кровью, на боку зияли две рваные раны, морду расчерчивали отметины от чужих когтей. Волк потянулся шеей и втянул воздух, будто стараясь навсегда запомнить её запах. Аврора тонула в этом взгляде, теряя способность шевелиться. В пронзительных, до странности разумных звериных глазах она внезапно увидела не собственное отражение, а образ юноши с тёмными волосами, голубыми глазами и одеждой, превратившейся в лохмотья. Она чуть склонила голову набок — и юноша в глубине звериного зрачка в точности повторил её движение. Волк шумно выдохнул, далёкий вой оборвался, и в этот миг тишину вспорол крик, от которого всё внутри у Авроры скрутило в узел:

— Очнись же!

С ободряющей улыбкой Гидеон смотрел на неё, будто ничего необычного не случилось. Аврора судорожно ловила воздух, лихорадочно обшаривая взглядом комнату в надежде отыскать ту самую картину — но натыкалась лишь на безмятежный горный пейзаж. Никакого леса, никаких искалеченных стволов, никакой тёмной тени, летящей на неё, — всё исчезло. Исчезли и вой, и отчаянный вопль, и образ юноши в золотистых глазах зверя.

— Аврора? — позвал Гидеон.

Судя по всему, всё уложилось в одно мгновение: Гидеон определённо ничего не заметил. Может, так было и к лучшему — ему не стоило этого видеть. Она изо всех сил пыталась выровнять сбившееся дыхание, прежде чем он начнёт расспрашивать, но колени всё равно подрагивали, а воздух словно застревал в горле.

Гидеон оказался рядом прежде, чем она сообразила. Он потянулся к её ладоням, но стоило пальцам соприкоснуться — вздрогнул.

— Ты вся ледяная, — выдохнул он и теперь уже бережно, осторожно обхватил её ладони. — Аврора, что произошло?

— Ты совсем ничего не заметил? — спросила она сдавленно, прерывисто, не отрывая от него взгляда.

— Абсолютно ничего, — он качнул головой. — Так что же случилось?

— Похоже на видение, — отозвалась Аврора, всё ещё глядя на картину, которая мгновение назад была совершенно другой. — Во всяком случае, мне так показалось.

— И что тебе привиделось?

— Лес, развороченные стволы… и волка — он мчался прямо на меня.

Всё прочее Аврора решила скрыть. Она и сама не понимала почему, но в те секунды, когда волк рвал на части её преследователей, внутри разливалось странное тепло. Его янтарные глаза лучились разумом, и образ в них будто тянулся к ней. Именно донёсшийся со стороны окрик вернул её обратно — в эту галерею, в собственное тело — и подарил хрупкое, но такое нужное чувство безопасности.

— Что-нибудь ещё? — продолжал допытываться Гидеон. — Какие-то слова, движения, заклятия? Кто-то присутствовал, кроме волка?

— Я слышала крик, — с опозданием добавила она. — И это всё.

— Вероятно, это обрывок памяти Бендиды, — Гидеон перестал греть её руки и заглянул в самую глубину её глаз. — Хотя полной уверенности у меня нет. О видении необходимо сообщить магам и оракулам.

— Только бы это не значило, что мой рассудок дал трещину, — проговорила Аврора еле слышно.

***

Гидеон мягко касается локтя Авроры и направляет её вперёд, к свободному месту рядом с девушкой, чьи длинные тёмные волосы спадают на плечи. Незнакомка скользит по Ро быстрым взглядом, тут же одаривает её тёплой улыбкой и возвращается к своему занятию — перекатывает в ладонях маленькую сапфировую сферу-талисман, внутри которой медленно струится дым.

Гидеон садится в кресло справа от Авроры; за его спиной остаётся Кассиан — старший сын Меланты, застывший в неизменно суровой позе. Прямо напротив, с безупречной плавной грацией, занимает своё место Высший Оракул Ордена Маттео, а позади него встаёт Фатерис.

Зал постепенно наполняется гулом, предвещающим собрание, о котором говорил Гидеон, и Аврора неспешно изучает обстановку. Её внимание сразу привлекает молодая пара среди тех, кто ещё не сел, — они выглядят почти как копии друг друга. У обоих волосы цвета спелой пшеницы, штормовые серые глаза и одинаковые родинки под левым уголком губ; черты лиц — резкие, чеканные, будто над ними работал один скульптор. Различает их только причёска: юноша небрежно зачесал волосы назад, а девушка стянула свои в гладкий хвост до лопаток. Они обмениваются коротким взглядом — без слов, с мгновенным пониманием — и вместе направляются к Фатерис. Та чуть наклоняется к ним, произносит что-то едва различимое, после чего оба, словно вышколенные стражи, отходят к стене за спиной Маттео.

Справа от Маттео, с подчёркнуто развязным видом, расположился Исайя. Аврора ловит себя на мысли, что он в любую секунду готов закинуть ноги на стол — просто чтобы проверить чужое терпение, и его сияющие безупречной полировкой сапоги лишь усиливают это ощущение. Непринуждённо он болтает с коренастым темнокожим мужчиной с гладко выбритой головой; тот отвечает размеренно, но его улыбка кажется Авроре совершенно неуместной.

Во главе стола сидит её отец, а рядом с ним — худощавый лысый старик в костюме, который болтается на нём, как на вешалке. Прямо напротив, почти вплотную к отцу, расположился ещё один пожилой мужчина с редкими клочками седины на голове. Оба выглядят отстранёнными: гомон и движение в зале словно обходят их стороной.

По правую руку от Кьерана, напротив темнокожего собеседника Исайи, сидит человек куда менее броской наружности. В его каштановых волосах поблёскивает изящный венок из перевитых серебряных прутиков, спокойные светло-зелёные глаза смотрят прямо перед собой, а заострённые уши нервно вздрагивают всякий раз, когда в помещении кто-нибудь повышает голос. Простой серый костюм делает его похожим на офисного клерка и совершенно не вяжется с образом влиятельного фейри. За его спиной безмолвно застыла невысокая светловолосая девушка.

Сердце Авроры грохочет так, словно внутри кто-то отбивает бешеную барабанную дробь, и ей начинает казаться, что ещё секунда — и этот неистовый стук услышат все, решат, будто в зале завёлся живой метроном. Сидящий напротив Маттео вдруг прищуривается, будто улавливает её смятение, и едва заметно наклоняет голову.

Тревога накатывает удушливой волной. Четыре дня назад она даже представить не могла ничего подобного, спокойно сидела дома, а теперь оказалась среди пришельцев из другого мира и ждёт, когда ей объяснят, что за внезапные перемены с ней произошли.

«Дура, — мысленно клянёт она себя, пряча под столом дрожащие ладони. — *И зачем я так настаивала, чтобы попасть сюда? Круглая дура!»*

«Ты уверена?» — звучит в голове.

«Да! Что за… Прекрати!»

«Вспомни, ради чего ты пришла».

Фраза всплывает в сознании впервые после долгой глухой тишины. Этот голос принадлежит Севериану — тому, о ком Аврора так и не смогла никому рассказать. Всякий раз, стоило ей попытаться заговорить о нём, язык деревенел, а звук пропадал бесследно.

В этот миг старик, занимающий почётное место во главе стола между Исайей и пустующим креслом рядом с Маттео, резко прочищает горло, обрывая её мысли. Сидящий прямо напротив него пожилой мужчина бормочет что-то неразборчивое, потом с кряхтением выпрямляется и раздельно произносит:

— Пожалуй, пора приступать…

Договорить ему не дают: двери распахиваются, и в зал влетает звонкий голос:

— Ой, простите, я опоздала!

Тот, кого прервали так бесцеремонно, даже бровью не ведёт. Только тяжело вздыхает — кажется, подобные выходки стали для него привычным фоном — и неторопливо оборачивается к новоприбывшей. Зато его седовласый сосед не удерживается от ворчливого выпада:

— Неужели колдовские дела напрочь лишают вас чувства времени?

— Да ладно тебе, — равнодушно отзывается Исайя.

В зал стремительно входит женщина — каждый её шаг сопровождается резким, чеканным стуком каблуков, прорезающим общий гул. Не удостоив взглядом ни стариков, ни бросившего небрежную реплику Исайю, она направляется прямиком к пустующему креслу слева от Маттео и опускается в него с безупречной грацией. Аврора замирает на месте, забывая выдохнуть. Появление этой женщины мгновенно меняет саму атмосферу зала — в ней чувствуется та спокойная, редкая роскошь, которая ничего не заявляет о себе громко, но безошибочно считывается в каждом жесте, в каждой детали.

Синее платье при малейшем её движении переливается глубокими оттенками, и кажется, будто в складках ткани застыли осколки ночного неба. Полупрозрачные рукава колышутся лёгкой дымкой вокруг рук, а смелое декольте лишь подчёркивает достоинства фигуры, не переступая черту откровенности. Кожа отливает мягким благородным свечением и гладкостью тёплого мрамора. Пшеничные волосы свободными волнами спускаются на плечи и время от времени вспыхивают золотыми искрами, когда на них падает свет. Голову венчает сдержанная тиара с тяжёлым чёрным камнем — он будто втягивает в себя лучи, становясь таинственным центром всего облика. Пальцы украшают несколько колец, ненавязчивых, но заметных при любом движении. Светло-зелёные глаза смотрят прямо, с живым, неподдельным интересом; длинные ресницы придают взгляду глубину, а лёгкая улыбка — теплоту. Пухлые губы естественного розового оттенка складываются в выражение мягкого, доброжелательного внимания.

Она устраивается в кресле с той органичной уверенностью, что рождается из многолетней привычки быть в центре внимания. Складывает руки на коленях, слегка переплетает пальцы, и даже этот простой жест заставляет Аврору невольно сжаться: рядом с этой женщиной она вдруг остро ощущает собственную невзрачность.

Позади неё замирают двое в белоснежных пиджаках, обменявшись со светловолосой парой мимолётными, полными скрытого смысла взглядами. Первый — с кожей тонкого фарфора и пронзительными фиолетовыми глазами, а его белые волосы собраны в аккуратный хвост. Второй приковывает внимание сапфировым сиянием глаз и нежно-голубыми прядями, уложенными с идеальной чёткостью. Аврора невольно задерживает взгляд именно на нём, и юноша отзывается — на губах мелькает улыбка, тёплая и приветливая, совсем как у женщины в синем.

— Хватит пялиться, — шипит справа темноволосая соседка, заставляя Аврору вздрогнуть. В приглушённом голосе сквозит колкая насмешка. — У фейри свои порядки: своими отличиями они гордятся, но пристальное разглядывание ненавидят — будто их выставили диковиной на базаре. Притворись, что тебе всё равно. Меня зовут Айлин.

Аврора молча стискивает зубы и торопливо отводит взгляд.

— Надо же, ты ставишь рекорд, — цедит Исайя. Откинувшись на стуле, он складывает руки на груди. — Почти не опоздала. Обычно ты задерживаешься как минимум на полчаса.

— О, дорогой Исайя, — мягко отвечает женщина со светло-зелёными глазами, — ты не представляешь, сколько усилий уходит на то, чтобы явиться ровно к началу события, способного повернуть ход истории. Хотя для ценителя тёмной крови такое понятие, как «торжественный момент», вероятно, пустой звук.

— Когда-нибудь я попробую и твою кровь, — всё так же равнодушно роняет Исайя.

— Только после того, как я выбью тебе зубы, — резко вклинивается Маттео. Аврора теряется в догадках: то ли его раздражает перепалка, вспыхнувшая прямо через его голову, то ли он всерьёз намеревается заступиться за эту элегантную женщину. Но, вглядываясь в её облик, она всё больше склоняется к тому, что второе предположение имеет под собой все основания.

В сознании Авроры проносится тихое, как дыхание, *«Держись»* — будто невидимый совет шепчет ей прямо в мысли.

— Может, уже начнём? — бормочет старик, нервно приглаживая ладонью поредевшие волосы. Голос его вздрагивает, но он быстро берёт себя в руки.

— Не горячитесь, господин Армин, — отзывается женщина, даже не обернувшись. — Трудно сохранять спокойствие, когда этот юноша болтает без умолку. А ради чего всё затевается — до сих пор загадка.

— Прошу прощения, Ваше Величество, — тихо произносит кто-то из присутствующих.

— Ах, вы же знаете этих наследников, — королева внезапно улыбается, будто вовсе забыв о раздражении, и небрежно взмахивает рукой. — Особенно столь юных. Считайте, что я, придя на ваше собрание в такую рань, просто поддалась их обаянию.

— Тогда начинаем, — едва слышно выдыхает лысеющий мужчина. Несмотря на расстояние и его тихий голос, Аврора разбирает каждое слово без малейшего труда. — По традиции право открыть собрание принадлежит нашему Верховному старейшине и Оракулу Маттео, который и созвал нас так срочно, — добавляет он, кивая в сторону Маттео.

— Пусть сначала отрепетирует свою речь, — язвит Исайя, даже не думая скрывать насмешку.

— Замолчи, Исайя, — резко обрывает его королева. — Я здесь ради знакомства с Третьей Богиней Альентара. Ну что, дорогая, долго ты ещё будешь молчать?

— Королеве обычно отвечают сразу, — тихо подсказывает Айлин, наклоняясь к Авроре. — Но ты можешь и потянуть время. В конце концов, твой статус выше.

— Милая? — не унимается королева. — О боги, Кьеран, чем ты так запугал девочку, что она не решается и слова сказать?

— Я не пугал её, Ваше Величество, — спокойно отвечает Кьеран. Краем глаза Аврора замечает, как он стискивает зубы. — Учитывая её положение, моя дочь вправе решать, отвечать ли вам.

В голове Авроры мелькает короткое: «Ой».

— Нахал, — с лёгкой усмешкой бросает королева, разглядывая собеседника. — В вашей семье, похоже, дерзость — родовая черта.

— Принимаю это как комплимент, — невозмутимо отзывается Кьеран.

Маттео не вмешивается в разгорающийся спор. Его руки неподвижно лежат на столе, а взгляд — прямой, немигающий, сосредоточенный — направлен на Аврору, всё ещё прячущую ладони под столешницей и не проронившую ни слова.

Аврора перестаёт следить за перепалкой. Королева уже в третий раз повторяет, зачем поднялась в такую рань. Господин Армин — седой старик — то и дело обрывает её колкими замечаниями. Господин Марко, второй пожилой мужчина и само воплощение безмятежности, лишь изредка вставляет шутку, вызывающую у темнокожего соседа одобрительную улыбку. За спиной Маттео замирает Фатерис, и её лицо перекошено гримасой негодования. Сидящая рядом Айлин что-то шепчет, но слова ускользают, не задевая сознания. Маттео остаётся безучастным ко всему этому шуму.

Аврора ощущает себя чужой. Ещё вчера она рвалась сюда, сгорая от желания получить ответы, но теперь, в окружении альентарцев — многих из тех, кто пережил Сражение, — у неё будто отняли голос.

«Спроси о северном узле», — проносится в сознании так явственно, что Аврора невольно думает: не расслышал ли этот шёпот Маттео? Его фиолетовые глаза сужаются, губы чуть приоткрываются, но она успевает первой.

— Меня интересует северный узел, — её голос, вопреки ожиданиям, разносится по залу звонко и чётко.

Исайя издаёт короткий смешок и откидывается на спинку кресла. Брови Гидеона взлетают в немом изумлении. Королева фейри расплывается в улыбке, напоминая сытую кошку на солнце, и тянется к Маттео. Аврора застывает, теряясь в догадках, что последует за этим жестом.

Королева медленно запускает пальцы в светлые непокорные волосы Маттео, проводит по ним ладонью. Он не уклоняется. Даже Фатерис не прожигает её убийственным взглядом. Мгновение спустя Маттео поворачивает голову к королеве, и та убирает руку, с наигранным сожалением качая головой.

— Откуда у тебя эти сведения? — голос Маттео звучит ровно, но Аврора отчётливо чувствует: её вопрос застаёт его врасплох.

— Разве это так важно? — она неспешно проводит пальцем по резному краю столешницы. — Мне нужно понять, что это за явление.

— Северный узел, — без малейших колебаний произносит Маттео, — активировался недавно между Брашовом и горным массивом Фегераш.

Исайя переводит на Маттео короткий, цепкий взгляд, а тот, будто не замечая, рассеянно вертит на пальце кольцо — тонкий, покрытый узором ободок из тёмного металла, который Аврора замечает только сейчас.

— Это один из ключевых перекрёстков лей-линий, — продолжает Маттео, не отвлекаясь от своего занятия. — С тех пор как Альентар скрылся, все узлы погрузились в спячку.

— А тот переулок? — не отступает Аврора.

Исайя отвечает коротким смешком.

— Какой поворот! — королева подаётся всем телом вперёд, и в её глазах вспыхивает жадный интерес. — Богиня хранит тайны, которые наш юный друг так старательно оберегает. Откуда ты знаешь об этом, дитя моё?

— Я просила бы вас не называть меня так, — собственный голос кажется Авроре куда твёрже, чем она рассчитывала.

— Должна признаться, Бендиду, Третью из Святых, в тебе не сразу и распознаешь. Но и отрицать ваше сходство было бы нечестно. Я, пожалуй, не стану проводить параллели, если ты не возражаешь. Пока ты сама этого не захочешь. Идёт?

В улыбке королевы проступает что-то хищное — точёное изящество охотника, следящего за каждым движением жертвы. Под столом Аврора до боли впивается ногтями в ладони, цепляясь за эту резкую физическую вспышку, чтобы не потерять нить беседы.

— Лучше ответь, — едва уловимо шепчет Айлин, склоняясь ближе.

— Я подумаю над этим, — с усилием выговаривает Аврора.

Гидеон и Фатерис мгновенно обмениваются тревожными взглядами. А Исайя, растянув губы в широкой усмешке, выставляющей напоказ острые клыки, едва заметно кивает ей.

— Как только будешь готова, дай знать, — королева делает лёгкий, почти ленивый жест кистью. — Я обязательно пришлю тебе приглашение на один из моих приёмов. Мне хочется, чтобы ты познакомилась с нашими наследниками.

— Весьма любопытно, — господин Марко вклинивается в разговор с мягкой, обходительной интонацией. — Ваше Величество, расскажите, как продвигается обучение наследников?

— Старик, оставь эту ерунду, — резко осаживает его Исайя. — Все мы здесь собрались ради знакомства с Богиней.

— Которому вы прилагаете все усилия, чтобы помешать, — негромко замечает Маттео.

— Так не тяните же! — голос Исайи взлетает до требовательной ноты. — Мой отряд завален делами, мне некогда тут рассиживаться. Давайте ближе к делу.

— Клан Исайи не назовёшь вампирами в полном смысле слова, но ночные вылазки им куда милее дневных, — шёпотом поясняет Айлин.

Аврора резко разворачивается к ней, и её глаза округляются от потрясения:

— Так он вампир?!

— Полукровка. Тебе что, не сказали?

Аврора застывает, не в силах закрыть рот, а Исайя заливается смехом, глядя на её ошеломлённое лицо. В этот момент мужчина с заострёнными ушами вступает в разговор:

— Незачем тратить время на пустую болтовню.

— Уверена, у девочки накопились вопросы, — мурлычет королева фейри, и в её глазах пляшут искры любопытства.

— Да, — голос Авроры звучит жёстко. — И их у меня предостаточно.

В голове у Авроры снова проносится: *«Не забывай, ради чего ты здесь»,* — и она не вполне уверена, что правильно истолковала этот внутренний шёпот. Но всё же решается заговорить:

— Я хочу разобраться с Северным узлом. И ещё — почему Святые возрождаются?

Фразы слетают с языка раньше, чем она успевает их осмыслить. Аврора мысленно чертыхается — это совершенно не те слова, которые она планировала произнести. Однако, заметив, как напряглись лица собравшихся, она волевым усилием придаёт себе невозмутимый вид.

— Откуда тебе известно о Северном узле? — спрашивает темнокожий мужчина, сидящий справа от Исайи.

— Мне рассказала Бендида, — не колеблясь, отвечает Аврора.

— И давно она выходит с тобой на связь? — в голосе Маттео звучит откровенное сомнение.

— Только с сегодняшнего утра, — снова лжёт Аврора, даже не моргнув.

— Хочешь услышать всё без прикрас? — вмешивается Исайя, не давая остальным осмыслить сказанное. Он демонстративно закидывает ноги на стол, скрещивает руки на груди и ода-

ривает Аврору дерзким взглядом, полностью игнорируя предостерегающие жесты господина Армина.

— Пока что мне достаточно общей картины, — произносит Аврора.

— Исайя… — пытается вставить господин Марко, но его обрывает звонкий удар ладонью по столу.

— Неслыханная дерзость! — взрывается господин Армин. — Чтобы порождение тьмы с такой наглостью рассуждало о Святых!

— Произнесёшь «порождение тьмы» ещё раз, старик, — рычит Исайя, — и я выпью из тебя всю кровь, вырву сердце и сожгу его во славу Ночи.

— Тише, тише, успокойтесь, — мягко вмешивается господин Марко, деликатно укладывая тонкие пальцы на край стола. — Не стоит раздувать ссору. Вряд ли будет мудро упрекать юную Богиню за её любопытство.

К господину Марко — невысокому старику в костюме, который болтается на нём, точно с чужого плеча, — Аврора неожиданно для себя проникается тёплым чувством. От Армина она всей кожей улавливает эту враждебность, тогда как Марко излучает лишь безмятежное добродушие. С виду он напоминает безобидного старичка, который по чистой случайности забрёл не на ту встречу. Аврора не сомневается: этот человек хранит в себе кладезь знаний и окружён всеобщим почётом, однако его стремительная готовность выступить в её защиту застаёт её врасплох.

— Если все присутствующие так не расположены делиться сведениями, — мягко продолжает Марко, и по его лицу разливается тёплая улыбка, — я мог бы изложить суть вам наедине. Мисс Саммерсет, вы позволите?

Он оборачивается к ней, и Аврора невольно вздрагивает. Его глаза — молочно-белые, затянутые туманной плёнкой — смотрят вовсе не на неё, а куда-то за её плечо, на Гидеона, сидящего рядом. Только сейчас Аврора замечает наискось пересекающий лицо старика глубокий шрам. Как она могла не разглядеть его прежде?

— Вы не станете возражать, юный Старейшина? — обращается Марко уже к Маттео.

Маттео мрачнеет и бросает на Аврору косой взгляд. Она не ошибается: всякий разговор об Альентаре явно причиняет ему острую неловкость — и это лишь подстёгивает её решимость докопаться до причин.

— Смотрите, не переступите закон, господин Марко, — наконец произносит Маттео с подчёркнутой сдержанностью.

— О, с законом я в прекрасных отношениях, — негромко посмеивается старик.

— Превосходно, — бесстрастно констатирует Исайя. — С этим пунктом разобрались. О чём речь пойдёт дальше? Прикинем, когда девчонка превратится в марионетку королевы?

— Ещё одна дерзкая реплика в мою сторону, и я лично позабочусь, чтобы твои клыки тебе больше не понадобились, — невозмутимо парирует королева фейри.

— Разрешите задать вопрос Святой? — вклинивается человек по имени Руперт.

Только когда Гидеон в очередной раз легонько пихает её ногой под столом, до Авроры доходит: вопрос адресован именно ей, и Руперт не бросает его в воздух — он терпеливо ждёт. От неловкости язык наливается свинцом, но она всё же заставляет себя кивнуть.

— Вы сейчас можете почувствовать кого-нибудь из Богов или Резонаторов? — спрашивает Руперт.

На первый взгляд, вопрос прост. Ей уже объясняли: Бог всегда распознаёт другого Бога. Но она ведь не единственная Богиня — естественно, кто-то поинтересуется, способна ли она засечь остальных. И всё-таки…

«Держи в голове порталы», — опять проносится в сознании загадочный шёпот, и Аврора мысленно цепляется за эту нить связи.

— Нет, — произносит она твёрдо, глядя прямо перед собой. — Фатерис я ощущаю, но кроме неё — никого.

— Этого и следовало ожидать, — кивает темнокожий мужчина, будто заранее знал, что она ответит. — Вы, к несчастью, лишены возможности улавливать такие тонкости. Бендида почти не закрепляла знания о Глефе на бумаге — почти всё она передавала устно, напрямую другим Богам, тем, кто навсегда остался в Альентаре.

— Простите, а как вас зовут? — спрашивает Аврора.

— Кристофер, — представляется он, и на губах его проступает полуулыбка.

— Расскажите мне о Глефе всё, что вам известно, — напирает Аврора, не замечая, какой напряжённой становится тишина вокруг. Даже дыхание господина Марко, неотрывно следящего за их диалогом, становится оглушительным.

— Я бы не рискнул назвать Глеф вершиной магии Святых, хотя она неизменно меня восхищает, — Кристофер задумчиво трёт подбородок. — Морша, которая и во всём была Первой, утверждала, что Глеф открывается множеством граней.

— А что насчёт Резонанса? — продолжает расспрашивать Аврора. — Вы не могли бы объяснить, что это за явление?

— Это сила, дарованная Аэлиотаром из Высшего Порядка, — отзывается Кристофер, а затем, внезапно понизив голос и метнув короткий взгляд в сторону господина Марко, добавляет: — Мне посчастливилось обнаружить следы Резонанса прямо на теле господина Эспозито. И появились они там ещё до того, как он погиб.

— Неужели? — заметно оживляется господин Марко. — И что ещё тебе удалось раскопать, Кристофер?

— На теле Эспозито я зафиксировал остаточные эманации тёмной магии, — отвечает Кристофер. — Они исходили от демона среднего ранга.

Он так увлекается беседой с господином Марко, что, кажется, совершенно забывает о существовании Авроры. Из его уст потоком льются термины и подробности, которые для неё сливаются в неразборчивый шум; лишь отдельные фрагменты пробиваются сквозь эту завесу: Резонанс — загадочная энергия, отдалённо схожая с Глефом Сотворения, — оказывается каким-то образом связан с погибшим, имя которого только что упомянул Кристофер. Гидеон, чьё лицо сохраняет выражение глубокой сосредоточенности, явно схватывает всё на лету.

— Тизиан Эспозито, — едва слышно подсказывает Айлин, угадав замешательство Авроры. — Человек с долей фейрийской крови. Исчез несколько недель назад. Тело обнаружили в Полуночном Театре: вся кожа была испещрена странными магическими знаками, а кисти рук отсутствовали. Кристофер вёл это дело и, как видишь, сумел выйти на кое-что существенное.

— Возможно, Святая сумела бы определить, — задумчиво произносит Руперт, словно обращаясь к самому себе. — Припоминаешь тот необычный отпечаток, который находили на телах жертв? Он совершенно точно отсылал к Святым.

— Если она пока не разбирается в том, как действует её собственная магия, — с едва уловимой иронией возражает королева фейри, — то едва ли сможет распознать природу этого резонанса.

— Согласно утверждению Первого, Церемония Связи должна пробудить её Дар, — деликатно вставляет господин Марко. — Приготовления практически завершены.

— У нас нет причин ставить под сомнение слова Первого, — жёстко отчеканивает Армин.

Глава 4. Сгинь, пляска муз, весь древний мир.

В этом готическом подземном городе мы все грешим,
Если я возьму с собой пару патронов, тогда мы все выиграем.
Dynasties and Dystopia.

Флоренция , Италия . Февраль 2022 года.

— Дженни теперь с головой ушла в учебники по идеальным преступлениям, — проронил Гидеон до ужаса будничным тоном, пока они приближались к лестнице Штаба. Он произнёс это так, словно речь шла не о череде смертей и вторжении монстров, а о какой-то невинной причуде. — Она уже выдала мне десяток способов так спрятать труп, чтобы никто и никогда не нашёл. Я теперь всерьёз опасаюсь оставлять её в библиотеке одну — вдруг ей немедленно вздумается перейти от теории к практике?

Аврора, поднявшись на три ступеньки, застыла и обернулась через плечо.

— Я теперь смотрю на тебя сверху вниз, — объявила она с неприкрытым злорадством.

Эта игра тянулась с самого их детства. Аврора вечно выискивала любую возможность стать выше — камень, ящик, лестничный пролёт, — лишь бы на короткий миг возвышаться над Гидеоном. Формально она сдалась, когда в шестнадцать он обогнал её почти на голову, но привилегия подкалывать его таким образом навсегда осталась за ней.

Гидеон, щурясь от бьющего в лицо солнца, посмотрел на неё снизу вверх. В его серо-голубых радужках на мгновение вспыхнули золотые искры — совсем как в осколках древнеримского стекла, что пылились дома на каминной полке.

— О да, — лениво усмехнулся он. — Я прямо-таки чувствую себя жалким карликом у подножия твоего величия. Впечатляет.

Аврора двинулась дальше, и лишь в этот момент выражение его лица изменилось. Голос остался таким же мягким, но привычная игривость исчезла без следа.

— Аврора, — он намеренно задержался на ступеньку ниже, заставляя её обернуться, — мы можем сколько угодно дурачиться и притворяться, но я не играю с тобой. Всё, что происходит — реально. Это твоя жизнь. И ты имеешь полное право знать, что с тобой творится на самом деле.

Гидеон преодолел одну ступень, приблизившись к ней, и улыбнулся — этой улыбкой он явно старался смягчить тяжесть только что сказанных слов.

— Хотя, если тебе так принципиально насладиться своим временным превосходством… так и быть, я готов ненадолго отложить серьёзные темы.

Дверь с оглушительным треском распахнулась, ударившись о стену, и одновременно с этим раздался дружный крик:

— Аврора! Гидеон!

В проёме показались заспанные Джиневра и Томмазо, дети Меланты и Конрада, оба всё ещё в пижамах. Томми с упоением облизывал леденец, сжимая палочку в кулаке, но стоило ему заметить Аврору, как лицо мальчика озарилось восторгом, и он со всех ног бросился к ней.

— Аврора! — прошамкал он, не вынимая леденец изо рта.

Аврора в тот же миг поймала его, сжала так крепко, что он зашёлся смехом, и только тогда немного ослабила хватку.

— Том, — в голосе Гидеона прорезалась строгость, — не бегай с леденцом во рту. Подавишься ведь.

Мальчик осторожно вытащил конфету и уставился на неё с тем же потрясённым благоговением, с каким смотрят на взведённый курок.

— И… прям умру?

— Да, абсолютно, — с невозмутимым видом кивнул Гидеон. — Смертельный исход гарантирован.

После этого он перевёл взгляд на Джини. Девочка встала, уперев руки в бока; чёрная пижама, разрисованная мультяшными цепными пилами и скелетами, выглядела крайне задиристо.

— Рассказывай, что у тебя, Джини.

— Сегодня пятница! — объявила она. — День Очагового Огня. Помнишь свой уговор? Ты ведь не мог забыть.

— Ах, действительно, — Гидеон бережно потянул за самый кончик её косы.

— Тогда без сармов не обойтись, — тепло улыбнувшись, подхватила Аврора и окинула взглядом обоих. — Приготовим их всей компанией, по традиции.

Ни один календарь не управлял Днём Очагового Огня. Этот праздник устраивали по единственному верному сигналу: первое дыхание весеннего тепла, первые проталины среди снега. На языке старших его называли Хаосом Альентара. Сегодняшнего утреннего потепления Джини хватило, чтобы объявить, что время пришло.

Вся семья в этот день неизменно стягивалась к широкому каменному очагу. Огонь разводили непременно сообща: одни укладывали поленья, другие умелым движением высекали первую искру. Центром же всего действа становились сармы — маленькие свёртки из капустных или виноградных листьев, вобравших в себя запахи земли и солнечного света, с начинкой из риса и мяса. Сворачивать их полагалось с настоящим мастерством. Детские заготовки выходили кособокими, смешными, норовили расползтись прямо в пальцах — и всё же общее поверье гласило, что именно эти неуклюжие сармы дарят блюду тот самый привкус «примирения».

— Каса и Калли нужно вытащить из кроватей, а я пока… — начал было Гидеон, но ему не дали закончить.

— Да они уже поднялись, — уверенно отрезала Джини. — Оба на кухне. Ждут. — Взгляд у неё сделался до того красноречивым, будто судьба всего завтрака теперь зависела исключительно от Гидеона.

Он выгнул бровь, и в уголках губ мелькнула сдержанная усмешка.

— Выходит, пространства для манёвра мне не оставили. Ладно, сдаюсь.

С этими словами он взял Тома у Авроры, бережно поставил его на ноги и легонько подтолкнул обоих детей в сторону прихожей.

— Так, бегом! Разведгруппа, ваша задача — уберечь близнецов от неминуемой беды. Оставите их без присмотра — и кухня обратится в жерло действующего вулкана.

— Вулкан! — восторженно взвизгнул Том.

Дети, заливаясь смехом, исчезли в коридоре. Гидеон проводил их глазами и, обернувшись к Авроре, изобразил долгий мученический вздох — точно пережил только что тяжелейшее потрясение.

— У меня на воротнике… — Он ткнул пальцем в липкое пятно. — След от леденца.

Аврора рассмеялась и с мягкой укоризной покачала головой.

— Это почётная награда. И тебе её преподнесли от всей души, между прочим.

Он скривился так, словно на рубашке красовалось клеймо бесчестья, но возражать не стал.

— Увидимся на кухне, — бросил он через плечо, разворачиваясь. — Сначала попробую отмыть собственную репутацию — при помощи душа.

Аврора метнулась вверх по лестнице, почти не касаясь ступеней. Однако на верхней площадке, возле приоткрытой двери, она сама не заметила, как замедлила шаг. Замерла, оглянулась.

В прихожей всё ещё стоял Гидеон, и свет из окна падал ему прямо на лицо. Его глаза — стального оттенка, с едва заметной синевой — внезапно отозвались в ней воспоминанием о

зимнем рассвете: о том моменте, когда ночь из последних сил держится за край неба, а снизу уже пробивается свечение нового дня. Во взгляде сквозило что-то упрямое и вместе с тем печальное.

— Гидеон, — негромко позвала она. — Ты ведь хотел о чём-то спросить?

Он ответил еле заметным движением головы и отвёл глаза.

— Нет, — бросил он коротко. Ирония в его голосе теперь казалась лишь тонкой плёнкой, под которой угадывалось что-то глубокое и тяжёлое. — Совершенно не о чем.

***

Эстер вдруг оказалась в старом академическом доме, где каменные стены дышали прохладой, а по саду разливалась густая тень разросшихся вязов. Даже в самый пик жары здесь можно было укрыться от палящего солнца. В воздухе стоял плотный аромат роз с характерной горчинкой — тех самых, что привезла ей Сунан и которые годами культивировали наперекор капризному климату.

Именно чайные розы она любила больше всего. Когда-то Эстер вычитала у любимого автора целые пассажи об этих цветах и с тех пор подсознательно считала: без них ни один уважающий себя сад попросту неполноценен. Впрочем, семейство Розалес наполняло символикой все оттенки роз — это был их способ материализовать фамильную гордость, превратить громкое имя в нечто осязаемое, живое.

Эстер двигалась по мощеной дорожке к повороту, когда до слуха долетели голоса, которые она не спутала бы ни с чьими другими. Сердце пропустило удар. Зейн. Та самая любовь — первая и оставшаяся единственной. Губы сами собой разошлись в улыбке, теплой и открытой, а ноги понесли ее быстрее. Она обогнула угол дома и замерла на месте. Впереди не было ни души. Ветер бесшумно перебирал лепестки, утаскивая за собой обрывки смеха — едва уловимые, совершенно чужие, будто доносившиеся с другого берега. Очертания растворились в воздухе без следа.

Веки дрогнули, сбрасывая остатки видения, и сознание прояснилось окончательно.

Прямо перед ней стояла Аврора — после купания, с влажными темными волосами, свободно лежащими на плечах. На ней снова было что-то бежевое, но сидела эта вещь безупречно, почти сливаясь с обликом.

— Beni rahatsız etmeyi bırak, uyandım! Может, хватит уже меня тормошить? Я не сплю!

Слова вырвались сдавленно; первая фраза проскочила на турецком раньше, чем Эстер сообразила переключиться. Она поморщилась и сжала губы. Обычно в итальянской среде контроль над речью работал безукоризненно, но зыбкий промежуток между сном и бодрствованием то и дело ломал эту безупречную настройку.

Она провела ладонями по лицу, разгоняя последние обрывки сна.

— Давай спустимся поедим, — выпалила Аврора с тем неуемным напором, какой обычно сопутствовал любым ее затеям — от совершенно безбашенных до неожиданно гениальных. — Вообще-то время уже обеденное, полдень почти, так что считай это поздним завтраком. Не суть. Главное — я намерена тебя всем показать.

Эстер вскинула глаза и сразу заметила в лице подруги знакомое нетерпение — безошибочный сигнал, что та уже все распланировала.

— И еще, — с заговорщицким прищуром добавила Аврора, — тебе обязательно нужно увидеть Гидеона. У него руки — загляденье, просто произведение искусства.

— Чудесно. Вот сама ему об этом и сообщи, — сухо бросила Эстер.

— Нет уж, спасибо, пусть лучше через тебя, — легкомысленно отозвалась Аврора. — Поднимайся давай, иначе я лично на тебя сверху завалюсь!

Эстер, почти не целясь, запустила в нее подушкой.

— Ладно-ладно, — буркнула она. — Выйди пока, дай мне привести себя в порядок.

Несколько минут спустя она шагнула в коридор, успев натянуть бледно-розовый свитер мягкой пушистой вязки и юбку-карандаш, которую с трудом выудила с самого дна чемодана. Волосы она наспех пригладила пальцами, но внутри уже разрасталось привычное чувство — такое бывает перед ответственным экзаменом.

Длинный коридор плыл в полумраке, густо пах старым деревом и хранил едва уловимый солёный дух моря. С кухни доносились голоса — сначала разрозненные фразы, потом дружный раскат хохота и оживлённая перекличка. Эстер на миг замерла и непроизвольно коснулась кольца на пальце — этот жест вошёл в привычку, кольцо служило чем-то вроде молчаливого якоря в моменты, когда собственной отваги начинало недоставать.

С тех самых пор, как она переступила порог Флорентийского Ордена, до неё то и дело долетали эти имена — Саммерсет, Ковачи, Эшвуд. Каждое окружал целый шлейф баек: одни — полные восхищения, другие — насквозь пропитанные завистью, третьи — сплошная паутина слухов. Гидеон Эшвуд звучал чаще прочих, его деяния обросли таким количеством мифов, что фигура стала напоминать не живого человека, а героя старинного эпоса.

И вот теперь всех их предстояло увидеть во плоти.

Сердце заходилось в груди от волнения. Вся вселенная Авроры вращалась вокруг этих людей, но страх Эстер питало и другое: примут они её или оттолкнут — от этого зависело, станет ли этот уголок родным или навсегда останется чужой землёй. Она со свистом втянула воздух и без лишних колебаний распахнула дверь.

Кухня обрушилась на неё светом и шумным многоголосьем. Просторное помещение в мягких бежевых тонах смотрело окнами прямо на Арно. В центре высился массивный стол в деревенском духе, а вокруг него сгрудилась пёстрая компания стульев и скамей — все разной формы и размера. С первого взгляда казалось, будто столешницу и сиденья облицевали яркой испанской керамикой, той самой, что продают на рынках Севильи, с густой вязью орнаментов. Но чем дольше всматривалась Эстер, тем яснее проступали сюжеты древних мифов: Ясон и аргонавты, скорбящий Ахилл над телом Патрокла, Одиссей, зачарованный пением сирен.

Чувствовалось, что эту кухню обставляли с огромной душой — каждая деталь дышала теплотой и безупречным вкусом. Медные ручки, вместительная фарфоровая мойка на две чаши, тот самый оттенок бежевого, который словно нарочно создан, чтобы вбирать солнечные лучи.

У плиты в совершенно расслабленной позе стоял Гидеон. Через плечо у него свисало кухонное полотенце с котятами — до смешного не вязавшееся с тем почтительным шёпотом, каким в Ордене сопровождали его имя, окутанное шлейфом легенд. Он держал блюдо, и над ним разливался плотный аромат мяса и пряностей. Испачканные пальцы ни на миг не ослабляли того властного излучения, что от него исходило.

Вокруг стола без конца сновали младшие Ковачи. Близнецы то взлетали со своих мест, то плюхались обратно, и их гомон не умолкал. Джини и Том устроились тут же, и от обоих шла такая бьющая через край энергия, что воздух вокруг, казалось, вибрировал.

Аврора выступила вперёд, обняла подругу за плечи и с таким сияющим видом, будто представляла не человека, а бесценную находку, объявила:

— Позвольте представить: Эстер. За минувшее лето она вытаскивала меня из беды раз десять, если не больше. Так что предупреждаю сразу: обидеть её — значит, иметь дело со мной.

Гидеон обернулся, и комната словно наполнилась дополнительным светом от его улыбки — будто перед ними стоял человек, целиком сотканный из солнечных лучей, и эти лучи смеялись в его глазах.

— Ты спасла Аврору от гибели, — произнёс он. — В отличие от меня.

Гидеон произнёс это с усмешкой, но в его словах таился острый шип, задевший Аврору глубже, чем ей хотелось бы признать. Эстер уловила это мгновенное напряжение и молча сжала её пальцы.

Аврора внезапно ощутила укол неловкости. За минувший август Эстер стала одной из немногих, кому удалось пробить её привычную броню. Дети Ковачи уехали с родителями в Бухарест, отец Авроры временно вернулся в Орден Брашова — помочь Иветт, маме Ро, — а Гидеон пропадал на дежурствах. Там, где другие упирались в глухую стену, Эстер без требований и нажима нашла дорогу внутрь. Саму Аврору на задания пока не брали: считали, что ей нужно ещё тренироваться, — этим она и занималась вместе с Эстер. Ей даже вернули личное оружие, танзанитовую катану, подаренную дядей Конрадом.

— Я Калли! — звонко объявила девочка лет шестнадцати, шагнув вперёд с совсем недетской серьёзностью. — Каллиста Ковачи.

Эстер улыбнулась и пожала ей руку, ощутив, какие у той хрупкие пальцы.

— А это Кас, — продолжила Калли, указывая на темноволосого мальчика, который свернулся калачиком на скамье и целиком погрузился в «Архив Шерлока Холмса», будто вокруг ничего не происходило. — Джини, — добавила она, кивая на девочку с косичками. — Эту не спутаешь ни с кем: командовать — её любимое занятие.

Джини сердито зыркнула на сестру, но спорить не стала.

— И Том, — завершила Калли, показав на мальчика с леденцом.

Мальчик поднял взгляд и с невозмутимой серьёзностью произнёс тоном бывалого наставника:

— Никогда не бегай с леденцом во рту. Это опасно.

Эстер на мгновение замерла.

— Э-э… постараюсь запомнить, — растерянно пробормотала она.

Том кивнул с таким видом, будто только что самолично отвёл неминуемую беду.

Гидеон, не отрываясь от своего занятия — аккуратно укладывал фарш на виноградный лист, — с усмешкой бросил: «Том у нас отвечает за соблюдение всех правил безопасности». Заметив, что мальчик сунулся к миске с мясом, он тут же предостерегающе окликнул: «Эй, Том, полегче там!» Он быстро выложил в середину листа начинку, подвернул бока и скатал безупречный рулетик — руки двигались с отработанной, почти наследственной ловкостью. Грозный образ, окутанный мифами, отступил на второй план, уступив место обыкновенному кулинару, который возится у плиты.

На столе росла стопка ещё горячих, влажных виноградных листьев — их только что обдали кипятком. От очага тянуло сладковатым духом пассерованного лука вперемешку с уютным запахом горящих поленьев. В воздухе стоял плотный аромат: мясной сок, томлёный рис, специи, и сквозь всё это пробивалась лёгкая кислинка виноградного листа.

— Так, лодыри, живо сервировать стол! — скомандовал Гидеон, обводя кухню взглядом, но, наткнувшись на Эстер, тут же остыл: — Тебя это не касается, Эстер, ты гостья.

— Я остаюсь на целый месяц, — сказала она, поднимаясь со своего места. — Так что никакая я не гостья.

И, не дав ему возразить, присоединилась к остальным, взялась за тарелки и ложки. Ложки мягко постукивали о края мисок, со всех сторон слышались смех и голоса. Внезапно Эстер поймала себя на мысли, что ощущает покой, от которого успела отвыкнуть. Гвалт, хохот и беготня вокруг стола вытесняли ту тяжёлую тревогу, с которой она сюда приехала.

— Первая партия сармы! — торжественно провозгласил Гидеон и выложил на блюдо ровные рулетики.

Кас с видимой неохотой оторвался от своего тома, лениво потянулся к тарелке. Эстер как раз шла к холодильнику за маслом и услышала, как он негромко сказал брату:

— А я уж решил, что ты забыл про День Очага.

В его голосе слышался не просто укол, а почти откровенный укор. Эстер припомнила рассказы Авроры о том, как тяжело Кас переносит любое нарушение привычного уклада. Гидеон

не спешил с ответом — сначала закончил сворачивать очередной лист, уложил его к остальным и лишь после этого развернулся к брату.

— Я всё помню, Кас. — Лёгкая усмешка скользнула по его губам. — Просто замотался. Но из головы не выбросил.

Кас заметно расслабился.

— Ладно. Забудем.

Скатерть уже покрывали пятна от соуса и просыпавшийся рис. Над столом витал густой запах — мясной дух, пряный шлейф и едва уловимая кислинка виноградных листьев. Рулетики на блюде сперва лежали стройными шеренгами, но вскоре каждый потянулся за своей порцией, словно следуя безмолвному уговору, понятному лишь сидящим за этим столом.

Вокруг царила весёлая неразбериха: каждый тянулся к своему. Кас без промедления двинул тарелку вперёд — ему, как водится, доставались самые увесистые сармы: «чтобы хватало пороху на перепалки». Джини с азартом накинулась на истекающие соусом сармы, щедро зачерпывая подливу. Калли, наоборот, выуживала крохотные рулетики с поджаристыми краями — настоящие миниатюры. Перед Авророй легли безукоризненно ровные, почти сухие сармы — все присутствующие, похоже, назубок выучили её вкусы.

Гидеон присоединился к компании самым последним. Том мгновенно прошмыгнул за ним, пружинисто вскочив на лавку. Под весом Гидеона, устроившегося рядом с Авророй, деревянная лавка коротко скрипнула.

Эстер осторожно попробовала сарму: вилка без сопротивления проткнула плотный рулончик, и первый же откушенный кусочек заставил её на секунду прикрыть глаза. Горячая начинка растаяла на языке, разворачивая богатую гамму — пряный оттенок, мясная сочность и тонкая горьковатая нота листа. Всё вышло безупречно.

— Изумительно, — выдохнула она, переводя взгляд на Гидеона.

Он посмотрел на неё, чуть прищурившись. В глубине его глаз ещё пряталась усталость, но сейчас она отступала под напором тихого, довольного тепла.

— Это просто привычка, — отозвался он. — Я кручу их с двенадцати лет.

Брови Авроры поползли вверх от изумления.

— Тебе было двенадцать? Ты же тогда совсем ребёнком был!

— Ну и что? — Гидеон дёрнул плечом, изображая полную невозмутимость. — Детям тоже надо чем-то питаться. А кроме того, кто-то обязан был оградить нас от кулинарных опытов моей подруги.

Аврора не сдержала короткого смешка и чуть не подавилась.

— То есть ты таким образом… оборонялся?

— Чистейший инстинкт самосохранения, — хмыкнул он и легонько задел её плечо. — Так что цени момент. Каждый рулетик выстрадан годами лишений.

Вокруг стола прокатился тёплый дружный хохот, и на мгновение все превратились в одну семью, собравшуюся за вечерним столом.

Калли неожиданно подскочила на стуле, и тонкое чёрное платье мягко обтянуло её фигуру. Солнечный свет, сочившийся сквозь высокое окно, запутался в каштановых прядях и вытянул из них золотые нити. На долю секунды Эстер померещились те стамбульские девушки у Фенербахче — ладные, бойкие, насквозь пропитанные уверенностью.

— До чего же хорошо вернуться, — выдохнула Калли, облизывая с пальцев остатки соуса. — Тётя Патриция очень старалась, спору нет, но забота у неё… со своими особенностями. — Она мотнула головой в сторону Авроры с Гидеоном. — Теперь-то я понимаю, почему все твердят, что вас нельзя разделять. Вы прямо как…

— Шерлок и Ватсон, — немедленно отозвался Кас, даже не подняв головы от книги.

— Шоколад и арахисовая паста, — авторитетно объявил Том, самозабвенно облизывая ложку.

— Саске и Наруто, — мечтательно протянула Джини и принялась выводить соусом на тарелке замысловатые вензеля.

Аврора поперхнулась соком, закашлялась и торопливо прижала салфетку к губам.

— Джини! — выдохнула она, едва отдышавшись. — Они же всю дорогу друг другу глотки перегрызть пытались!

— Вот именно, — подхватил Гидеон с привычной смесью серьёзности и насмешки. — Саске из Наруто вытягивает всё самое… живое. Без него Наруто — просто стандартный шиноби. Спокойный, предсказуемый. Скучный, короче, шиноби.

Эстер, наблюдавшая за Джини, вдруг ощутила исходящую от неё тревогу — почти физически осязаемую.

— Я всё слышала, — объявила Калли, и её нос мгновенно сморщился — точь-в-точь раздосадованный котёнок. — Сначала я была на лужайке, а потом пошла обратно за Томом. Гидеон, скажи честно: ты действительно наткнулся на труп во время охоты?

Кас, до этой секунды целиком ушедший в книгу, резко вскинул голову; наушники, болтавшиеся у него на шее, едва не соскользнули.

— Что?! — его голос сорвался на фальцет. — Гидеон нашёл на охоте тело?

Аврора быстро перевела взгляд на Тома, но тот знай себе орудовал вилкой — он методично опустошал тарелку, будто тревожная тема вообще не проникала в его реальность.

Гидеон откинулся на спинку стула, неспешно прокрутил ложку в пальцах и протянул:

— Ну… пока вы развлекались, у нас тут случилась, скажем так, маленькая неприятность. Всего-то несколько трупов.

— Несколько?! — Кас рванулся с места, едва не выронив книгу. — И тебе в голову не пришло связаться с мамой? Или хотя бы с нами? Можно было черкнуть имейл, запустить огненный сигнал… да банальную открытку отправить!

— Открытку о покойнике? — едко переспросила Калли, скривив губы. — «Погода отличная, мертвец свеженький, жаль, что вы не здесь».

Гидеон издал смешок:

— Я смотрю, с юмором у нас полный порядок. Только вот правда в том, что я сам вчера вечером впервые обо всём узнал. На теле обнаружили знаки.

— Их до сих пор не удалось прочитать? — спросила Калли.

Гидеон покачал головой:

— Нет.

— А ведь прежде эти символы считались единичными, — задумчиво проговорил Кас. Его серо-фиолетовые глаза, напоминавшие отшлифованный аметист, зажглись любопытством. Машинально он поправил провод наушников, змейкой уходивший под рубашку. — Если наложить друг на друга старые и новые знаки, может всплыть то, что мы раньше проглядели.

Гидеон выудил из кармана сложенный листок и, кивнув, бросил: «Я уже взялся за дело». Бумага легла на стол, и Кас мгновенно сцапал её — точь-в-точь ястреб, спикировавший на добычу. Пробегая глазами по строчкам, он услышал, как Гидеон принялся сухо перечислять: «Стёртые подушечки пальцев, выбитые зубы, никаких следов кошелька — скорее всего, убийца целенаправленно заметал личность». Кас, не поднимая головы, отозвался: «Стандартный ход», — и его пальцы заскользили по записям, вбирая каждую деталь, пока Гидеон, понизив голос, не добавил: «Но тут есть тонкости. Труп долго мотало в солёной воде, местами его обожгли. Он лежал внутри мелового круга, исчерченного символами, а прямо на теле обнаружились те самые знаки».

Тишина обрушилась на кухню, и даже Том застыл, забыв про свою порцию. Кас, мысленно уже листавший подшивки, сказал вслух:

— Надо поднять старые человеческие газеты. Я сам этим займусь.

Глаза его вспыхнули охотничьим азартом. Гидеон коротко поблагодарил, и его взгляд сам собой скользнул к Авроре, задержавшись на ней чуть дольше обычного. Обернувшись к остальным, он тихо выдохнул: «Не бери в голову», — и легонько тронул её плечо, после чего поднялся и начал составлять тарелки в стопку.

— Сегодня нас никуда не дёргают, — продолжил он. — Меланта ушла в «Скрытый Лес», момент самый подходящий. Почему бы не покопаться в деле? Тем более… — на его лице появилась кривая ухмылка, — Орден назначил аттестацию на выходные.

Комнату наполнил дружный вздох разочарования. Кто-то театрально застонал, кто-то уронил голову на столешницу. Дважды в год ифриты обязаны проходить проверку способностей, и всякий раз это испытание выматывало жёстче настоящих боёв: недотянешь — и тебя прямым ходом возвращают в Академию.

— Ну и праздничек, — с притворным энтузиазмом подвела черту Калли.

Кас, по-прежнему сжимавший листок, словно и не слышал её. Взгляд у него оставался ледяным, до предела сфокусированным.

— Точное количество погибших? — отчеканил он бесцветным голосом. — Мне нужны цифры. Люди или ифриты?

— Четырнадцать, — Гидеон ответил без заминки. — Все до единого — ифриты.

Из-под стола вынырнула голова Тома — такой вид, будто он пропустил почти весь разговор, но выхватил самую жуткую его часть.

— Они что, все носились с леденцами? — в его расширенных глазах застыло неподдельное изумление.

Растерянность мальчика бросалась в глаза, нижняя губа предательски задрожала. По лицу Гидеона скользнула тень вины. Он порывисто приблизился, заключил Тома в объятия и крепко прижал к себе, точно выставляя щит против всего мира.

— На сегодня всё, — мягко произнёс он и подхватил мальчика на руки.

Поворачиваясь к остальным, он распорядился:

— Кассиан, Каллиста, займитесь поисками, соберите всё, что удастся накопать.

Кас с явной неохотой мотнул головой и спрятал бумагу в карман.

— Мы с Эстер планировали тренировку, — осторожно вставила Аврора. — Но если нужна наша помощь…

— Даже не вздумайте! — Калли взвилась со стула, волосы взметнулись вихрем. — Тренировку я не отменю. Мне до зарезу нужен спарринг с человеком, который не торчит ночами в компьютерных играх, — она метнула колючий взгляд в сторону Джини, — и не таскает меня на фильмы ужасов. — Затем повернулась к Касу: — Полчаса поработаю с тобой, потом — в зал.

Кас только равнодушно пожал плечами, натянул наушники и поднялся из-за стола. Калли устремилась следом и прямо на ходу принялась ворчать про свою саблю и дурацкий тренировочный угол. По её рассказам, прабабушка зачем-то превратила в тренировочную площадку старый сарай, и, судя по всему, без пауков при той перестройке не обошлось — настолько нелепо там всё было устроено.

Эстер помедлила в дверях. Золотой поток, лившийся сквозь окна, заливал кухню от стены до стены, и в этом сиянии фигуры Авроры и Гидеона обретали мягкое свечение. Том устроился у Гидеона на руках, Аврора чуть подалась к ним — и вся сцена на долю секунды застыла совершенным изображением семейного счастья.

— Ты ничего не должен делать ради меня, — тихо выдохнула Аврора.

Он усмехнулся:

— А вот тут ты не права. Буду. Клятву я храню в памяти крепче, чем что бы то ни было.

— Тогда освежи мою, — она выгнула бровь и сложила руки.

Гидеон наклонил голову, будто собирался произнести тост:

— Любой твой маршрут — он и мой тоже. И на каждую безумную затею, которая придёт тебе в голову, я подпишусь не глядя.

Аврора кусала губы, пытаясь сохранить серьёзное выражение.

— Серьёзно? Так звучала клятва?

— Именно так, — хмыкнул он. — Что вообще на свете священнее общего сумасшествия?

Снаружи рассыпался звонкий хохот Калли, а следом гулко хлопнула входная дверь. Эстер, всё это время стоявшая незамеченной, решила не вторгаться. Она бесшумно потянула дверь на себя и оставила их наедине в напоённой солнцем комнате, где между ними висело невысказанное, но предельно отчётливое обещание.

Как только створка закрылась, кухня словно выдохнула и опустела — гул голосов рассеялся, и теперь здесь остались только пляшущие в лучах пылинки да спокойное дыхание Тома, уютно прикорнувшего на руках Гидеона.

Гидеон осторожно перенёс мальчика на диван, бережно убрал с его лба упавшие прядки и вернулся к столу.

— Ты тащишь на себе слишком много, — прошептала Аврора, будто боялась разбудить Тома. — Прости.

— А ты слишком много прокручиваешь в голове, — отозвался он с лёгкой улыбкой. — И вечно извиняешься за то, в чём нет твоей вины.

Её взгляд ушёл в сторону, подальше от его лица.

— И всё же я не могу не извиниться.

Он опёрся ладонями о столешницу и подался к ней, сокращая расстояние.

— Извиниться за что? За то, что ифрит пересекла границу и стала твоей подругой?

В уголках его губ пряталась почти незаметная усмешка.

— Ты специально пытаешься меня задеть? — он чуть приподнял бровь. — Ждёшь, что я сейчас вскиплю от ревности и уткнусь носом в тарелку?

— Я серьёзно, — нахмурилась Аврора, не подхватив его шутливого тона.

Он откинулся на спинку стула и несколько секунд не сводил с неё испытующего взгляда, будто давая ей возможность отвести глаза. Потом его голос заметно потеплел:

— Аврора, весь август я почти не появлялся, хотя при твоём состоянии должен был ни на шаг не отходить. Клиника держала меня мёртвой хваткой: дежурства, реанимационные залы, бесконечные звонки… Я залетал домой, только чтобы через минуту снова умчаться. И знаешь, что меня держало на плаву? Уверенность, что рядом с тобой есть человек, способный подставить плечо.

Он потянулся вперёд и осторожно накрыл её пальцы ладонью.

— Эстер стала для тебя опорой в тот момент, когда я не мог ею быть.

***Глухой удар отозвался в самой глубине грудной клетки, когда Аврора рухнула на мат. Она не позволила себе замешкаться ни на миг и тут же ушла перекатом, чувствуя, как ножны катаны вдавливаются в позвоночник. Задержись она ещё на секунду — и сталь рассекла бы кожу, пополнив коллекцию старых шрамов.

Когда-то давно такие оплошности случались постоянно. В начале обучения собственное рвение заглушало инстинкт самосохранения, и клинок за спиной ранил её чаще, чем любое оружие противника.

Этот меч значит для неё гораздо больше, чем просто оружие. Его создатель — Конрад Ковачи, правая рука Фераноров, близкий друг семьи и прославленный мастер Ордена. В его кузницу стекались ученики со всего света, чтобы постичь тайны идеального сплава. Он выковал эту катану собственными руками, и Аврора не расстаётся с ней ни при каких обстоятельствах. Будь то схватка на кинжалах, стрельба из арбалета или метание огневых смесей — клинок всегда при ней. Оружие давно стало продолжением тела, а это значит, что она не имеет

права терять контроль в моменты, когда сталь тянет вниз или ощущается чужеродной обузой, которую проще отстегнуть.

— Ты как, цела? — Эстер почти беззвучно приземлилась на покрытие, остановившись рядом в строгом тренировочном костюме без единого намёка на защитную экипировку.

Поморщившись, Аврора принялась разминать ушибленное плечо.

— Нормально всё.

Она заставила себя подняться и потянулась, прогоняя кровь по уставшим мышцам.

— Сделаем ещё подход, — предложила Эстер.

Сквозь огромные окна в зал вливался закатный свет, покрывая всё вокруг густой позолотой. Резкие, вытянутые тени служили немым напоминанием: они провели здесь несколько часов, сами того не заметив.

Перед тренировкой пришлось разбирать горы бумаг: Аврора скрупулёзно систематизировала записи со своей «Стены Разведки» (которую Эстер успела окрестить «Стеной Помешательства»), а после они вместе переносили данные в цифровой архив. Кас и Калли взяли на себя сканирование материалов. Калли, правда, обещала подойти на занятие, но сейчас, судя по всему, прочно засела перед светящимся монитором, распутывая чьи-то электронные следы.

С мрачной решимостью Аврора полезла вверх по верёвочной лестнице. Перекладины тихо поскрипывали, пока она подтягивалась всё ближе к потолку. Мышцы жгло усталостью, фаланги пальцев сводило от напряжения, но она продолжала карабкаться.

— Может, на сегодня хватит? — донёсся снизу спокойный голос Эстер.

— Секунду, погоди, — отозвалась Аврора, не сбавляя темпа.

Эстер заправила за ухо выбившуюся прядь и с лёгкой укоризной покачала головой.

— Однажды это твоё упрямство тебя погубит.

— Уже губило, — прохрипела Аврора, выдавив короткую усмешку сквозь гримасу боли.

Во взгляде Эстер досада переплеталась с молчаливым признанием её правоты.

Вместо ответа Аврора отпустила опору. Секунда — и тело устремилось вниз, а удар о мат вырвал из лёгких весь воздух. Она мгновенно перекатилась, присела на корточки и по привычке потянулась за спину за катаной.

Пальцы сжали пустоту.

Развернувшись, Аврора наткнулась взглядом на Эстер — та непринуждённо вертела её клинок в руках.

— Сражение — не представление на арене, — сдержанно произнесла Эстер, протягивая оружие обратно. — Незачем самоутверждаться, забираясь выше остальных.

Аврора забрала катану, позволив себе лёгкую усмешку:

— Ты сейчас вылитый Гидеон.

— Я копирую своего парня, — поправила Эстер. — Мы с тобой одинаково беспечно относимся к собственной безопасности, и это доводит их до белого каления.

— Зейн бы в обморок грохнулся от такого заявления, — усмехнулась Аврора.

Убрав катану в ножны, она на мгновение помрачнела.

— Только после всего случившегося… после инсценировки моей гибели и дурацкого воскрешения я по-настоящему поняла, каким ударом это стало для родных.

Она вытащила из сапога пару стилетов и один протянула Эстер. Та без единого слова приняла оружие. Замерев плечом к плечу, обе уставились на мишень, нарисованную в дальнем конце зала.

Аврора пристально следила за хватом подруги. Пальцы легли безупречно, большой палец вытянулся вдоль лезвия — жест отточенной уверенности. Это ничуть не удивляло: Аврора давно знала, насколько та владеет и телом, и сталью.

Тренировочную тишину вспорол весёлый возглас Калли:

— А вот и я!

Она уже переоделась в форму и прямиком направилась к оружейной стене. На привычном месте дожидался её бессменный хлыст — тот самый, с которым Калли не расставалась с двенадцати лет. За эти годы она выучила его наизусть: без запинки отличала любую разновидность, свободно ориентировалась в сортах кожи и резины, могла бесконечно перечислять плюсы каждой модели. Пистолет смотрелся бы в её пальцах инородно — для Калли существовал только хлыст.

— До чего же я по тебе тосковала, — замурлыкала она, оглаживая рукоять с неподдельной нежностью. — Ты моя самая большая любовь!

— Какое трогательное признание! — рассмеялась Аврора. — Предупреди ты о возвращении заранее, я бы точно заревела от радости.

Калли бережно вернула оружие на крепления, метнулась к разложенным коврикам и принялась за разминку. Пластика тела поражала: она без усилий согнулась пополам и сомкнула пальцы на пятках.

— Если честно, я извелась от скуки, — призналась она чуть тише. — Румыния выдалась чудовищно пресной. Вокруг ни единого смазливого лица, с которым можно перебросится хоть парой фраз!

— Кас вроде упоминал, что в том районе на пятьдесят миль — ни души, — откликнулась Аврора. — Место не слишком располагает к развлечениям. Да и прежде ты никогда не жаловалась на штабную тоску.

— Всё верно, — кивнула Калли, уже шагая к стойке с ножами. — Вот только знаешь, по чему я на самом деле изголодалась? По серийным убийствам!

Аврора и Эстер мгновенно расступились, открывая чистую линию до мишени. Калли взяла два клинка, резко выбросила руку — и первый со свистом пролетел мимо, вонзившись в стену с почти вызывающей небрежностью.

— Ну что ж, — протянула она, круто развернувшись и отправив косу за спину, — деревяшка сегодня явно расторопнее меня.

Второй нож она небрежно протянула Эстер:

— Теперь ты.

Эстер свела брови и взяла нож. Она встала на рубеж, сжала рукоять, взвешивая баланс, — и в эту секунду Калли метнула вопрос в пространство:

— А кто такой этот ваш Звёздный преподаватель?

Эстер вздрогнула и впилась в неё взглядом.

— Я слышала, — бодро пояснила Калли, — ещё когда за дверью стояла. Вы шушукались. Кто он? Чем так безупречен? И с какой стати никто не удосужился предупредить меня, что в Штабе завёлся самый обворожительный мужчина на свете?

Аврора, не переставая вертеть ножи в пальцах, издала короткий смешок.

— Это возлюбленный Эстер, Каллиста.

— Какая досада, — скривилась та. — А я уж было собралась в Стамбул.

Эстер, буркнув что-то сквозь зубы, отправила свой нож в мишень, и лезвие вошло почти в яблочко.

Калли вытаращилась и захлопала в ладоши.

— Да ладно тебе, подруга, я же шучу! Не дуйся. Скажи честно, он правда такой идеальный?

— Нет, — отрезала Эстер; стиснутые челюсти яснее слов говорили, что тема закрыта.

Калли вскинула руки, признавая капитуляцию, и бросила на Аврору полный наигранного ужаса взгляд.

— Ясно-понятно. Будем стоять на страже. Пусть только этот Звёздный сюда сунется — проткнём.

— Каллиста у нас мастерица протыкать копьём, — подыграла Аврора с невозмутимым лицом.

— Лучше бы она так же искусно проткнула мою одногруппницу, — мрачно пробурчала Эстер. — Та владеет крав-магой.

— Ладно, piccina, — оживилась Калли, перебросив нож из одной ладони в другую. — Ну-ка, красавицы, давайте, поразите меня. Покажите двойной бросок.

Аврора прищурилась и отступила на шаг, ощущая, как в ладонях перекатываются два ножа. С этим оружием она свыкалась больше года; тысячи повторений превратили глухой перестук металла о дерево в привычную мелодию, способную усмирить любые расшатанные нервы.

Вместо обычного шага влево она качнулась вперёд, ломая привычную траекторию. Плечи отпустило, дыхание выровнялось. Движение получилось плавным и текучим, как у хищной птицы, замершей перед броском.

Ножи сорвались с пальцев, унеслись вперёд с резким свистом, точно два сокола, сорвавшихся с пут, и вонзились в центр мишени один за другим, с хирургической точностью.

Зал окутала короткая тишина.

— Ну-у... — Калли медленно выпустила воздух, взметнув брови. — Теперь я не на шутку опасаюсь за своё рабочее место.

Аврора ответила лёгкой улыбкой, но во взгляде мелькнул тот самый огонёк удовлетворения, что приходит, когда всё складывается не просто удачно, а безупречно.

Лезвие, пущенное Эстер, вошло точно в очертания внутреннего круга и ответило сухим, вибрирующим звоном. Аврора тут же хлопнула в ладоши — коротко и удовлетворённо, — заставив зал вынырнуть из тишины.

— А она мне нравится, — выдохнула Калли, склоняясь к Авроре, будто посвящая её в опасную тайну. В её расширенных зрачках плясал знакомый кошачий азарт.

— Полностью поддерживаю, — откликнулась Аврора с улыбкой. — Я сама к ней привязалась.

Калли на мгновение прихватила нижнюю губу зубами, явно что-то просчитывая, и подмигнула.

— И всё же мне сдаётся, что Звёздный Преподаватель изрядно потрепал ей нервы.

Аврора, не отрывая взгляда от готовящейся ко второму броску Эстер, едва заметно кивнула.

— Там точно случилось что-то. Это читалось.

— Значит, так! — на губах Калли расцвела хищная усмешка, словно план уже был готов. — У меня встречное предложение: устроим ей знакомство с Гидеоном.

Аврора покачнулась, едва не опрокинув плечом оружейную стойку, на которую опиралась.

— Ты серьёзно?!

Калли легкомысленно дёрнула плечом.

— А почему нет? Симпатичная, добрая, явно не из тех, кто оставляет после себя выжженную землю. К тому же Гидеон вечность ни с кем не встречался. И ты прекрасно знаешь причину.

В голове Авроры на пару секунд воцарился сплошной гул — мысли исчезли подчистую, и она только моргала, глядя на подругу.

— Пойми, — увлечённо продолжала Калли, — мы все приложили к этому руку: я, Кас, Джини, Том. Сначала он воспитывал четверых детей, потом появилась ты — и времени на собственную жизнь у него просто не осталось. А мы ещё и старательно отпугивали любую женщину, которая приближалась.

— Ты предлагаешь свести его... с Эстер? — Аврора будто пробовала эту мысль на вес.

— Вот именно! — Калли так и лучилась воодушевлением. — Идеально же, разве нет?

— Исключено, — Аврора мотнула головой резче, чем собиралась. — Так нельзя! Для таких вещей нужно желание с обеих сторон, а её мысли заняты совсем другим.

Калли сощурилась и, не став метать нож, нацелила его в сторону Авроры, словно указку.

— И что же это за «другой»?

— Зейн, — выпалила Аврора, чувствуя, как пульс грохочет прямо под горлом. — Она ведь любит его. Тут и думать нечего.

Второй нож сорвался с пальцев Эстер, с тонким свистом рассёк воздух и глубоко ушёл в мишень. Дерево откликнулось приглушённым стоном, с трудом принимая в себя сталь.

— Смотри, — Аврора кивнула на мишень с интонацией человека, предъявившего решающий довод. — Она сама не своя. И причина тому — он. Это у неё на лице крупными буквами написано.

— Но он же сделал ей больно!

— С чего такие выводы, Калли? — вскинулась Аврора. — Может, между ними просто случилась какая-то нестыковка, вот Эстер и клокочет. Я не сомневаюсь — там огромная любовь, самое настоящее чувство!

Калли выгнула бровь с откровенным скепсисом, но уже в следующий миг звучно хлопнула в ладоши, и гулкое эхо заметалось между стен.

— Потрясающе! Вот за что я обожаю любовные истории! — она одарила Аврору ликующим взглядом. — Но если передумаешь…

— Нет, — Аврора оборвала её без колебаний. — Этот вариант не рассматривается.

— До чего же ты упрямая, — с мягкой улыбкой выдохнула Калли. — Ладно, мне пора выручать Каса. Если тут вдруг закрутится какая-нибудь эпическая драма — немедленно зови, без стеснения!

Аврора замерла в центре зала с ощущением, будто ей только что прилетело по голове чем-то увесистым. Она провожала взглядом Калли: та, легкомысленно насвистывая, пристроила хлыст на место и двинулась в сторону библиотеки. Шаги и приглушённый смех постепенно истаяли в коридорной глубине, а Аврора так и стояла, чувствуя, как пол под ногами превращается в зыбкую поверхность.

— О чём вы тут так увлечённо шушукались? — раздался голос прямо за плечом, совсем близко.

Аврора вздрогнула всем телом — сердце кувыркнулось и провалилось куда-то в желудок. Эстер стояла совсем рядом, прижимая руку к груди, точно пытаясь унять собственное дыхание. В её расширенных зрачках смешались любопытство и тревожное предчувствие.

— У тебя лицо такое, будто ты призрака увидела, — заметила Эстер.

Аврора приоткрыла рот, силясь вытолкнуть хоть слово, но все они застряли где-то на полпути. И тут снизу, из холла, ворвался резкий скрип распахнутой двери, за ним — глухой гул и тяжёлые шаги, стремительно переходящие в бег.

— Что за… — Аврора не закончила фразы. Она метнулась к выходу, невольно задев плечом Эстер. Та осталась стоять, ошеломлённая, а Аврора уже неслась вниз по лестнице.

[1] Beni rahatsız etmeyi bırak, uyandım! - Перестань меня беспокоить, я проснулась.

Глава 5. Когда придет мой смертный час.

Громкий удар сотряс входную дверь штаба, и его отголоски заметались под потолком пустого холла.

— Да иду я! — рявкнул откуда-то сбоку Гидеон.

Он вылетел из узкого коридора, на ходу просовывая руки в рукава худи; капюшон упрямо съезжал назад, заставляя его шипеть сквозь зубы проклятия. Весь его всклокоченный вид не оставлял сомнений: минуту назад его без церемоний вытолкали прочь. Кас и Калли недвусмысленно заявили, что он отвлекал их от дела, и захлопнули дверь перед его носом. Теперь Гидеон скитался по коридорам Штаба, чувствуя себя неприкаянным.

Втайне этот резкий стук его почти радовал — какая-никакая встряска, спасавшая от липкой трясины навязчивых мыслей, которые в последние дни тянули из него силы. И всё же под рёбрами крепла холодная уверенность, что предстоящая беседа не принесёт ничего утешительного.

Он без лишних церемоний дёрнул за ручку и приоткрыл тяжёлую створку.

На пороге неподвижно стояла высокая фигура. Волосы цвета выгоревшего на солнце льна мягкими прядями легли вдоль лица, подчёркивая белизну кожи. Чёрные брюки облегали бёдра с той безупречной точностью, какая бывает только у вещей, сшитых на заказ. Рубашка была распахнута ровно настолько, чтобы это выглядело нарочитым вызовом, — чуть ниже груди. На плечах небрежно болталась кожаная куртка.

— Прямо хоть шест ставь, — без тени улыбки заметил Гидеон. Глазом не моргнул.

Маттео Галло, маг Флорентийского Ордена и оракул Судьи, позволил себе лишь едва заметно изогнуть бровь. Его взгляд оставался ленивым, почти сонным, но уголки губ тронула тень усмешки.

Когда-то Гидеон в его присутствии превращался в оробевшего мальчишку: язык деревенел, ладони противно потели. Непреклонный авторитет Маттео давил, вызывая почтительный трепет. Но визиты оракула давно стали обыденностью, и священный трепет сошёл на нет, уступив место едкой иронии.

В Ордене за глаза его считали эксцентричным учёным — человеком, способным пропустить собственное торжество, но без запинки воспроизводившим хронику любой казни двухвековой давности. Времени на запоминание ему хватило с лихвой: потомкам Ифритов, к которым принадлежал Маттео, было даровано бессмертие. Годы обтекали их, точно вода — камень, и сама смерть словно не решалась приблизиться.

Внешность обманчиво говорила о возрасте не старше тридцати. Однако, если доверять его же словам, он родился в тысяча семьсот шестьдесят девятом году. Гидеон гнал от себя любые образы того, как именно познакомились его родители. Те немногие наполовину магиифриты наполовину нечисть, с которыми ему доводилось сталкиваться, внушали лишь отвращение своей уродливостью. Маттео же… явно выпадал из этого мрачного ряда.

Буйный нрав и бескомпромиссные взгляды своего племени оракул явно не унаследовал. Он стоял особняком — и даже его отточенный итальянский оттенял лёгкий английский акцент, который Гидеон всякий раз безошибочно считывал.

Теперь этот человек застыл в дверном проёме — бледный, ослепительно эффектный, излучавший веселье и одетый до неприличия вольно.

— В следующий раз предупреди, чтобы присылали кого-нибудь… в комплекте с рубашкой, — Гидеон небрежно привалился плечом к косяку и скользнул по гостю оценивающим взглядом. — Соседи начнут судачить, что я выписал танцора из ночного клуба.

Маттео на мгновение замер, после чего опустил взгляд, изучая собственный костюм: распахнутые полы рубашки и впрямь красноречиво намекали на крайнюю спешку.

— Прошу прощения, — произнёс он с несвойственной ему ноткой смущения. — Вылетал в такой суматохе, что совсем забыл застегнуться.

Не успев шагнуть и двух шагов, он потерял равновесие и с грохотом рухнул на плитку, подняв гулкое эхо. Светлые пряди разметались по холодному камню, и на долю секунды в холле повисла звенящая тишина.

— Это какой-то свежий элемент твоего пророческого представления? — Гидеон предусмотрительно шагнул назад, придавая голосу максимум иронии. — Или ты задумал доконать нас смехом, чтобы не возиться с апокалипсисом?

Маттео опёрся на локти, во взгляде мелькнуло оскорблённое достоинство.

— Похоже, я умудрился завязать собственные шнурки морским узлом, — буркнул он, мрачно изучая обувь. Чёрные кожаные завязки действительно сплелись в замысловатый узор, отдалённо смахивающий на какой-то оккультный символ.

Гидеон из последних сил сдерживал усмешку. Среди его знакомых давно существовало негласное деление на тех, кому он лжёт, и тех, над кем потешается, — а иногда оба списка пересекались.

С лестницы внезапно донёсся стремительный перестук шагов. Аврора спускалась вниз — подтянутая, с влажными волосами, собранными в небрежный хвост. Спортивный топ и обтягивающие лосины подчёркивали напряжённые мышцы, а кожа чуть поблёскивала после изнурительной тренировки. Заметив открывшуюся мизансцену, она на мгновение сбавила темп, но почти сразу расслабилась.

— Привет, Маттео, — ровным тоном произнесла она, застыв у последней ступени. — С какой целью ты растянулся на полу?

— Сам себе организовал путы из шнурков, — сообщил он.

Аврора без лишних движений обошла его, наклонилась и извлекла катану. Короткая вспышка лезвия — и узел распался надвое, обрывки шнурков упали на плитку.

— Вставай, теперь ничто не держит, — бесстрастно бросила она.

Маттео неторопливо поднялся, попутно застёгивая пуговицы на рубашке, и задержал взгляд на девушке.

— Она может быть опасна, — заметил он. — Впрочем, иного от женщин ждать не приходится.

— Опасными бывают все, независимо от пола, — вставил Гидеон, растягивая губы в кривой усмешке. — Но вряд ли ты проделал весь этот путь ради философского диспута о коварстве слабого пола. Говори прямо, Маттео: зачем пожаловал?

Оракул выпрямился, отряхнул ладони и, не разрывая пристального контакта с Гидеоном, произнёс:

— Я привёз лекарства для Давида.

Глухой толчок в груди — и сердце Гидеона грохнуло так, что звон разлился в висках. Он сморгнул, заставляя лицо окаменеть. Аврора рядом с ним сдвинула брови и чуть наклонила голову; беспокойство в её голосе пробилось мгновенно:

— Он болен? Что с ним случилось?

Когда-то Давид вытащил одиннадцатилетнего Гидеона из Англии и стал тем единственным человеком, который заменил ему отца. Он уже готовился уехать, но Меланта предложила ему место в Совете — и он передумал.

Гидеон втянул воздух, пытаясь унять гул в ушах.

— Давид ни разу не обмолвился о проблемах… — тихо выдохнул он, с опозданием понимая, что сама мысль о болезни Давида просто не укладывалась в голове. Давид всегда стоял скалой — такой же несокрушимой, как стены Штаба.

Маттео выпрямился, подбирая слова, и произнёс:

— Любой монолит со временем идёт трещинами.

Он полез в карманы и вдруг замер на полпути. Гидеон мгновенно расшифровал эту заминку: Оракул сболтнул лишнее. Про себя он осыпал Маттео градом проклятий, в который раз подивившись его безмятежно-рассеянной физиономии.

— Давид ещё вчера вечером жаловался, что погода его выматывает, — спокойно проговорил Гидеон, сглаживая чужую неосторожность. — Старая история. Хроническая болезнь, требующая постоянной лекарственной поддержки. Сейчас он просто истощён.

— Знала бы я — перетрясла бы всё Меркато, — тихо отозвалась Аврора, опускаясь на нижнюю ступень. Она вытянула ноги вперёд по-детски непосредственно и на секунду стала удивительно беззащитной. — Но, конечно, Гидеону как врачу виднее.

— Жгучий перец и драконья кровь, — вставил Маттео, наконец выуживая из кармана крохотный пузырёк. Он протянул его Гидеону с таким видом, словно сам не вполне понимал, зачем таскал это при себе. — Приведёт его в чувство.

Аврора усмехнулась:

— От такой смеси и покойник встанет.

— Поднимать мёртвых — подсудное дело, Аврора Саммерсет, — мгновенно осадил её Маттео, выгнув бровь.

— Она пошутила, — торопливо произнёс Гидеон, забирая пузырёк. Ледяной, буравящий взгляд упёрся в Маттео с такой силой, что тот осёкся и умолк.

Аврора подалась вперёд, вглядываясь Гидеону в лицо с напряжённым вниманием.

— Гидеон, когда именно ты успел рассказать Маттео о нездоровье дяди? Вчера ты и словом не обмолвился при мне.

Он мысленно возблагодарил случай за то, что стоял к ней полубоком — бледность, мгновенно залившая скулы, осталась незамеченной.

— «Лисья пицца», — вдруг выронил Маттео.

— В каком смысле? — Аврора вскинула голову, сбитая с толку.

— Новый японский ресторанчик у Старицки, — с невозмутимостью продолжил он, точно обсуждал прогноз погоды. — Хвалят их пиццу, да и доставка расторопная.

— А состав их соуса тебя совсем не тревожит? — с наигранным ужасом поинтересовалась она и тут же оживилась, хлопнув ладонью по колену: — Ах, Маттео, кстати! У меня есть кое-что любопытное — взглянешь?

— Опять бородавка? — осведомился он с совершенно серьёзной миной. — Лечение устрою, но за отдельную плату.

— Да погоди ты! — Аврора выудила из кармана телефон, быстро пролистнула экран и протянула ему. — Вот. Труп, обнаруженный Гидеоном на охоте. Видишь белёсые разводы? Здесь и ещё тут.

— Очень любезно с твоей стороны, — поморщился Маттео. — Могла бы сперва предупредить, что собираешься демонстрировать мертвеца. — Однако сам уже подался ближе, вглядываясь в снимок. — А во-вторых… очень похоже на обломки ритуального круга. Кто-то выставил себе защиту, пока разделывал бедолагу.

— Его ещё и обожгли, — добавила Аврора и, нахмурившись, проговорила тише: — Перед тем, как утопили.

Гидеон мгновенно уловил, как дрогнул её голос. Она отвернулась, но он и без того знал: каждое упоминание воды раздирало ей душу. Аврора могла заходить в море, напуская на себя бесстрашие, однако кожа всё равно предательски серела, а по телу прокатывалась едва заметная дрожь. Это зрелище зажигало внутри него глухую, обжигающую ненависть — ненависть к тому, как его несокрушимая Аврора рассыпалась под натиском древнего безымянного ужаса. В такие секунды просыпалось одно лишь желание: крушить, ломать, обращать в пыль всё, что могло бы сделать ей больно. И вместе с тем он ясно понимал: Аврора способна защитить себя сама. Она была храбрее всех, кого он когда-либо встречал.

Гидеон встряхнул головой, сбрасывая с себя липкий налёт посторонних мыслей, и заставил себя вернуться к происходящему.

— Перекинь мне эти фото, — велел Маттео, убирая телефон в карман. — Изучу на досуге и дам знать, что найду.

Сверху вдруг разнёсся звонкий возглас Калли. Она уже сменила тренировочную форму на джинсы и яркий свитер и теперь перегнулась через перила лестницы:

— Кас нарыл что-то важное по делу об убийствах!

Маттео вскинул бровь, явно не понимая, о чём речь.

— Он залез в компьютер, — с напускной многозначительностью пояснила Калли. — Ну, в тот самый, которого у нас, строго говоря, быть не должно. — Спохватившись, она приветливо махнула рукой и добавила: — Привет, Маттео. Давайте наверх, там всё куда интереснее.

Поднявшись со ступеньки, Аврора вперила в Маттео требовательный взгляд, всем своим видом давая понять, что ждала от него утвердительного ответа.

— Маттео, ты ведь останешься? Твоя поддержка сейчас была бы бесценна.

— Ответ зависел от того, обладал ли ваш нелегальный компьютер функцией кинопоказа, — отозвался Маттео, не позволив себе даже намёка на улыбку.

— Думаю, видео он проигрывает без труда, — вставил Гидеон и тут же пожалел об этом.

Редкая довольная усмешка тронула губы Маттео:

— В таком случае ставим «Дневник памяти».

Аврора хмыкнула:

— Поставим хоть «Титаник», если ты согласишься помогать. — Она перенесла внимание на Гидеона: — А заодно разберёмся с находками Каса. Ты идёшь?

Гидеон про себя выругался. Тяга Маттео к слезливым мелодрамам вечно оборачивалась пыткой. Больше всего на свете ему хотелось незаметно скользнуть к себе, засесть за стол и провести остаток вечера за карандашом и тушью. Однако Касу явно требовались дополнительные руки, а пускать Маттео в свободное плавание по Штабу было бы верхом безрассудства.

— Я могу организовать что-нибудь перекусить, — с воодушевлением предложила Аврора, явно намереваясь подсластить предстоящее мероприятие. — Калли напомнила мне про нашу давнюю традицию: старенький телевизор на ведьмином огне, мерцающий экран, миска попкорна — это мы когда-то завели вместе с Гидеоном.

Гидеон еле заметно мотнул головой, отмахиваясь от предложения:

— Я не голоден.

Ему почудился едва слышный выдох Авроры — тихий, оборванный звук, растаявший в воздухе раньше, чем он успел придать ему значение. Она стремительно зашагала наверх за Калли; тёмные волосы на секунду поймали золотистую искру.

Гидеон медлил, не спеша двигаться за остальными. Он уже изобразил шаг вперёд, но внезапно чужая твёрдая ладонь легла ему на плечо. Маттео, по своей неизменной привычке, возник беззвучно и именно там, где его появления ждали меньше всего.

— Состояние ухудшилось, верно? — негромко уронил он.

Гидеон моргнул, на мгновение потеряв нить разговора.

— Ты про Давида? — переспросил он, цепляясь за эту спасительную мысль. — Вряд ли.

Маттео мотнул головой, отметая версию.

— Я не о нём. — Его глаза, отливающие аметистовым блеском, буравили Гидеона. — Я о тебе. Она знает?

Вопрос пришёлся точно под рёбра. Сердце сжалось, будто его стиснули невидимые пальцы, и Гидеон с усилием вытолкнул ответ.

— О чём именно? — голос прозвучал сухо, хотя внутри всё скрутило ледяным сквозняком.

— Перестань валять дурака, — без нажима, но с железным спокойствием произнёс Маттео. — Аврора. Она в курсе о твоих чувствах?

Между ними начало сгущаться безмолвие, тяжёлое и плотное, как предгрозовое небо. Гидеона захлестнуло волной: дыхание сбилось, ноги утратили уверенность, а мир слегка покачнулся. Хотелось стряхнуть с себя эти слова, сделать вид, что смысл их не достиг цели, — но вышло лишь беспомощно замереть.

— Хватит, — выдавил он наконец скованным голосом.

Маттео лишь пожал плечами.

— Увы, не могу, — сообщил он с почти жизнерадостной интонацией. — Счастливые финалы — моя слабость.

Гидеон сжал челюсти. Сквозь вскипавшую злость пробилась колкая усмешка:

— Это не любовный роман, Маттео.

— Ты заблуждаешься, — Оракул чуть наклонил голову, и по его лицу скользнула почти нежная улыбка. — Всякая история — это история любви. В том числе и трагическая.

Гидеон направился к лестничной площадке, пытаясь выровнять сбившееся дыхание, но внутри всё грохотало так, что собственный пульс барабанным боем отдавался в стенах дома. Снизу, запрокинув лицо, на него уже смотрел Маттео. Тени обрисовали скулы, а в глазах зажёгся фанатичный огонёк.

— Плевать я хотел на любые догмы, Гидеон, — сказал он тихо. — Нет ничего выше любви. И никакой закон над ней не властен.

Гидеон уже отворачивался, когда Маттео как бы невзначай, лениво обронил:

— Давай я слегка подтолкну её память? Хочешь?

Смысл сказанного догнал Гидеона не сразу — слова повисли в воздухе со свойственной Оракулу двойственностью. Но стоило ему перехватить этот блеск в глазах Маттео, острый и тревожный, от которого по коже всегда пробегал мороз, — внутри всё сжалось в тугой узел.

— Не вздумай, — прорычал он низким, почти утробным голосом. — Даже близко к ней не подходи со своими фокусами.

Разумеется, Маттео и бровью не повёл. Он спокойно двинулся к лестнице, словно Гидеон перестал существовать, и через плечо с ленивой насмешкой кинул:

— Расслабься, приятель.

***

— Что я вам говорила! — Аврора торжествующе выдохнула, поёрзала, устраиваясь поудобнее, и закинула сцепленные пальцы за голову. — Парень по уши влюблён.

Эстер хмурилась так, будто пыталась сложить разбегающиеся куски сюжета, но кадры упрямо не желали срастаться. Кас стянул с головы наушники — за весь сеанс он их так и не включил — и откинулся, смежив веки; пойди пойми — то ли и вправду задумался, то ли просто изображал глубокую мысль. Джини и Калли сидели по бокам от Маттео и едва касались его плеч — осторожно, почти невесомо, словно хотели оградить парня от его же собственных чувств.

Маттео действительно плакал. Он смотрел, не отрываясь, на экран, где герой нёсся сквозь плотный поток автомобилей.

— Любовь — это же чудо, — произнёс он.

Гидеон разлёгся на диване, завалившись корпусом на спинку и закинув руку за голову. Экранный свет дробился по его лицу подвижными пятнами — тени, контуры, веснушки жили своей жизнью, меняясь от кадра к кадру.

— Какая там любовь, — отозвался он. — Всего лишь кино.

В его голосе угадывалась не только дежурная насмешка, но и нечто упрямое, глубинное — неготовность подпустить к себе чужую историю. Сквозь интонацию пробивалась ироничная,

почти скучающая усталость, точно он спорил вовсе не с Маттео, а с самой идеей «великой романтики».

Впрочем, Маттео то ли не расслышал этого оттенка, то ли сознательно его проигнорировал.

— Я же вернулся во Флоренцию ради своей любви, — продолжил он, и голос его смягчился, напитавшись грустью. — Любое великое кино — про неё. Она исчезает, и её находят вновь. Её разрушают и строят заново. Ею торгуют. Она гибнет — и всё равно возрождается.

В комнате на пару секунд повисло молчание — короткое, но весомое. Маттео глубоко вдохнул, и вокруг снова сгустилась тишина.

— Кино… Оно обязано говорить о чём-то настоящем, — добавил он тише. — А что сейчас? Грохот взрывов, цунами спецэффектов, бесконечные погони… Всё это только блестящая упаковка, пустая мишура. А сегодня я увидел иное. Дым от зажжённой сигареты обволакивает женщину и превращает её в неземное создание. Пламя играет на её лице, проявляя что-то… за гранью.

Он провёл ладонью по щекам, только сильнее размазывая влагу.

— Я, собственно, ради одного сюда и шёл — вспомнить, как выглядит любовь, когда она настоящая, — закончил он наконец.

Калли чуть наклонила голову, пристально разглядывая Маттео.

— А вдруг любовь — это вообще что-то иное? — негромко спросила она. — Вдруг она устроена совсем не так, как мы себе придумали?

— Тогда она ещё прекраснее, — отозвался Маттео и до хруста стиснул кулаки.

Гидеон опустил веки, и по его лицу скользнула тень утомления.

— Ох, Маттео… — протяжно всхлипнула Джини с таким надрывным драматизмом, будто ей только что разбили сердце. Слёзы, блеснув, потекли вниз. Калли без лишних слов протянула ей салфетку с логотипом пиццерии. — Скажи на милость, почему у тебя до сих пор нет парня?

— Да натурал я! — искренне опешил Маттео, и кусок пиццы шлёпнулся обратно в коробку.

— И что? — Джини распрямилась, точно перед оглашением манифеста. — Тогда где твоя девушка? Тебе немедленно нужна пара. Может, даже вампирша! Представь только: она вечна, а ты… ну, разделишь с ней какой-то отрезок времени. По-моему, жутко романтично.

Маттео скривился, но ничего не сказал.

Калли перехватила её горящий взгляд и устало выдохнула:

— Джини, оставь личную жизнь Маттео в покое.

Маттео откинулся на спинку дивана и кивком показал на экран, где двое целовались с такой самозабвенной жадностью, будто всё вокруг перестало существовать.

— Найти настоящую любовь… это та ещё задача, — пробормотал он.

Гидеон лениво развалился в кресле:

— Любовь киношного разлива — почти утопия. В реальной жизни такого не встретишь.

Эстер мгновенно вскипела:

— Что за мрачные фантазии? Ты намекаешь, что настоящей любви не бывает? Да ни за что! Я отказываюсь в это верить.

Гидеон стал серьёзным, подался вперёд, и экранный свет высек жёсткие линии его лица.

— Любовь — это не просто довезти кого-то до аэропорта. Это стоять и смотреть, как самолёт отрывается от земли, даже если сердце трещит по швам. Провожать, несмотря ни на что. В этом всё.

Кас убавил звук в наушниках; даже на минимуме оттуда всё равно пробивались агрессивные гитарные риффы.

— А у тебя есть тот, кого ты хотел бы так провожать? — осторожно спросил он.

Гидеон поднялся и выхватил пульт у него из рук. По тёмному экрану уже плыли финальные титры — элегантные белые строки, возвещавшие, что фильм окончен.

— Когда чувствуешь настоящую любовь, — заговорил он, рассеянно вертя пульт в пальцах, — ты будто исчезаешь в другом человеке. Ощущаешь его всюду: в каждом собственном вдохе, в каждом глотке воды. Порой кажется — он впитался в тебя глубже, чем вообще возможно, просочился под кожу, прямо в кровь. Прикосновение жжёт, а его голос становится единственной музыкой, которую хочется слушать без остановки.

Он говорил медленно, не замечая, что все вокруг замерли и слушают, затаив дыхание.

— Ты запоминаешь всё, что у него в голове, каждое сказанное им слово. Его тревоги ранят тебя, а радость согревает изнутри, точно твоя собственная. И ты не будешь смотреть на него сквозь розовые очки. Наоборот — ты разглядишь все его трещины, все тёмные закоулки души, даже те, о которых он сам боится себе признаться. Но тебя это не оттолкнёт. Лишь сделает вас ближе. Ты захочешь видеть эти несовершенства снова и снова, потому что в них — вся его правда… Ты захочешь…

Он резко осёкся, словно споткнулся о собственную мысль. Комнату заполнила густая, напряжённая тишина. Все взгляды прилипли к нему.

Джини рванулась вперёд, её глаза стали огромными от любопытства:

— Чего же ты захочешь?

Гидеон ухмыльнулся, откинулся на спинку и коротко бросил:

— Забудьте. Я просто увлёкся.

Он встал, сгрёб опустевшие коробки из-под пиццы и, стараясь ни с кем не встречаться глазами, двинулся к выходу.

— Вынесу это.

Дверь бесшумно закрылась.

Джини смотрела ему вслед, и в голосе её звучала задумчивость:

— Однажды он влюбится… и это будет что-то запредельное.

Калли скрестила руки и вздохнула:

— Скорее всего, мы его после этого просто не увидим. Вот уж кому достанется счастливый билет — той, кого он выберет.

Кас удивлённо вскинул брови и сощурился:

— Ты сейчас не шутишь? Думаешь, он исчезнет из нашей жизни полностью?

Аврора даже не задумалась:

— Полностью и бесповоротно.

Кас качнул головой, и в этом движении было куда больше недоверия, чем согласия.

С ранних лет его выводили из себя все эти языковые трюки — диковинные обороты, которые никто не принимал всерьёз, а он разбирал их дословно, как головоломку, изматывая себе мозг. Скажут «льёт как из ведра» — и он тут же начнёт искать в небе роковое ведро. А выражение «дождь из кошек и собак» и вовсе запускало приступ тревоги: перед глазами мгновенно возникала картина падающих с неба животных, которых нужно немедленно спасать.

Гидеон однажды заметил, как Кас застыл с совершенно потерянным лицом, и сунул ему стопку смешных иллюстраций. На одной — с небес, будто астероиды, рушились огромные коты и псы, а внизу крохотные люди в панике шарахались в стороны. На другой — несчастный тип в буквальном смысле выпрыгивал из собственных носков. «Держи, — объявил Гидеон. — Коллекция идиоматических катастроф. Сам выбирай, какой конец света тебе больше по душе». Кас хохотал до рези в животе и на какое-то время почти забыл, как сильно его бесят такие штуки.

Потом началась охота: он пропадал в библиотеке, жадно выуживая всё новые фразеологизмы. Ему доставляло странное удовольствие разбирать их по винтикам, находить логику

внутри бессмыслицы. От помощи он не отказывался, но куда свободнее дышал, погружаясь в этот причудливый лабиринт словесных загадок в одиночестве.

Годы только отточили его перфекционизм. Теперь, если фраза ускользала от полного понимания хотя бы на десятую часть, в нём разрасталась паника — словно он шагал по мосткам, между которыми зияли провалы, и каждая доска норовила уйти из-под ног.

Калли всё это знала без слов. Она бесшумно приблизилась к брату и обвила его руками. Просто опустила подбородок на его плечо и мягко замерла. Кас прикрыл глаза. Прикосновения всегда давались ему легче любой речи. Он походил на старого домашнего кота: от ласковых поглаживаний начинал невольно мурлыкать, но стоило кому-то попытаться схватить его или стиснуть — мгновенно ощетинивался.

Комнату пронзила резкая вспышка. Эстер, молчаливая и ушедшая в себя, активировала хризалис — ледяное свечение мгновенно разогнало уютный полумрак, и в ослепительном ореоле на пороге вырос Гидеон.

— Время уже за полночь, — бросил он, скользнув взглядом по собравшимся. — Пора всем ложиться. А тебе, Том, в особенности.

— Терпеть не могу спать, — пробормотал Том, прижимая к груди игрушечного клоуна в блестящем фиолетово-клетчатом костюме и устраиваясь у Маттео на коленях.

— Чистейший мятежный дух, — сухо хмыкнул Гидеон. — Маттео, спасибо. Когда-нибудь твои педагогические таланты нам ещё пригодятся.

Маттео со вздохом бережно пересадил Тома. Крошки от пиццы посыпались с его джинсов. Отряхнувшись, он взял куртку и зашагал к выходу. Аврора пошла за ним, а Гидеон двинулся следом, держа небольшую дистанцию — точно рассчитывал незаметно дирижировать их беседой.

— Ты всегда можешь меня отыскать, — произнёс Маттео, застёгиваясь. — Я собирался завтра обсудить с Мелантой…

— Меланта ни о чём не должна знать, — оборвала Аврора; её голос прозвучал негромко, но без малейшей уступки.

Маттео замер на полушаге, и брови его сошлись к переносице:

— Не должна знать — о чём?

— О нашем расследовании, — перехватил Гидеон без тени колебания. Казалось, он нарочно вырвал нить разговора, оттеснив Аврору до роли безмолвного свидетеля. — Меланта стоит на своём: нам туда лучше не соваться. С её точки зрения, игра чересчур опасна. Она верит, что те, другие, справятся без нас.

— То есть мы, по её мнению, не справились бы? — Маттео вскинул брови и покосился на Аврору, надеясь на поддержку.

Гидеон прищурился и слегка наклонил голову:

— Выразимся деликатнее: наше желание влезть туда, куда нас не звали, едва ли вызовет у неё восторг.

По лицу Маттео промелькнуло недовольство — быстро, как тень облака, накрывшая солнце. Пальцы сжались, и он загнал руки в карманы.

— Сообщили бы мне сразу, — голос прозвучал напряжённо, но он явно сдерживался. — Я не любитель темнить перед Мелантой. Тем более в таком деле.

— Прости, — отозвался Гидеон почти ласково. Лицо его хранило безупречное спокойствие: изображая лёгкую виноватую улыбку, он чуть наклонил голову — и всё вместе выглядело до жути правдоподобно. Аврора невольно залюбовалась этой игрой — и тут же поймала себя на внутренней дрожи. Когда требовалось, Гидеон умел врать безукоризненно. За его ровной маской не проступало ни намёка на подлинные эмоции.

— Так или иначе, — продолжил он, возвращая себе прежнюю хватку, — нам потребуется поддержка Ордена. И Триумвират тоже понадобится.

Маттео изучил их обоих долгим взглядом — тяжёлым, но без агрессии, скорее оценивающим. Аврора почувствовала, как мышцы свело от напряжения. Она изо всех сил пыталась натянуть на лицо ту же непроницаемую маску, которую носил Гидеон, и спрятать за ней собственное беспокойство.

— Допустим, — наконец кивнул Маттео. — Но завтра вы всё выкладываете Мел. — Губы его сжались в нитку. — Я понимаю ход ваших мыслей, однако она обязана знать.

Лампа за его спиной высеребрила волосы, и в этот миг он напоминал персонажа старинного полотна — строгого, словно пришедшего из другого мира.

— Есть один существенный момент, о котором я раньше умолчал, — заговорил Маттео, понизив голос.

Аврора почти непроизвольно подалась вперёд, всем телом выражая внимание.

— Те метки, что ты отыскал, Гидеон… — он выдержал короткую паузу, точно взвешивал слова. — Они не имеют никакого касательства к защитной магии.

— Но ты же говорил совсем другое! — выпалила Ро, не успев прикусить язык.

— Я свои выводы перепроверил, — остановил он её — без напора, но жёстко. — При более тонком разборе выяснилось: никакие это не защитные санкты. Это знаки призыва.

Воздух в комнате сгустился мгновенно. Даже уличный гул за окном будто отступил на задний план, растворился в звенящей, натянутой до предела тишине.

Тишину разорвал голос Гидеона — в нём прорезалась тонкая, почти неуловимая вибрация:

— И кого именно призывают?

Маттео медленно качнул головой, не давая однозначного ответа.

— Здесь я могу лишь строить догадки. Может, демона. Или ангела. Кого-то, кому в этом месте категорически не место. Для обряда задействовали энергию мёртвых — это точно. Я ещё раз подниму снимки и выйду на связь с Орденом. Но… — он выдержал короткую, нагруженную смыслом паузу, — это будет неофициальный запрос.

Гидеон неторопливо сплёл руки на груди и склонил голову; в его зрачках блеснула ироничная искра, хотя тон держался ровно, без перепадов:

— Стало быть, неофициально. Чудесно. Обожаю эти игры в секреты и многозначительные умолчания.

Аврора метнула в него предостерегающий взгляд, но губы против воли разъехались в слабой улыбке — едкий сарказм на пару секунд ослабил давящую духоту.

— Если перед нами правда ритуал призыва, — тихо выговорила она, — он мог уже сработать?

Маттео перевёл на неё серьёзный, без тени усмешки, взгляд.

— Чары такого охвата… — он на мгновение умолк, точно калибруя каждую фразу. — При успешном исходе это немедленно резануло бы глаза каждому. Город бы сейчас выглядел абсолютно другим.

***

Гидеону Эшвуду было четырнадцать, когда он собственными руками оборвал жизнь отца.

Со стороны эта история походила на мрачную легенду из тех, что принято пересказывать шёпотом глубокой ночью, но для самого Гидеона она была грубой, липкой реальностью — неотвязной, намертво въевшейся в нутро тенью, которую не в силах развеять даже самый яркий полуденный свет.

Разумеется, контекст того кошмарного случая хотя бы отчасти объяснял его действия. Тот, кто стоял перед ним в ту ночь, давно перестал быть отцом из обрывочных детских воспоминаний: там остались запах вина в библиотеке, тяжёлая отцовская ладонь на плече, редкие секунды, когда во взгляде ещё проскальзывало что-то тёплое. От прежнего Натаниэля уцелела

только внешность — да и та была искорёжена чужой волей, словно неведомая тварь натянула маску родного человека.

И всё равно это было лицо его отца.

Той жуткой ночью кошмары проломили барьер сна и хлынули в явь, стерев границу между бредом и действительностью. Гидеона выдернул из забытья его собственный крик, а следом — грохот ломаемой мебели и шорох шагов в коридоре. Существо, переступившее порог его комнаты, выглядело как Натаниэль Эшвуд и одновременно было кем-то совершенно чуждым. Кожа отца стремительно менялась, утрачивая человеческую природу: под ней проступали тонкие линии, похожие на кварцевые прожилки, точно камень прорастал изнутри. Узоры расползались, превращаясь в ломкие, острые кристаллические шипы, что набухали, трескались и переливались в слабом огоньке свечи, затягивая ключицы, грудь, скулы. Лицо деформировалось неостановимо: подбородок заострялся, рот расширялся в зверином оскале, а на кожу наползали серые чешуйчатые пятна. Глаза, которые Гидеон знал до мелочей, утонули в мертвенном свечении и стали пустыми светящимися прорезями. Плечи выгнулись немыслимо, руки вытянулись, пальцы оканчивались когтями — острыми, как стеклянные осколки. Когда существо заговорило, голос его раздвоился: в нём ещё угадывались отцовские ноты, но сверху давил низкий звериный рык, от которого вздрагивали стены.

Сознание Гидеона не включилось — пальцы сами сомкнулись на рукояти. Клинок был массивным, чудовищно громоздким для подростка. Мальчик так и не понял, откуда взялось оружие: то ли валялось у кровати, то ли материализовалось прямо в ладони.

А затем всё схлопнулось в одно мгновение: замах, утробный предсмертный хрип, резкий запах металла и крови, который навсегда врезался в память.

Взгляд Гидеона замер на неподвижном теле. Отцовские черты ещё проступали — знакомый контур лица, пальцы, застывшие в неестественной судороге. Но в свои четырнадцать он уже понимал: прежнего Натаниэля не вернуть. И всё равно внутри что-то треснуло окончательно и бесповоротно.

Когда дядя узнал о случившемся, он сказал: *«На тебе проклятие. Тот, кто отнимает жизнь у родного отца, навлекает на себя гнев богов».* Какая разница, что отец стал монстром. Какая разница, что другого выбора просто не оставалось.

Дядя разбирался во многих вещах, включая природу проклятий и способы с ними бороться.

С того дня кровь преследовала Гидеона постоянно. Руки то и дело сжимали оружие, а последние выдохи врагов раздавались в его ушах куда чаще, чем допустимо для мальчишки его возраста.

И всё же, оставаясь один, он возвращался мыслями не к сражениям и не к вражеским ранам, а только к одному: к собственной ладони с клинком, к глазам Натаниэля и к глухой тишине, что наступила следом. В такие мгновения он вновь и вновь понимал: его жизнь родилась из крови. И, вероятно, кровью однажды завершится.

Глава 6. Мы чемпионы, мой друг?

Страх никогда не вариант,
поэтому смерть - не настоящая фобия.
Dynasties and Dystopia.

Он сидел прямо напротив и с откровенным наслаждением уничтожал выпечку — ту самую, что служанка поставила для Авроры.

— Ты законченный хам, — роняет она, не поднимая глаз от книги.

— Разумеется, — отзывается Маттео с набитым ртом и широкой улыбкой. — Повтори это чуть позже, когда я доем всё до последней крошки.

Аврора мысленно перебирает, что бы запустить ему в голову. Фолиант не годится — Маттео от чтения тошнит даже больше, чем от скуки. Тяжёлый резной стул с бархатной обивкой она пыталась приподнять на прошлой неделе — тот не шелохнулся, будто намертво врос ножками в каменный пол. В ответ на каждую её словесную атаку Маттео лишь скалится в наглой ухмылке и невозмутимо приканчивает её яичницу, жареные томаты и хрустящую выпечку. Сама Аврора так и не притронулась к вилке: всё внутри до сих пор сжимается после утренней гонки с Исайей.

Тот, как обычно, пообещал утопить её в садовом пруду, если она не прибавит скорости. Аврора прошипела в ответ, что сначала подпалит ему селезёнку, если он не прекратит наступать ей на пятки. Когда вампир, не сбавляя темпа, поинтересовался, хорошо ли она владеет заклинанием внутреннего воспламенения, она с деланной небрежностью заявила, что способна прочесть по этой теме расширенный курс с практическими занятиями. На несколько секунд ей удалось вырваться вперёд, обогнав его на полкорпуса, но не успела она перевести дыхание, как Исайя снова бежал рядом — свежий, будто только что размялся.

В действительности же Аврора сейчас не способна высечь даже слабую искру. Книги, что вручил ей Маттео, предлагают лишь обзорную теорию и перечень направлений: тонкости магии фейри, построение эльфийских чар. Где-то между страниц вскользь упоминается особый дар фейри — местные его и за магию-то не считают, — но Аврора ещё не добралась до этого раздела.

Фатерис как-то обронила фразу: «Магия прорастает из чувств». Только Аврора плохо представляет, как из холодной пустоты, что расползается под рёбрами, и гнетущего чувства собственной никчёмности может проклюнуться хоть какая-то сила.

Она поклялась себе выжимать из тренировок всё до капли, не бежать от собственной магии и в конце концов встать в полный рост как истинная богиня. Но снова и снова, словно в насмешку, делает шаг назад — а следом ещё два. Внутри не остаётся места ничему, кроме страха, одиночества и глухой боли.

Гидеон — чуть ли не единственный, от кого она могла бы получить прямые ответы, но он прячет не меньше секретов, чем все остальные. Бессонными ночами, выныривая из кошмаров или просто разглядывая темноту под пологом кровати, Аврора твердит себе: секреты — это право каждого. И Гидеон больше кого-либо вправе выстроить вокруг себя стену.

Но внутри настойчиво бьётся мысль: Боги едины в своей магической природе. Та связь, что соединяет её с Гидеоном, возникла не по чьему-то желанию и уж точно не по её собственной воле — это цельная ткань, которой плевать на согласие. Разрубить её способна лишь смерть.

«Почему ты просто не укажешь, куда двигаться? — она мысленно обращается к Бендиде, глядя на вышитый балдахин. — *Я знаю, что выгляжу жалкой: только ною и топчусь на месте, вместо того чтобы решиться хоть на какой-то шаг. Но пожалуйста, Бендида…»*

Тишина густеет, и где-то на самой грани слуха проступает едва различимый шёпот*: «Не сопротивляйся».*

Вот уже две недели, как Аврора прочно обосновалась в квартире Маттео, и за это время её терпение истончилось до папиросной бумаги. В первый же день Оракул, сияя, словно мальчишка, обнаруживший тайник с лакомствами, устроил ей подробнейшую экскурсию по своим апартаментам: провёл через все закутки, ткнул пальцем в каждый запылённый корешок своей скромной библиотеки, попутно разразившись получасовой тирадой о том, что главное книжное сокровище Гидеона навеки заперто для простых смертных вроде него. Затем погрозил пальцем, запрещая даже думать о том, чтобы забраться с ногами на продавленный, протёртый до дыр диванчик под цветным витражом, и одновременно сделал великодушный жест в сторону вытертого кресла у каминной решётки — мол, так уж и быть, сиди здесь, если совсем невмоготу.

Занятия всегда проходили за массивным дубовым столом, с которого им приходилось сметать настоящие книжные баррикады. Аврора быстро заметила, что среди растрёпанных фолиантов по магии затесались и легкомысленные томики в мягких обложках — любовные романы, от которых Оракул при случае поспешно отводил глаза. Сам Маттео всякий раз устраивался на безопасном, тщательно просчитанном расстоянии: достаточно близко, чтобы заглядывать в её конспекты, но так, чтобы в случае броска успеть увернуться. А желание запустить в него чернильницей вспыхивало в ней с регулярностью ударов метронома.

Никаких новых горизонтов он перед ней не открывал. Тема божественной магии оставалась неизведанной, как и расспросы о том, чем они там занимаются с Гидеоном. Вместо этого Маттео методично заваливал её однотипными поручениями: проглотить такой-то параграф, извлечь из него основные мысли, чётко ответить на его дотошные вопросы, а затем вступить с ним в ожесточённую словесную дуэль по поводу сомнительных выводов какого-нибудь бородатого теоретика трёхсотлетней давности.

Разделавшись наконец с последней страницей заданного раздела, Аврора с глухим стуком захлопывает книгу. Маттео, не переставая жевать, смахивает пальцами прилипшие к уголкам губ сахарные крошки и растягивает губы в довольной улыбке.

— Ну-с, и как же наш уважаемый автор определяет саму сущность магической материи? — спрашивает он с той противной интонацией экзаменатора, от которой у неё сводит скулы.

Аврора заставляет себя сделать медленный, тягучий вдох, мысленно впечатывая в память мантру: *«Не криви лицо. Не вздумай бросаться подсвечником. Лучше эта тягомотина, чем полное бездействие и неведение».* И уже на выдохе, обращаясь куда-то в пустоту над головой — к отсутствующей Бендиде, — добавляет с горькой иронией: *«Хотя, знаешь, даже крошечная подсказка прямо сейчас была бы весьма кстати!»*

Собравшись с мыслями, она чеканит вслух формулировку, стараясь воспроизвести текст как можно ближе к оригиналу:

— Магия — это не стихия, которую можно приручить грубой силой, а энергия, вложенная богиней Моршей в горстку отмеченных ею существ.

— Любопытно. А сам-то резервуар как образуется? Откуда он берётся в маге? — продолжает допытываться Маттео, подаваясь вперёд.

— Его... его образует Морша, — Аврора досадливо морщится и взмахивает ладонями, словно пытаясь поймать ускользающую в воздухе мысль, — а потом она каким-то непонятным образом внедряет его в человека. В этом трактате всё объяснение — сплошная каша.

— А ты открой-ка последнюю страницу и зачитай последнее предложение. В голос, — не унимается Маттео.

Аврора глушит готовый вырваться стон и подчиняется. Она снова берёт книгу в обложке из мягкой, потёртой временем тёмной кожи. По углам переплёта вьются тускло поблёскивающие санкты. Почти на каждой странице поля пестрят рукописными заметками, оставленными

разными почерками: кто-то спорил с автором, кто-то давал разъяснения. Она быстро находит нужную строчку и, помедлив долю секунды, читает вслух ровным голосом:

— «Магия — это прежде всего чувственный слепок. Широко распространено мнение, что маг с мёртвым, лишённым эмоций нутром навсегда теряет нить, соединяющую его с источником Морши. Это опасное заблуждение. Пустота — тоже эмоциональное состояние, и из неё, как из самой глубокой бездны, способна хлынуть магия».

Аврора переводит взгляд на Оракула — и замечает, как с его лица без остатка сползла привычная насмешливая маска. Игривость исчезла, уступив место суровой, сосредоточенной серьёзности. Он даже проводит ладонью по белоснежным волосам, приглаживая непослушные пряди, будто пытается привести в порядок не только внешность, но и собственные мысли.

— Кто автор этого трактата? — произносит он, упираясь подбородком в кулак.

— Понятия не имею, — тихо роняет Аврора, пожимая плечами. — Имя нигде не указано.

— Указано. Взгляни повнимательнее на переплёт, — настаивает Маттео, и в его тоне проступают требовательные нотки.

Она снова опускает взгляд на потёртую кожу обложки. Санкты плывут перед глазами, отказываясь складываться в знакомые очертания букв. Все предыдущие тома она без особого труда разбирала на альентарском — языке, который методично втолковывала ей Меланта урок за уроком. Постепенно тексты перестали напоминать бессмысленную вязь, начали обретать смысл. Но сейчас что-то явно разладилось: знаки словно ускользают от понимания, теряют чёткость, стоит только на них сосредоточиться.

— Ну же, читай, — требует Маттео с нажимом.

— Не выходит, — признаётся Аврора, чувствуя, как во рту становится сухо.

Маттео с пронзительным скрипом резко пододвигает свой стул по каменному полу, сокращая дистанцию. От этой внезапной близости у Авроры по спине пробегает холодок — особенно сейчас, когда в его глазах вместо привычных магических всполохов читается едва сдерживаемое раздражение.

— Читай. В голос, — повторяет он, и каждое слово звучит как приговор.

Внутри у неё будто вырастает глухая преграда, намертво блокирующая саму попытку расшифровать санкты, выгравированные на обложке. Пальцы начинают мелко подрагивать, словно сквозь них короткими импульсами прокатывается Сила — то наполняя до краёв, то вытекая без остатка.

— Мерлин, — сквозь стиснутые зубы бросает Маттео, и в голове Авроры в ту же секунду что-то перещёлкивает: мысли, только что занятые Гидеоном, резко перестраиваются на незнакомое прежде имя.

И в тот же миг санкты на переплёте перестают сопротивляться, сходясь в чёткую, ясную надпись — «Мерлин», выведенную альентарскими литерами так, будто её только что нанесли на кожу.

— Один из столпов альентарской магии, — с расстановкой произносит Маттео, откидываясь назад и скрещивая руки на груди. — До сих пор натыкаюсь в его работах на вещи, от которых у меня перехватывает дыхание. Мозг у этого человека был устроен совершенно иначе. Отдал бы что угодно за личную встречу… а может, даже за росчерк пера на память. У меня, кстати, хранится ещё один его манускрипт…

— А что насчёт Гидеона? — перебивает его Аврора, и вопрос вырывается резче, чем она собиралась. — Почему я не могу извлечь из памяти то, что между нами происходило? Там зияют целые провалы. Калли то и дело закидывает осторожные намёки, а я делаю вид, будто что-то начинаю припоминать, но на самом деле — пустота.

— Может, ты наконец смиришься с тем, что у меня нет полномочий выкладывать тебе все секреты подряд? — Маттео подаётся вперёд, и в голосе проскальзывает искренняя усталость. — Если так не терпится получить ответы — найди способ достучаться до Гидеона.

Аврора с усилием, будто проталкивая слова сквозь сжатое горло, произносит:

— То есть мне предлагается заново налаживать с ним дружеские отношения?

— Формулируй как хочешь. Но вы оба — костяк Легиона, нравится тебе это или нет. Продолжать делать вид, что ваша связь — пустяк, может обернуться катастрофой.

— Мы ничего не делаем вид. Просто… не разговариваем без крайней необходимости, — парирует Аврора с нервной ухмылкой, в которой больше горечи, чем веселья.

— Но он-то хочет говорить.

— Почему? Я не понимаю.

Маттео вдруг подаётся вперёд, и его голос обретает ту непреклонную резкость, от которой Аврора инстинктивно вжимает голову в плечи.

— Ты правда думаешь, что люди появляются на свет с полным знанием друг о друге? Они встречаются, притираются, прощупывают характеры — всегда, без исключений. Потому что другие люди и есть та материя, из которой состоит жизнь. Ты ведь не станешь утверждать, что Гидеон к твоей жизни не имеет отношения. Или станешь?

Где-то глубоко в душе Аврора понимает: он, в сущности, не лжёт. Ни один человек не рождается с готовыми связями. Сквозь её прошлое пронеслась целая череда мимолётных лиц, не задержавшихся даже на миг. А за последнюю неделю количество тех, кто обрёл значение, стало почти удушающим — голова идёт кругом от такого обилия людей. Только вот признать это вслух — значит обнажить собственную несправедливость к Гидеону, а бередить эту рану совсем не хочется.

— Ох, Боги… — вырывается у неё вместе с тяжёлым, усталым выдохом; плечи безвольно проседают. — Я вымотана до предела…

— Ты выматываешься, потому что борешься сама с собой, — жёстко отрезает Маттео.

— Да ни с чем я не борюсь! — вскипает Аврора, сжимая кулаки. — Зубрю альентарский до рези в глазах, проглатываю твои книги, тренируюсь с Фатерис, с Гидеоном…

— Именно борешься, — перебивает он, не давая ей набрать обороты. — Перечитай слова Мерлина ещё раз: пустота — тоже чувство. Ты упорно делаешь вид, что этой зияющей пустоты внутри нет, не позволяешь себе даже на миг признать, насколько ты опустошена и как отчаянно тебе нужен кто-то рядом.

— Это неправда, — отвечает она почти шёпотом. Ей до дрожи не хочется открываться перед Маттео — из всех обитателей Штаба он по-прежнему остаётся самой непроницаемой загадкой. И всё же Сила внутри тянется к нему помимо её воли: есть в этом мужчине что-то неуловимо манящее, некое притяжение, которое магия Богини распознаёт безошибочно и мгновенно.

— Можешь кутаться в жалость к себе, если это приносит хоть каплю облегчения. Можешь злиться, изводить себя, отказывать себе во всём, — он чуть наклоняет голову, и в его глазах мелькает что-то похожее на давнюю, хорошо знакомую ему боль. — Продолжай делать что угодно — пока в какой-то момент не осознаешь: эта пустота теперь — часть тебя самой. Если будешь её глушить и загонять в тёмный угол, ты никогда не раскроешь свой потенциал и не заговоришь на альентарском без запинки. Согласись, что ты сейчас — выжженная земля и груда осколков. А когда согласишься — тогда и решай, как себя собирать заново.

Аврора смотрит на него с лёгкой, вымученной иронией:

— Ты что, решил заделаться моим личным наставником по душевным терзаниям?

— Поначалу ваш род казался мне простым и понятным, но со временем я понял, насколько вы невероятно запутанные существа, — в его голосе проскальзывает отстранённая задумчивость. — Мне пришлось потратить уйму времени, чтобы уяснить: когда вы чувствуете себя совершенно пустыми, самобичевание лишь растравляет рану ещё сильнее.

— А ты… ты ведь не человек? — вопрос слетает с губ Авроры тихо, почти испуганно.

— В моём мире я был кем-то совсем иным, — роняет Маттео коротко, и интонация меняется мгновенно, будто захлопнулась невидимая створка.

Он отворачивается к высокой стопке книг, приготовленных для сегодняшнего занятия, и начинает методично перекладывать тома — одни смещает влево, другие ставит сверху, следуя одному ему ведомому порядку: то ли по цвету переплётов, то ли по степени потрёпанности. Этот сухой, сосредоточенный жест не оставляет сомнений: разговор исчерпан, урок завершён, и дальнейших расспросов он не потерпит.

***

Протягивая Маттео керамическую чашу с прохладной родниковой водой, Нигма коротко и пренебрежительно усмехается.

— Детская непосредственность, честное слово.

— Знаешь, она имеет полное право восторгаться, — мягко возражает он, и в уголках его губ прячется едва заметная теплая улыбка.

Губы Нигмы скептически сжимаются в тонкую линию, пока она смотрит в центр тренировочной площадки. Там, распластавшись на холодном каменном полу, замерла Аврора. Её поза выражает полную отрешенность, всё существо девушки растворилось в маленьком чуде, рождающемся прямо в ладонях. Между раскрытых пальцев струится, пульсируя и завихряясь, полупрозрачная белая энергия, а там, где останавливается её завороженный взгляд, прорастают и гаснут колючие созвездия микроскопических искр. Она совершенно не чувствует буравящих спину настороженных взглядов, захваченная безмолвным танцем живого света.

— Ничего экстраординарного. Освоить этот навык — её прямая обязанность, — чеканит Нигма с сухим безразличием.

— Ох, ну вот, опять, — он закатывает глаза, издав нарочито трагичный вздох. — Что тебе снова не по нраву в Авроре?

Нигма выдерживает паузу, наполненную тишиной. Тратить дыхание на объяснения с Маттео, который явно попал под очарование этой девицы, бессмысленно. Всё, что связано с Авророй, кажется ей каким-то несерьёзным баловством. Та с искренним простодушием встречает каждый магический всполох как событие вселенского масштаба и с той же неподдельной горечью переживает неизбежные провалы.

— Ты, видимо, задалась целью вконец истрепать нам нервы? — не проходит и пары секунд, как Маттео нарушает молчание.

— Поразительная догадливость. Это моё жизненное кредо, — голос Нигмы звучит ледяным тоном. — Всё, перерыв окончен.

— Погоди-ка, с чего ты взяла, что можешь единолично решать, когда заканчивать?

Пререкаться с ней — гиблое дело. Она бесшумно опускается на пол возле подоконника, подхватывает первый попавшийся свиток и погружается в текст, всем видом показывая, что дискуссия окончена. По правде, никакой нужды торчать в душном зале у Ведьмы не было, но, ведомая необъяснимым импульсом, она пришла именно сюда. Её привел тот самый призрачный, едва различимый зов, который пропитывает каждый уголок их Штаба.

С минуту Маттео мрачной скалой нависает над ней в безнадежной попытке продавить авторитетом, но в конце концов сдаётся. Сообщив Авроре, что занятие возобновляется, он сопровождает свои слова красноречивым, полным мученического смирения выдохом. Удивительно, что за все отведенные на отдых пять минут девушка так и не попыталась встать. И что поразительно вдвойне — она ни разу не воспользовалась свободной минутой, чтобы подползти к Нигме с вечным вопросом.

«Ты же видишь, что именно я делаю не так?» — с этой фразой Аврора пристает практически ежедневно.

От бесконечного вопроса у Нигмы напрягаются желваки и возникает острое желание безжалостно осадить Третью. Однако она сдерживается — чтобы сохранить душевный баланс и чтобы Гидеон, хронически не способный дать вразумительного наставления, не изводил бы себя. Снова и снова. Аврора с её вездесущим любопытством…

— Ох, ну сколько же можно… — простонала Нигма, с хрустом разворачивая тугой свиток. Однако не успела она пробежать глазами и пару строк первого абзаца, как само пространство зала прорезал далёкий, точно отражённый от высоких сводов, женский голос:

— Напев усиливается?

Нигма нахмурилась, обратилась в слух и задержала дыхание.

— Он наливается рёвом, свирепеет с каждым мгновением, — пророкотал низкий мужской голос.

Оба звучали безжизненно, как стёршаяся запись на старой пластинке: никто вокруг даже не шелохнулся, будто этих слов вовсе не существовало. Нигма тревожно завертела головой, силясь угадать, куда именно тянется её дар — к какому предмету, к какой тени, к какому человеку.

— Опорный пункт может не выстоять перед этим натиском.

— Он уже не выдерживает. Трещит по всем швам.

Сердце ухнуло и забилось где-то у самого горла. Мёртвые голоса не цеплялись за конкретные фигуры — они просачивались сквозь камень кладки, вибрировали в дрожащих язычках пламени, стелились по остывающему воску свечей. Их шёпот, лёгкий, как касание невидимого пёрышка, пробегал прямо по коже, собирая мурашки в колючие дорожки.

— Разломы расползаются вширь, — вновь донёсся женский голос, насквозь пропитанный горькой усталостью. *— Может, пора уже начать?..*

— Скверна обрела зримую оболочку, и эту оболочку необходимо уничтожить, — произнёс неизвестный.

— Только бы удержать края разломов…

Нигма застыла на пару секунд, а потом стремительно двинулась вдоль тренировочной площадки. Она обогнула небольшую группу магов, устроившихся прямо на холодных плитах в углу, и решительно направилась к оружейной стойке, где плечом к плечу толпились рыцари. Все взгляды мгновенно скрестились на ней — настороженные, откровенно озадаченные столь бесцеремонным вторжением.

— Нигма, если ты не намерена участвовать в занятии, может, хотя бы не будешь бродить тут и сбивать остальных с толку? — окликнул её Маттео.

Широкая улыбка всё ещё держалась на его лице, но уголки губ мелко подрагивали, выдавая подспудное напряжение.

— До меня доносятся голоса, — отрывисто бросила она, даже не обернувшись.

— Ты их постоянно слышишь, это не новость.

— Верно. Только сейчас это не те духи, что судорожно цепляются за живых. Я не в состоянии вычислить, к кому они привязаны.

— И такое вообще возможно? — в голосе Маттео прорезалось искреннее изумление.

Вопрос повис в неподвижном воздухе, оставшись без ответа. Её способность не имела аналогов: она пробудилась после того, как Нигма в одиночку расправилась с тварью, наславшей древнее проклятие, и с тех пор не приносила ничего, кроме головной боли и бесконечной путаницы.

— Будь у нас чуть больше времени… — проплыл откуда-то сбоку тихий, едва различимый женский шёпот, полный сдерживаемого отчаяния.

Нигма резко обернулась, втянув голову в плечи, и отчаянно попыталась вычленить из гула тренировочного зала то направление, откуда доносились голоса.

— *Угомонись. Рассчитываешь посеять в них смуту?* — бесцветный мужской тембр резко осёк невидимую собеседницу.

— *Смута и без моих слов уже пустила корни,* — в женском голосе зазвенела плохо скрываемая горечь. — *Будет день, и мы, возможно, сумеем наконец...*

Неоконченная фраза утонула в тишине. Нигма застыла, ожидая хоть шороха, но призрачный разговор оборвался. В нерешительности помедлив — не пересказать ли услышанное Маттео прямо сейчас, — она всё же задала нарочито спокойный вопрос:

— От Охоты поступали какие-то сведения?

Маттео вздёрнул голову, небрежным движением ладони велел замершей Авроре не двигаться и в два широких шага оказался рядом.

— Что именно тебе послышалось? — понизив голос, спросил он, всматриваясь ей в лицо.

— Я спрашиваю, были вести от Охоты? — в голосе Нигмы вскипело нетерпение, она почти процедила слова сквозь зубы.

— Гидеон хранит молчание, никаких донесений. Но у меня припасена новость, от которой у тебя точно поднимется настроение.

Игровая интонация, прозвучавшая в его словах, и опасный блеск фиалковых глаз заставили Нигму мгновенно напрячься.

— Нет, — выдохнула она, уже понимая, к чему он клонит.

— Именно да, — с широчайшей улыбкой отозвался Маттео, одновременно разворачиваясь всем телом к Авроре.

— Даже думать об этом забудь! — Нигма метнулась к нему, пытаясь зажать ему рот ладонью, но маг, коротко рассмеявшись, легко уклонился и нарочито громогласно, на весь зал, вопросил:

— Бесценная моя, сделай милость, выбери — муслин или всё же атлас?

Аврора, которая мялась в двух шагах, рассеянно ковыряя носком туфли щербатую плитку, уставилась на него с искренним изумлением. Нигма с досадой перевела дух, заметив, как две искательницы, до того увлечённо обсуждавшие границы допустимого в чарах, мигом прервали спор и навострили уши.

— Атлас — тот, в котором собраны карты земель, или тот, что на плечах держит небесную сферу? — самым кротким тоном переспросила Аврора, плавно сокращая расстояние.

Маттео озадаченно захлопал ресницами, явно выбитый из заготовленной колеи.

— Что, прости?

— Переплёт с картами или титан? — терпеливо, как ребёнку, пояснила она.

На губах Авроры начала медленно расцветать ироничная улыбка. Где-то глубоко в душе Нигмы на кратчайший миг кольнуло что-то похожее на уважение — и тут же угасло без следа.

— Я веду речь исключительно о ткани для платья, — с чопорной серьёзностью, вздёрнув подбородок до предела, объявил Маттео. — А также о вине, о музыке, от которой глохнут уши, о плясках до полного изнеможения. И ещё, вероятно, о нескольких поцелуях — в каком-нибудь тёмном закутке. Или, напротив, прямо посреди толпы, на глазах у всех. Ну так как, сердце моё, не желаешь ли прямо сейчас испробовать поцелуй со мной?

Только зародившееся уважение Нигмы моментально испарилось. Аврора, вспыхнув так, что краска залила даже шею, судорожно втянула воздух и с силой хлопнула мага ладонью по плечу. Нигма лишь дивилась — как можно быть настолько бесхитростной, чтобы не распознать в его напыщенной речи откровенную игру на публику?

— Оставь эти глупости, — Маттео ловко перехватил девичий кулак, не позволив нанести второй удар, и его усмешка стала совсем широкой. — Сознайся уж, я чертовски очарователен. Нигма, золотце, выручай — подтверди, что я невероятно хорош собой?

— Ты отвратителен, — без малейшей заминки и с каменным лицом отрезала она.

Маттео театрально прижал ладонь к сердцу, пошатнулся и уронил голову, изображая смертельно раненного.

Он ни на секунду не забыл про те тревожные, размытые голоса, которые только что настигли Нигму. Но обсуждать её проклятие в переполненном зале, среди грохота учебного оружия и разноголосого гомона, было решительно невозможно. Поэтому Маттео — слегка неуклюже и чересчур поспешно — перевёл разговор на приближающийся праздник.

При одной мысли о шумном, многолюдном гулянье Нигму передёрнуло изнутри. Весь вечер ей придётся присматривать то за Маттео, то за Исайей, а временами ещё и за Дженни. Когда-то давно она ещё кое-как справлялась — терпела лихорадочное возбуждение Маттео, обожавшего любое шумное сборище, и с невозмутимым лицом пережидала сами торжества. Но те времена миновали, и прежнего не вернуть.

***

— Я выясню природу этого явления, — в голосе Нигмы прозвучало мрачное веселье. — Вот только сперва стоит установить, на кого была направлена агрессия этих призраков.

— Допустим, конкретной цели не было, — подал голос Маттео с другого конца комнаты. — Что, если твоё проклятие просто переходит на новую стадию?

— Просто великолепно, — фыркнула Нигма. — Двести лет никаких изменений, а тут внезапный прогресс?

— Не исключено, что всему виной Сила, — гнул свою линию Маттео. — Мой внутренний демон тоже на неё откликается.

Нигма всерьёз сомневалась, что её проклятие имеет отношение к Силе Авроры, но поток мыслей Маттео было уже не остановить. Он поднялся из кресла, в несколько шагов пересёк комнату, резким движением откинул волосы назад и с горящими глазами продолжил:

— Подобного ощущения от чужого колдовства я ещё не испытывал! Взять хотя бы тебя, — он резко развернулся к Гидеону, застывшему на диване точно изваяние. Нигма кожей чувствовала исходящее от него напряжение — он из последних сил держал себя в руках, и за эту выдержку она сейчас была особенно благодарна.

— Меня? — переспросил Гидеон, и в его прищуре мелькнул стальной отблеск.

— Твою магию я изучил вдоль и поперёк, знаю наперёд, как она сплетается с моей сущностью. А вот Сила… — во взгляде Маттео вспыхнул азарт, на что Гидеон ответил откровенным скепсисом. — Много ли вы вообще общаетесь с выходцами из Альентара?

— Мои постоянные собеседники — Кьеран, Меланта и Конрад, — устало перечислила Нигма.

— Одиннадцать тысяч девятьсот пятьдесят восемь бесед, — бесстрастно вставил Гидеон.

Оба замерли в полном недоумении.

— Себя я в подсчёты не включал, — добавил он ровно. — Иначе цифра стала бы неприлично большой.

— Ну наконец-то все взгляды на мне! — ликующе провозгласил Маттео, хлопнул в ладоши и принялся мерить комнату шагами. — Похоже, моему гостю очень по душе то, как мисс Саммерсет воздействует на меня даже во время обычной беседы.

Гидеон напрягался всё сильнее, и Нигма ощущала это кожей.

— Поясни, — уронил он отрывисто.

— Мне не нужны ни демонстрация чар, ни начертание Санкт, чтобы почувствовать, как в ней движется Сила. Наши с ней уроки строятся совсем иначе, но даже так порой внутри меня вспыхивает звёздный свет.

Нигма сдвинула брови.

— Звёздный свет? — Гидеон чеканил каждое слово по слогам. — Впервые о таком слышу. А ведь кровь у тебя красная.

— Вот именно, и это… выбивает из колеи, — Маттео потёр затылок, голос прозвучал нетвёрдо. — Я сам не пойму, в чём загвоздка. Иногда Аврора готова испепелить меня за мою полную педагогическую бездарность, а её Сила вдруг ко мне льнёт — и тогда перед глазами встают какие-то образы, обрывки воспоминаний.

— Какие именно? — мгновенно отреагировала Нигма.

— Чётко не разглядеть. Всё в тумане. Я видел песок… бескрайнюю пустыню.

— Пустыня, — повторил Гидеон. — Что дальше?

— Звёздный свет. Очень густой, он был повсюду. Он сочился сквозь раны на руках.

— Это были твои руки?

— Нет, чужие. Кожа на них светлая. И ещё там бушевал ветер… шквальный, по-моему.

— Шквал, — задумчиво протянул Гидеон.

Нигма заметила, как Маттео на секунду окаменел: рот приоткрыт, взгляд прикован к Гидеону. Будто хотел что-то оспорить, но тут же замялся, нахмурился — непойманная мысль растаяла без следа.

— Может, ты слышала мёртвых, что держатся за Маттео? — Гидеон повернулся к ней. — Тех, кто прежде не подавал голоса?

— На нём нет проклятия, способного удерживать мёртвых, — напомнила Нигма.

— И всё-таки ты временами слышишь и тех, кто раньше молчал.

— Тут другое, — отрезала Нигма, нахмурившись.

— Всё равно проверь его.

Плечи Маттео безвольно опустились.

— Когда начнём? — глухо спросил он, исподлобья глянув на Нигму.

Казалось, до него не доходило: она способна уловить шёпот у него за спиной прямо сейчас. Проклятие не нуждалось в ритуалах — оно срабатывало мгновенно.

— Когда будешь готов, — произнесла она.

Нигма могла бы без колебаний выложить всё, что донесут до неё мёртвые, не щадя ничьих секретов. Но с Маттео она так жёстко не поступила бы. Он совершенно не был готов ни к голосам прошлого — если они вообще там прячутся, — ни к их звенящей тишине. И Нигма это прекрасно понимала.

Внезапно Маттео спохватился:

— Аврора вот-вот ко мне зайдёт.

Гидеон резко вскинул голову:

— Так какого грайлита ты всё ещё здесь?

— Она от голода с ног валилась! — Маттео вскинул руки. — Я её на кухню прогнал позавтракать. Заявись она сначала туда, а потом к Исайе — все книги превратились бы в жирные пятна!

— Часть из них — моё имущество, — мрачно уронил Гидеон.

— А ещё ты откровенно надеешься, что Аврора притащит тебе что-то вкусное, — усмехнулась Нигма. — Богиня на побегушках — оригинальный ход.

— Извини, опыта в воспитании юных созданий у меня ноль, — огрызнулся Маттео.

— Ей двадцать три.

— Для меня она по-прежнему ребёнок, — Маттео упрямо сложил руки на груди. — Ну, или мне так видится. Нигма, солнце, а тебе-то сколько?

— Четыреста двадцать семь.

— Брось, эти твои четыреста — у каждого второго столько же. Ты пока тоже кроха. Ну вроде как…

***

— Надо предупреждать, когда стоишь за спиной, — бросает Нигма, не поднимая головы от бумаг.

Эваль смеётся — громко, открыто, — обходит стол и с фамильярной бесцеремонностью усаживается прямо на столешницу.

— Ты вообще понимаешь, что я сейчас делаю? — спрашивает она, выдёргивая у него из-под ног стопку писем. — Мне до рассвета нужно разобрать всю эту гору!

— Никто не станет читать твои ответы, — парирует он, склоняя голову набок. — Когда на торжестве отмечают сразу два божества, официальный этикет превращается в пустую трату времени.

— Думаешь, они пришлют кого-то из Стамбула?

— Почти наверняка.

Нигма выдыхает сквозь зубы ругательство и откидывается на спинку кресла. Перспектива столкнуться с Зейном Синклером, наследником Эваля, действует ей на нервы. Но чутьё подсказывает: его прогнозы обычно сбываются, и именно это заставляет напрячься. Она переводит взгляд в чернильную густоту за окном и на секунду прикрывает глаза.

Сент-Эмерод лежит на самой северной оконечности Альентара. За полтора десятилетия здесь выстроили настоящее королевство. Оникс тоже на севере, но дышит иначе: тамошние ночи светлее, а сугробы сходят куда быстрее. За стеклом сейчас — глухой мрак, который пробивают только огни дворцовых фонарей да тусклое свечение санкт, вмурованных в каменную кладку. Слышно, как перекликаются караульные и снуют слуги ночной смены. В этой половине дворца все давно спят — кроме Нигмы и Верховного.

— С чем пожаловал? — спрашивает она.

Эваль обожает заплетать речь в узлы, пересыпая её цитатами из стихов, научных трактатов и философских трудов, говорить загадками и нисколько не беспокоиться, если собеседник теряет нить. Он — живая материя Времени: текучая и неподвижная, простая и бесконечно сложная, ушедшая и ещё не наступившая. Появляется он лишь там, где сам сочтёт, что без него не обойтись.

— Ты сидишь над этими письмами, потому что убеждена: твоя забота подарит Гидеону, этому чудесному мальчику, возможность наконец выспаться, — констатирует он.

Нигма вскидывает на него колючий взгляд.

— Я не обесцениваю твою веру, Нигма, но, сдаётся мне, до критической черты мы пока не добрались.

До неё сразу доходит, о чём он. Дело не в кошмарах, которые душат Гидеона месяцами и годами, не давая сомкнуть глаз. Настоящая проблема глубже — он разуверился в том, что вообще способен лечь и провалиться в сон.

Эваль уверен: дай ему хоть раз ощутить себя в полной безопасности, позволь кошмарам отступить — и первый же спокойный сон запустит выздоровление.

— Тогда вмешайся и помоги, — требует Нигма.

— Не выйдет, — тихо роняет Эваль, прикрывая глаза. — Я всего лишь тень минувшего. То, что ты вообще способна меня видеть, уже граничит с чудом.

— Какой тебе интерес? — без обиняков спрашивает она.

Обычно Эваль — сплошная головоломка: то подмигнёт заговорщически, то выдаст фразу-ребус. Сегодня его лицо выглядит непривычно собранным. Эта напряжённая серьёзность тревожит Нигму, будто он намеренно сдёрнул маску и показал себя подлинного — жёсткого, властного, пугающего.

— Покуда Цитадель стоит незыблемо, а Пласидиум не вернул себе утраченную божественность, я остаюсь Временем, Богом. Альентар в своё время признает Зейна. Но Гидеон… Он — создание Извечных, как и я. Только я бессилен что-либо изменить. Я перепробовал всё, на что был способен, а с ним сейчас происходит нечто иного порядка.

— Конкретнее, — давит Нигма.

Эваль молча качает головой. Его короткие чёрные пряди, обычно торчащие в художественном беспорядке, падают на лоб.

— Ты знаешь, чего он хочет сильнее всего?

У Нигмы есть свои догадки, но она предпочитает их не озвучивать. Гидеон грезит о разном: о признании, о любви, о том, чтобы вернуть себе прошлую жизнь, вырваться из цепких лап кошмаров, почувствовать тепло обычных человеческих отношений, сбросить удушающий груз вины и остановить саморазрушающие мысли. Но назвать то единственное, что, по её ощущениям, является его главной потребностью, она не решается.

— Ему нужна абсолютная любовь, — продолжает Эваль. — Принятие без всяких «если» и оговорок.

— Его и так все любят. В Штабе уважают, в других городах ему рады. Он лучший из Фераноров. Лучший кардиолог-реаниматолог Италии.

— Только потому что он Резонатор Луны. Один из сильнейших магов и в Альентаре, и во Внешнем мире, практически равный богам. А Гидеон хочет, чтобы его любили не за силу и статус. Он хочет, чтобы в нём увидели того мужчину, которым он был когда-то. И ты отлично понимаешь, о ком речь.

— Другими словами, ему подавай вчерашний день.

— Вчерашний день исчез навсегда, — негромко отзывается Эваль, рассеянно скользя кончиком пальца по исписанной странице. — Реальность стала иной.

— До меня не доходит. Ты бросил его именно поэтому?

— Не совсем так. Просто его трёп вымотал меня до предела, и я ушёл. Рассчитывал, что рано или поздно болтовня с пустотой ему наскучит и он наконец вырубится. — Эваль выдыхает; на долю секунды в его глазах проскальзывает смешок, но тут же гаснет. — Он решил, что ты терпеть не можешь Третью.

— Ненависти нет, но и симпатии я к ней не питаю, — сухо пожимает плечами Нигма. — И что с того?

— Она — та самая Святая, которую он считал мёртвой. Он был убеждён в её гибели. А поскольку, по его мнению, ты её на дух не переносишь, он автоматически делает вывод, что и сам тебе безразличен.

Нигма мрачнеет.

— Он что, ребёнок? Взял бы и спросил напрямую. Я не откусываю головы за простые вопросы.

— У него внутри — рваные раны: сердце, душа, рассудок. Он вбил себе в голову, что не имеет права на промахи и слабости, а ты обязана объяснить ему: гонка за таким совершенством просто убьёт его.

— До меня всё равно не доходит, — признаётся Нигма.

Не то чтобы его слова — бессмыслица. Просто он существует в абсолютно других категориях. Его способ мыслить, чувствовать, воспринимать не имеет ничего общего с человеческим. Возможно, он свято верит, что изъясняется кристально ясно, а не туманными шарадами.

— Ты пятнадцать лет держишь в тайне, что Альентар пробудился, — произносит Эваль. — Объясни мне почему.

— Я и сама не знаю, — Нигма дёргает плечом без всякого выражения. — Что-то тянет, что-то просится наружу. Пока не поняла, что именно и кого, но Орден не должен узнать об этом даже краем уха.

— Мне подвластны тысячи вариантов грядущего, но конкретно этот от меня ускользает, — продолжает Эваль, даже не дожидаясь от неё реакции. Нигма лишь молча качает головой, подтверждая, что слушает. — Я чувствую какую-то муть, она застилает взгляд. Ощущение знакомое, но природа этой дряни остаётся загадкой.

— И?.. — подталкивает Нигма. Она видит, как напряжено его тело, слышит этот вкрадчивый тон и понимает: он ещё не договорил.

— Но существует сила, которая способна вмешаться. Именно сила.

— Сила, — откликается Нигма без тени удивления. Ну конечно. Вечно всё сводится к ней.

— Надвигается настоящая буря, — предупреждает Эваль, соскальзывая со столешницы на пол. — Воздух уже пахнет ладаном, а Гидеон рухнет раньше, чем Зейн успеет вмешаться.

— Так, выходит, всё это время его тащил на себе Зейн, а вовсе не ты?

— Именно так, — подтверждает бывший Святой. — У него был чёткий план.

Эваль гаснет — и вместе с ним гаснут свечи, исчезают со стола все бумаги.

Глава 7. Короткий сон о долгой жизни.

Дом Маттео пробуждает в Авроре вихрь противоречий. Фасад зачаровывает с первого взгляда: безупречно белые стены, ажурные ограждения балконов, летящие арки и мраморные колонны в мягкой магической дымке — всё это кажется видением, замком, выросшим из скалы. И тут же внутри поднимается тягучая тревога — кажется, платой за эту красоту стало нечто неизмеримо большее, чем состояние. Дорога к титулу Верховного Старейшины никогда не даётся легко.

— Чтобы владеть таким дворцом, — шёпотом роняет Аврора, не отрывая взгляда от мелькающего за стеклом ландшафта, — нужно расстаться с вещами гораздо более дорогими, чем золото.

Гидеон, по-прежнему держа руки на руле, косится на неё. Лунный свет пробивает стекло и прорисовывает серебром его профиль.

— Ты всякий раз заводишь этот разговор, когда мы сюда едем, — замечает он.

— Потому что так оно и есть, — пальцы Авроры невольно впиваются в колени.

Машина плавно сбрасывает скорость. С обеих сторон вырастают угрюмые скалы — чёрные, как застывшая лава, изрезанные глубокими разломами. В их расщелине подрагивает серебристое марево — морок, отводящий глаза чужакам. Гидеон аккуратно направляет автомобиль в каменный коридор. На мгновение Аврора чувствует, как воздух тяжелеет, становится плотным, а уши заполняет тонкий звон. Наваждение рассеивается, и прямо перед ними вырастает серебряный мост, уходящий во тьму, к дальним холмам.

Арочные пролёты, собранные из лунного камня, излучают мягкое свечение изнутри. Под мостом зияет пропасть — густой туман ворочается, пряча отвесные обрывы и яростный рёв Арно далеко внизу.

Когда автомобиль взобрался на вершину подъёма, впереди показалась резиденция Галло. В ночном освещении её корпус сияет ослепительной белизной. Огромные витражные окна вспыхивали цветными искрами, подхватывая отсветы колдовских огней, а сад светился плавающими фонариками — будто рой светлячков облепил кусты.

— Прятать своё положение он явно не собирается, — произносит Аврора, когда автомобиль замирает перед коваными воротами, украшенными замысловатой вязью.

— Верховный Старейшина, Оракул, хранитель традиций, советник Триумвирата… — неторопливо перечисляет Гидеон.

Аврора на несколько секунд задерживает взгляд на сверкающем особняке.

Первым отстёгивает ремень безопасности Гидеон. Едва слышный металлический щелчок — и браслет на его запястье мгновенно оживает: гладкое стекло наливается густой зеленью морской волны, потом взрывается золотом, а следом уходит в глубокий сливовый тон. Аврора замечает, что не в силах оторвать взгляд от этой цветовой вспышки. Переведя дыхание, она распахивает дверцу и выбирается наружу.

За мостом их встречает лестница. Издали её не отличить от фрагмента стены старинного здания, уходящей ввысь. Но стоит подойти ближе, как на её поверхности проступают изгибы — точно дрожащая на стекле рябь. Винтовые ступени поднимаются и исчезают во мраке холмов. Ни один случайный прохожий не различил бы их.

Далеко внизу гудит вечерняя Флоренция: мопеды с визгом режут мощёные переулки, туристы целятся объективами в реку, а колокола Дуомо плывут над городом и дробятся эхом. Никто внизу даже не догадывается, что прямо над головой повисла хрустальная спираль.

Они идут вверх. Каждый шаг отдаётся гулким звуком в прозрачном воздухе. Виток за витком — и панорама разворачивается всё шире: внизу остаются светящиеся вывески баров,

терракотовые крыши, изогнутая лента Арно. Прямо под ногами расстилается Флоренция, и её фонари мерцают, точно жидкий янтарь.

Лестница обрывается внезапно, так и не дотянувшись до двери Маттео. Не раздумывая, Аврора прыгает вперёд и мягко приземляется на утрамбованную землю. Через секунду рядом опускается Гидеон и тут же машинально протягивает ей ладонь. Равновесие она держит без усилий, но понимает: это не обдуманное движение, а инстинктивный порыв — рефлекс, въевшийся в мышцы.

Стеклянные контуры лестницы в тот же миг гаснут. Над оживлённым городом не остаётся и следа хрустальной спирали — только огни и река, и ни намёка на воздушный переход, только что висевший здесь.

Перед ними открывается тропа, стиснутая между двумя высокими каменными обелисками. Узкие монолиты вздымаются прямо из почвы, а на их гранях тускло светятся вырезанные символы: круги, треугольники, линии, похожие на алхимическую запись четырёх стихий. Закат почти погас, и его последние лучи, скользя по резьбе, заставляют знаки тлеть изнутри.

Аврора внимательно оглядывается. Тропа уводит к дому и с каждым шагом всё меньше походит на обычную дорогу. Сначала под ногами простая пыль, но постепенно в ней проступают белёсые вкрапления — как будто кто-то щедро разбросал измельчённый ракушечник. По обеим сторонам тянется растительность, которой не место на флорентийских холмах: колючая полынь, вытянувшиеся кактусы, низкие кусты с ярко-синими и фиолетовыми гроздьями, похожие на калифорнийскую сирень.

Дорога упирается в огромные двери. Две створки полированного металла горят в угасающем свете.

— Двигаем внутрь? — Ро смотрит на дверь так, словно та обязана ей ответить. — Или так и будем торчать тут, пока не позовут?

Гидеон, не раздумывая, выходит вперёд.

— С Маттео вечная история: проторчишь в ожидании приглашения — и всё уже случилось без тебя, — говорит он и дважды ударяет в створку.

Металл отвечает низким, утробным гулом, будто за ним не комнаты, а сплошная пустота. Двери расходятся с еле слышным присвистом, и открывается коридор — белый до рези в глазах.

Дом Маттео не вписывается ни в один ряд флорентийских особняков. Аврора не находит здесь ни резных потолков тонкой работы, ни старых фресок, ни тёплого запаха выдержанного дерева. Вместо всего этого её накрывает стерильный минимализм: глянцевые стены ледяного оттенка и яркие полотна в духе поп-арта. Агрессивные портреты, кислотные коллажи давят на восприятие, рождая смутную тревогу.

Гидеон движется рядом. Свой арбалет он оставил — для сегодняшнего визита тот слишком заметен и громоздок. Но Аврора не сомневается: без оружия он не ходит никогда. Когда его пальцы мимолётно касаются её локтя, сквозь ткань она ощущает твёрдый контур ножа, спрятанного на запястье.

Лёгким движением он направляет её вперёд.

— Пошли, — роняет коротко.

Звуки доносятся смягчёнными, приглушёнными: откуда-то льётся классическая музыка из скрытых динамиков, и шаги отдаются сдержанным эхом.

Неожиданно стены расступаются, и они попадают в гостиную, похожую на сцену. Круглый зал, стекло и сталь по всему периметру. Панорамные окна открывают вид на Флоренцию во всём её величии: купол Санта-Мария-дель-Фьоре, шпили старых дворцов, россыпи уличных огней, змеящихся вдоль Арно. Под самыми окнами, словно зависнув в пустоте, лежит бассейн — его зеркальная вода нависает над пропастью.

— Живёшь как персонаж из кино, — произносит Аврора, обводя помещение взглядом.

На длинном диване, развёрнутом спиной к городской панораме, сидит Маттео.

По обе стороны от Маттео замерли двое в безупречных костюмах; каждый сжимает по одинаковому серому портфелю. До этого они обменивались приглушёнными фразами, но едва начинают поворачиваться, Маттео чуть заметно прищёлкивает пальцами. Оба мгновенно цепенеют.

— У меня от такого мурашки по всему телу, — выдыхает Аврора. Она шагает к одному из замерших и легонько толкает его в плечо. Человек покачивается, но удерживает равновесие.

— Полегче, — усмехается Маттео. — Не сломай мне продюсера. Закапывать его потом в гранитном саду — то ещё удовольствие.

Гидеон опускается на подлокотник дивана, оказываясь вплотную к Маттео.

— Ты их заморозил, — констатирует он.

— А какие варианты? — Маттео разводит руками с притворным недоумением.

Аврора падает в подушки рядом с Гидеоном и, ничуть не смущаясь, кладёт ноги на глянцевую поверхность чёрного стеклянного столика.

— Можно было просто попросить нас подождать, — спокойно роняет Гидеон. — Свернуть разговор и позвать. Без цирковых номеров.

Маттео слегка вздёргивает брови, будто искренне изумляясь такой простоте:

— Без цирковых номеров? Вы — чистокровные Ифриты. Одно ваше существование — уже представление.

Аврора отмахивается:

— Давай без пафосных сравнений. Лучше объясни, какой смысл превращать кинопродюсеров в кукол?

Маттео кивает в сторону дивана, где небрежно брошен свёрнутый постер. Плавным движением он разворачивает бумагу — и в глаза бьёт безумный образ: на фоне звёздной бездны гигантский хомяк в героической позе нависает над руинами города. Его глаза полыхают неземным сиянием, а вокруг разлетаются опилки, похожие на осколки галактик. Кричащая надпись гласит: «ХОМЯЧИЙ ШОК III: ВСЕЛЕННАЯ В ОПИЛКАХ».

— Им нужны заклинания, гарантирующие успех, — с усталой иронией произносит Маттео. — Только представь: магия — и ради вот этого.

Аврора прыскает со смеху. Гидеон забирает постер, внимательно его разглядывает и сухо спрашивает:

— А чем третья часть принципиально отличается от первой?

— Теперь хомяк не просто грызёт, а крушит мультивселенную, — отвечает Маттео, не меняя каменного выражения лица.

— Какой кошмар, — подводит итог Гидеон и аккуратно сворачивает постер.

— Кошмарное кино, — добавляет Аврора с лёгкой усмешкой.

Маттео лениво поворачивает бокал в пальцах, рассеянно глядя, как янтарный ликёр играет со светом.

— Заклинание понадобится куда более серьёзное, — роняет он, будто продолжая давний внутренний спор. — Работы много, но, честно признаюсь, я обожаю, когда вложенное возвращается сторицей. — Веки его чуть смыкаются, а губы трогает неторопливая, почти кошачья усмешка. — Кстати, никак не выброшу из головы задумку: настоящая железная дорога прямо в доме.

Брови Авроры взлетают; в расширившихся глазах плещет искреннее изумление:

— Железная дорога? Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно, — кивает Маттео и живо очерчивает в воздухе прямоугольник. — Только миниатюрная. Вот примерно такого масштаба. Представь: выезжает прямиком из кухни и доставляет мне крекеры с креветочной крошкой. Сидишь, ни о чём не думаешь, а тут — убаюкивающее «чух-чух»…

Он прищёлкивает пальцами, имитируя ритмичный колёсный перестук, — и в ту же секунду замороженных продюсеров пробирает крупная дрожь, будто сквозь них пропустили разряд. Один начинает судорожно моргать, второй нелепо роняет портфель на пол.

— А, дьявол, — с наигранной оторопью вырывается у Маттео. — Я вообще не это планировал.

Старший продюсер с трудом фокусирует взгляд:

— Мистер Галло… Так вы обдумаете наше предложение?

Взгляд Маттео падает на свёрнутый постер с истошным заголовком «Взрыв Сокола». Его лицо искажает брезгливая гримаса — так реагируют на запах испорченной пищи.

— Я оповещу вас, — отрезает он ледяным тоном.

Продюсеры торопливо движутся прочь. Младший вдруг замирает на полушаге, заметив Аврору и Гидеона, — будто те только что материализовались из воздуха. На лице парня явная потерянность: эти двое выглядят здесь совершенно чуждо.

— Прошу простить нас, джентльмены, — вежливо произносит Маттео и чуть склоняет голову, обозначая лёгкий поклон. Улыбка не сходит с лица — не поймёшь, то ли ехидная, то ли примирительная. — Моя племянница и племянник. Сегодня у нас семейный день.

Посетители замирают, изучая нежданных гостей оценивающим взглядом. В их глазах застывает безмолвный вопрос: каким образом тридцатилетний мужчина приходится дядей двадцатидвухлетней девушке и двадцатисемилетнему парню? Старший лишь пожимает плечами — без тени интереса.

— Хорошо вам провести время.

Они выскальзывают за дверь, оставляя за собой плотный шлейф дорогого парфюма; глухой удар — чей-то портфель задевает косяк.

В гостиной сгущается вязкая тишина. Маттео выпрямляется, но движение выходит смазанным. На долю секунды его шатает, и Аврора замечает, как он торопливо переносит вес — будто прячет слабость.

Он переводит взгляд на Гидеона:

— Как там Давид? Ничего не случилось?

Гидеон слегка каменеет.

— В семье всё спокойно. Спасибо, что спросил.

Фиолетовые глаза Маттео темнеют, наливаются тревожной глубиной — точно небо, налитое свинцом перед грозой. В этом цвете плещется что-то куда старше и темнее простой ифритской крови, древняя сила, которой не место в человеческом сознании. Но губы его по-прежнему растянуты в идеально отшлифованной улыбке.

Неспешно он подходит к встроенному бару у стены и плещет в стакан бесцветную жидкость.

— Ладно, — произносит он, разворачиваясь и поднимая стакан в шутливом приветственном жесте. — С чем пожаловали бесстрашные охотники за жутью и секретами?

Аврора опускается на диван и с тихим шорохом выкладывает на чёрный глянец столика бумаги, добытые у Дженни.

— Ты не забыл наш прошлый разговор? — спрашивает она негромко.

Маттео подходит ближе, ставит стакан рядом с листами и берёт верхний. Брови его ползут вверх.

— Хм, — цедит он, пробегая глазами строчки. — Снова этот дурацкий язык. Тот самый, что был вырезан на теле несчастного, которого Гидеон отыскал в переулке. И… — он осекается и издаёт сквозь зубы резкий свист.

Слова повисают в тишине. Маттео отпивает из стакана.

— Взгляните сюда, — он тычет пальцем в верхнюю строчку. — Кто-то уже взялся за перевод. «Огонь к воде».

Аврора подаётся вперёд, и в её глазах вспыхивает живой огонёк:

— Это ведь движение, да?

Маттео медленно качает головой; ногти его выбивают по стеклу стакана ленивую дробь.

— Ну, допустим, движение, — цедит он, пробуя фразу на вкус. — Только мне в этом спектакле отвели кресло в заднем ряду. Если уж Меланта и Конрад вообразили себя главными хранителями всех секретов, пусть сами и разбираются. Моё дело — не лезть.

— С Мелантой тема закрыта, — отвечает Аврора.

В фиолетовых глазах Маттео вспыхивает откровенный скепсис.

— Правда, что ли? — в голосе проскальзывает ехидный смешок. — Может, заодно доложишь, что Конрад теперь по вечерам зажигает свечи и декламирует сонеты?

— Хорош паясничать, Маттео, — Аврора подаётся к нему ближе. — Возьми трубку и набери её. Сам убедишься.

Маттео мрачно щурится, поднимается и начинает мерить комнату шагами, то и дело бросая косые взгляды на разбросанные листы.

— А ты знаешь, кто вообще откопал перевод первой строки? — он резко стучит согнутым пальцем по бумаге. — «Огонь к воде». Без контекста это звучит как кулинарный рецепт: «смешайте огонь с водой — и готово». Страшно интересно, что за гений перевода постарался.

— Понятия не имеем, — ровно отвечает Гидеон. — Только вряд ли этот переводчик ухватил суть глубже, чем мы. А вот ты ведь способен копнуть глубже, верно? Найти остаток — будь то чары или чьё-то предостережение.

— Может, и так, — цедит Маттео, иронично изогнув бровь. — Только дело пошло бы быстрее, имей мы хоть какое-то понимание этого языка.

— Этот язык старше самих Ифритов, — произносит Гидеон с невозмутимостью, словно напоминает, что вода мокрая.

Маттео с шумным выдохом откидывается на спинку кресла.

— Восхитительно. Значит, передо мной прародительница всех демонических наречий. Ладно, попробую раскопать что-нибудь в архивах высшего Ордена.

— Сколько времени тебе потребуется?

— Пара дней, — небрежно роняет Маттео. — Быстрее, увы, не выйдет.

Аврора пытается скрыть досаду, но её старания заметны.

— Мне искренне жаль, — его тон смягчается. — А теперь… пошли наружу. Ещё минута среди этой белиберды — и мой рассудок даст трещину.

Они выбираются в сад. Солнечный свет, пробивая рыхлое одеяло облаков, заливает золотом каменные дорожки. Ветер озорно гоняет серебристую пыльцу. Из кустов вылетает ящерица и каменеет, уставившись на них. Аврора тут же дразнится, высовывая язык в ответ.

— Меня не отпускает тревога, — вдруг роняет Маттео, и его голос наполняется непривычной тяжестью. — Мне всё это крайне не нравится: некромантия, мёртвый язык, бессмысленные убийства… И мы работаем без прикрытия, без Ордена за спиной. — Пауза. Усмешка. — Скажу прямо: мы угодили в совершенно поганый переплёт.

Гидеон молча кивает. Его невозмутимость — спокойствие скалы: бейся сколько угодно, он не дрогнет. Он стоит неподвижно, взгляд устремлён за садовую ограду — туда, где разлеглись тосканские холмы, утопающие в виноградных террасах, прошитых стройными кипарисами.

— Маттео, вспомни прошлый год. Мы выстояли против целого батальона Шаг'гураш. Вместо рук щупальца, а лиц не предусмотрено вовсе. Так что слово «опасность» нас вряд ли заставит дрожать.

Маттео вздёргивает бровь и приподнимает стакан в беззвучном тосте:

— Я всего лишь констатирую факт. Обычные люди от опасности предпочитают держаться подальше.

— Это не про нас, — тут же подхватывает Аврора.

— Бесформенные щупальца, Маттео… — с лёгкой улыбкой напоминает Гидеон.

Маттео проводит ладонью по лицу и выдыхает:

— До чего же вы упёртые. Хорошо, дайте слово: если упрётесь в стену — сразу наберите. Ну или хотя бы когда раскопаете нечто по-настоящему важное.

— Можешь не сомневаться, — отзывается Гидеон.

Аврора чуть наклоняет голову, и в голове проносится холодная мысль: чувствует ли Гидеон ту же давящую вину за их молчание перед Орденом? Или он управляется с собственными эмоциями — никто и не заметит, что что-то спрятано?

Порыв ветра налетает внезапно, вздымая над плитами серую пыльную взвесь. Она свивается в причудливые спирали, цепляется за подолы и рукава. Гидеон смахивает тёмные пряди со лба — движение выходит небрежным, почти ленивым.

— Мы благодарны тебе за помощь, — произносит он, не отводя взгляда от Маттео.

Гидеон ступает на петляющую дорожку, уводящую к мосту. До перехода остаются считаные метры, и вдруг мост загорается холодным серебристым сиянием.

— Не делайте из меня спасителя, — почти шёпотом роняет Маттео. Голос его так тих, что Аврора теряется: ей ли предназначалась фраза, или она сорвалась внутрь, в безмолвный разговор с самим собой?

— Почему? — Аврора застывает на месте и разворачивается к нему лицом.

Маттео поднимает глаза. Сиреневые, с тончайшей золотой сеткой прожилок — точно крылья тропической бабочки, — они на долю секунды наполняются внутренним светом.

— Потому что момент, когда я вас подведу, — лишь вопрос времени.

Не дожидаясь ответа, он рывком отворачивается и шагает назад, к своему дому.

***

Машину ведет твердая рука Гидеона, а лицо бесстрастно. Аврора, утонув в соседнем кресле, вытянула ноги, пока взгляд устремлён к горизонту. В щель приспущенного стекла тянет речной свежестью. Ветер треплет ее черные волосы, выхватывает из косы пряди, и они пляшут в потоке, делая облик чуть растрепанным.

Всё это — залитые солнцем кварталы, вспыхивающая бликами вода, ее смех, дробящий любые страхи, — снова напоминает: жизнь не обязана быть такой, как сейчас. В тишине он воображает иное: вот они вдвоем небрежно бросают вещи в багажник и срываются прочь — туда, где нет ни Штаба, ни цепей Ордена, ни проклятий, замешанных на вине и насилии. В этой вселенной нет границ: чувства, расстояния, время — всё подчиняется их желанию. Иногда, в полудреме, иллюзия обретает такую плотность, что кажется явью.

Аврора поворачивается к нему:

— Для чего вообще нужны были те заклинания, которые наносили прямо на кожу? — в ее глазах вспыхивает знакомый ему вызов, потребность докопаться до сути.

Внутри у Гидеона всё сжимается в тугой узел при одной мысли, что кто-то посмеет причинить ей боль. Это чувство проросло в нем слишком глубоко, и он презирает себя за те мгновения, когда сам становится источником ее страданий. Пальцы на руле сжимаются крепче, но снаружи ни намека на бурю. Он все та же несокрушимая скала: кажется, одной рукой он удерживает небо, а другой заслоняет ее покой.

Ночные смены в клинике по-прежнему кажутся ему спасением. Приезд в город Эстер Розалес, как он рассчитывал, должен был хоть немного смягчить изоляцию Авроры. Только вот доводы рассудка бессильны перед шрамами, которые оставляют годы. После ее ухода Гидеон надеялся, что время переплавит его личность, сделает кем-то другим. Прогноз не оправдался.

— Эстер ввела тебя в курс? — уточняет он, глядя на дорогу.

Аврора отворачивается к окну. Закатное пламя вспарывает горизонт, по стеклу бегут торопливые золотые зайчики — отблески реки Арно.

— Ввела, — отвечает она после короткой паузы. Жесткая складка рассекает переносицу. — Она упоминала места схождения энергетических потоков. Мне кажется, ее знания куда глубже, чем она показывает. Речь о точках, где пересекаются не две и не три линии… возможно, все существующие.

Гидеон едва заметно пожимает плечами.

— Абсолютной уверенности у меня нет. Мы лишь предполагаем, что тела размещали прямо вдоль этих энергетических путей. Магия там древняя. А вот что прячется в самих узлах пересечения — это и есть главная загадка, — он делает короткую паузу. — Без карты не обойтись. Скорее всего, Меланта знает, где она лежит в библиотеке. Если нет — отыщем собственными силами.

— Договорились, — роняет Аврора и коротко кивает.

Гидеон косится на неё.

— И это всё? «Договорились»? — в голосе звучит усмешка.

— Ты хочешь, чтобы я подпрыгнула и заорала «ура»? — её бровь изгибается, в глазах вспыхивает лукавый огонёк.

Гидеон коротко усмехается.

— Мне просто хочется поскорее перейти к делу, а не торчать в Штабе, ожидая… — он вдруг обрывает фразу, осознав, что прозвучало слишком откровенно. — …просто ожидая.

Этот тон ему самому неприятен. Но Аврора никогда не ждала от него бронированного спокойствия и выверенных реакций. Её взгляд полон тепла, в нём нет требования выглядеть лидером без единого изъяна.

— Тебя посещали новые видения? Что-нибудь пророческое? — его голос снова обретает ровный, собранный тон.

— Нет, — коротко бросает она, поджимает ноги и устраивается удобнее, затем переводит взгляд прямо на него. — Я бы сразу сказала. Сейчас я цепляюсь за любые мелочи: конспектирую приходящие мысли, ловлю обрывки. Калли и Джини делятся своими наблюдениями — я записываю всё, что они говорят.

Аврора неожиданно замолкает.

— Что случилось? — Гидеон на мгновение отрывает взгляд от дороги.

Она прикусывает губу, её взгляд теряет фокус, будто ищет точку опоры.

— Мне стыдно, что я всё забыла. Я понимаю, насколько это серьёзно… Такое чувство, будто я подвела всех. Подвела тебя. И теперь тебе приходится нянчиться со мной, пытаться выискивать ответы. Я просто… обуза.

Гидеон с силой вдавливает педаль. Автомобиль клюёт носом, шины теряют сцепление с дорогой, и под металлический скрежет машина сползает в кювет. Густое облако пыли взмывает над дорогой.

— Ты с ума сошёл?! — выкрикивает Аврора, судорожно вцепляясь в ремень.

Дождавшись, пока пылевая завеса осядет, Гидеон разворачивается к ней. Каждое движение исполнено предельной концентрации. Взгляд не теряет спокойствия, а тон звучит ровно:

— Я вкладывал в свои слова совсем другой смысл.

— Что? — Аврора часто моргает, её пальцы так и не разжались на краю сиденья.

— Ты моя подруга. Самая близкая, — произносит он. — И ничего дороже у меня нет.

Аврора отстёгивает замок ремня, подаётся вверх и тянется к нему. Солнце зажигает в её глазах золотые искры, подсвечивая синеву радужки. От волос исходит тонкий аромат пионов и сладковатого шампуня.

Она сокращает расстояние ещё на сантиметр, и Гидеон чувствует жар её тела — так, будто к его коже прижали раскалённый камень. Их пальцы встречаются на долю секунды.

— Но ты же говорил…

— Я не забыл, что говорил, — отвечает он, целиком разворачивая корпус к ней. — За время моего отсутствия я многое осознал. Наверное, даже до того, как… как ты пропала из моей жизни.

— Расскажешь? — она едва дотрагивается до его щеки подушечками пальцев. От этого касания мышцы Гидеона мгновенно напрягаются, превращаясь в натянутые струны.

Он с шумом выпускает воздух, точно сбрасывая с плеч невидимую тяжесть.

— Ро… — тянет он. — В день нашей первой встречи я предложил тебе дружбу. Но, если честно… я просто хотел оставить тебя рядом. Не отпустить. Триумвират требовал твоего перевода в Академию Брашова. А я… я бы не справился с очередной утратой. Слишком многие уже ушли. Я не мог позволить, чтобы ты пополнила этот список.

Аврора подаётся вперёд. Воздух наполняется тонким ароматом пионов и ванили. Гидеон чувствует себя так, словно балансирует на краю пропасти: назад пути нет, увернуться невозможно — только ждать неизбежного.

Её ладонь накрывает рычаг ручного тормоза. Контраст между ними разителен: кисть Авроры — мягкая, с плавными изгибами, будто из светлого воска; его рука — жилистая, иссечённая белёсыми рубцами, которые оставили охотничьи рейды. Шрамы складываются в причудливый узор, хранящий целую хронику.

— В поведении людей полно противоречий, — тихо роняет она. — Мы сами по себе сотканы из них. Ты искренне веришь, будто благие побуждения способны всё обелить? Для меня это звучит как самообман.

— Я хотел, чтобы ты осталась, — чеканит он, глядя ей прямо в глаза. — Мне требовалось закрепиться здесь. Не исключено, что тебе и вправду следовало уехать в Академию Брашова. Не исключено, что там тебя ждало нечто лучшее. Не исключено, что я мог уберечь тебя от чего-то...

Безусловное доверие, светящееся в её взгляде, пробивает в нём брешь. Годами он возводил укрепления из камня и металла, а она одним мимолётным касанием обнаружила скрытую лазейку. Вся система обороны, все доводы, старательно собранные с начала лета, чтобы не подпускать её близко, рассыпаются, словно прибрежный песок: он сопротивляется волне до последнего, но неизбежно исчезает в глубине.

— Гидеон, — произносит она. — Ты дал мне семью. Ты дал мне абсолютно всё. Подробностей я могу не помнить, но я не сомневаюсь: это истина. Я чувствую её каждой частичкой себя.

Он пытается сформулировать ответ, найти чёткие, простые фразы, но сердце колотится с такой силой, что в голове — сплошной хаос. Судьба, будто застыв в нерешительности, выбирает третий путь — телефонный звонок.

Аврора выхватывает мобильник. Гидеон слышит, как его собственный пульс зашкаливает. Взгляд прикован к её лицу: сначала — привычная собранность, а затем — резкая, пугающая перемена.

— Сообщение от Калли, — голос Авроры дрожит. — Кас очнулся. И он не перестаёт кричать.

Костяшки Гидеона белеют и он стискивает руль. Нога безжалостно вжимает педаль в пол; стрелка спидометра мечется вправо, дрожа на пределе. Рядом Аврора обхватила колени руками, вцепившись в них, как в единственный якорь, пока мир за окном теряет очертания, сливаясь в сплошную полосу.

На заднюю парковку Штаба они врываются с визгом тормозов, в облаке едкого смрада палёной резины. Первым из салона вылетает Гидеон. Аврора вырывается следом.

На втором этаже, у порога комнаты Каса, собрались младшие Ковачи. Джини жалась к Тому, ища у него защиты. Напротив замерла Калли с воспалёнными веками — было видно, что она держится из последних сил.

— Прости, — шёпот Калли почти неразличим. — Крики не стихали… Пришла Дженн, и всё затихло. Но стоит нам приблизиться, как он снова заходится воем. Словно мы для него… никто.

Гидеон медленно переводит взгляд на дверь. Аврора, не осознавая, что делает, шагает вперёд.

— О Святые… — выдыхает она, и пальцы сами тянутся к ручке.

Гидеон мягко перехватывает её запястье. Он разворачивает Аврору лицом к себе, а в его глазах проступает спокойствие. Она знает, что ему стоит это спокойствие.

Бросив взгляд за его плечо, Аврора видит Каса. Тот сидит на полу, сгорбившись, кисти рук безвольно свисают между колен. Глаза закрыты, тело мерно раскачивается вперёд-назад.

Гидеон не раз объяснял: Кас воспринимает реальность иначе. Мальчик улавливает звуки, недоступные обычному слуху, и различает оттенки цвета, которых больше никто не видит. Но такая особенность стала для него не благословением, а мукой. Спасаясь от сенсорного шторма, Кас нашёл способ удержаться на плаву — монотонное раскачивание, возвращающее ему внутреннее равновесие.

«Каждый гасит напряжение как умеет, — часто говорил Гидеон. — *Никому от этого вреда нет»*.

— Ро, — голос Гидеона тих и твёрд. — Я войду один.

Короткая пауза — и она отвечает скупым кивком. Гидеон медленно выпускает её запястье.

Он оборачивается к малышам. Джини покусывает нижнюю губу, Том растерянно переминается с ноги на ногу. В глазах Калли стоят обида и полная растерянность.

— Послушайте, — голос Гидеона звучит ровно и успокаивающе. — Касу предстоит пройти через серьёзное потрясение. Не рассчитывайте, что он сразу станет таким, как прежде.

— Но мы же его родные! — вырывается у Калли. — Откуда эта пропасть? Почему он должен привыкать к нам, словно к чужим?

Он опускается перед ней на корточки и пристально смотрит в глаза.

— Давай кое-что представим, — предлагает он без назидания. — Тебя надолго отрывают от семьи и забрасывают туда, где твой собственный разум начинает играть с тобой злые шутки…

— Дикая Охота, — вклинивается Калли.

— Именно, — Гидеон коротко кивает. — Вернись ты домой после такого — тебе и самой понадобилось бы время, чтобы прийти в себя. Нам придётся запастись терпением. Иногда лучшая помощь выглядит как… шаг назад.

Фраза повисает в воздухе и рассыпается звонкими осколками. Аврора вглядывается в его лицо и неожиданно понимает: перед ней тот самый Гидеон — собранный, закрытый, каким она запомнила его когда-то. Она пытается улыбнуться — улыбка выходит неловкой, будто мышцы забыли, как это делается, — и произносит:

— Маттео пока копает дальше. Может, спустимся в библиотеку? Поищем что-нибудь про энергетические линии?

— А от меня будет толк? — неожиданно подаёт голос Джини. В её глазах вспыхивает интерес — первая светлая нота среди мрака, окутавшего коридор.

Гидеон оборачивается. На мгновение в уголке его губ проскальзывает подобие улыбки.

— Конечно, будет, — отзывается он. — Отыщешь для нас карту?

— Да! — Джини с жаром кивает и тут же вскакивает. Остальные дети поднимаются следом, пусть и без прежней искры; заразительный задор девчонки понемногу вытягивает их из оцепенения.

Аврора ведёт маленькую процессию вниз, к нижнему залу. На полпути она оборачивается. Гидеон всё ещё стоит у двери Каса — ждёт, пока шаги стихнут окончательно. Их взгляды встречаются — на одно биение сердца. А затем Гидеон резко отворачивается, стирая этот миг, словно ничего и не было.

Он стоит один в безлюдном коридоре. Внутри разрастается странное ощущение пустоты. Останься Аврора рядом — всё ощущалось бы иначе. Её присутствие словно удваивало его силы: в груди стучал двойной пульс, работала вторая пара лёгких, кровь бежала быстрее. Про себя он называл это их «магией» — реальность становилась ярче, звуки — резче, мир обретал прочность. Но сейчас он намеренно отослал её прочь с младшими, и эта мысль давит на плечи бетонной плитой — такой же тяжёлой, как дверь, за которой его ждёт неизвестность. Ей он доверяет безоговорочно. Остальным — нет. И меньше всего — дяде.

Едва он думает о Давиде, к горлу подступает горечь. Тот забаррикадировался на чердаке, отрезав себя от всего, пока один его племянник судорожно латает расползающуюся по швам семью, а второй…

— Кас? — негромко окликает Гидеон.

В комнате царит непроглядный мрак.

Кас мечется из стороны в сторону, точно раненое животное: бросается вперёд, тут же отшатывается обратно, подбородок прижат к груди, лицо закрыто упавшими прядями. Худоба превратила его почти в бесплотный силуэт — он словно соткан из одних теней. Услышав своё имя, Кас вскидывает голову.

Их взгляды встречаются. На один неуловимый миг в глазах Каса загорается проблеск узнавания.

— Кас, — повторяет Гидеон, приближаясь медленными, плавными шагами и протягивая раскрытую ладонь. — Это я. Гидеон.

Кас скалится — движение резкое, неестественное, лишённое человеческой пластики. Из горла вырывается шипение — низкое, утробное, змеиное.

— Ты лжёшь! — голос взвивается, ломаясь на высокой ноте. — Ты просто очередная галлюцинация! Морвен отправила тебя добить меня!

Он ходит кругами, огибая Гидеона по дуге, — тело сжато в пружину, поза хищная, готовая к броску. Глаза распахнуты до предела, но смотрят сквозь предметы и стены — взгляд обращён внутрь, в невидимые кошмары.

— Вы прокручиваете это бесконечно, снова и снова! — Кас уже не говорит, а захлёбывается воплем. — Вот вы убиваете Тома, вот вы убиваете Джини! Том стоит и не понимает, почему я не могу его вытащить… — дыхание срывается в свист. — А Джини… она хохочет, тянет меня смотреть какой-то замок… а потом вы кидаете её на шипы! Она вся пробита насквозь, и вы… вы предлагаете мне выкупаться в том, что от неё осталось!

Гидеон застыл, не решаясь сократить расстояние. Ладонь по-прежнему висела в воздухе, но прикоснуться он не отваживался. В памяти всплыли обрывки рассказов Иветт и Кьерана: они описывали Каса с совершенно пустыми глазами, с телом, превращённым в карту шрамов.

Мрак в комнате сгустился и давил на плечи, обволакивал, дышал в затылок.

Кас заметался — рывками, бессознательными, почти звериными. Горящие лихорадочным огнём глаза не видели Гидеона — они метались по стенам, выхватывая назойливых фантомов, мучителей, обречённых возвращаться снова и снова.

— Гидеон, — зашипел он. — Его не сломать. Подожгите. Приколотите. Залейте кровью. Он выстоит. И потому вы тащите к нему Аврору… и вгоняете ей нож прямо в сердце.

Эти слова задели Гидеона. Он пошатнулся, судорожно вцепившись в спинку кровати.

— Кас… — голос предательски надломился, но Гидеон заставил себя выпрямиться. — Кассиан Ковачи. Посмотри на меня. Это не галлюцинация. Ты здесь. Ты дома.

Он снова медленно протянул руку. Но едва пальцы коснулись запястья Каса, тот отдёрнулся.

— Ты — подделка, — выдавил Кас сквозь сжатые челюсти; его губы превратились в тонкую белую линию. — Всего лишь обман.

— Я твой брат, — настойчиво произнёс Гидеон, делая ещё один осторожный шаг.

— У меня нет ни брата, ни семьи. Я один, — слова слетали с губ. — Я служу Морвен. Я ухожу с Дикой Охотой.

— Перед тобой не Морвен, — Гидеон чуть наклонил голову, пытаясь поймать ускользающий взгляд Каса. — Я Гидеон Эшвуд. И пусть мы не связаны кровью, это ничего не меняет.

— Ты призрак, — Кас отвернулся, и лицо его окаменело. — Тень. Злая карикатура на надежду. Зачем вам снова пытать меня? Перед Охотой я чист.

— Нет, — Гидеон подходит почти вплотную, и его голос смягчается до ласкового. — Ты возвращаешься домой. И я представлю доказательства.

Боковым зрением он замечает Дженни. Она вжалась в стену, пальцы сжимают нож — тусклый отблеск лезвия дрожит в полутьме. Вся её поза — боевая готовность: она отслеживает каждое движение Каса, малейший намёк на бросок.

Кас не поднимает глаз:

— Доказательств не существует. Всё вокруг — мираж. Даже воспоминания, даже образы — всё может лгать.

Гидеон нарочито медленно поднимает руки, открыто показывая, что безоружен:

— Тогда слушай. Я произнесу то, что не известно больше ни единой живой душе.

Кас медленно поднимает голову. Прежней ярости в его взгляде больше нет, однако и доверие пока не пробилось.

— Помню день, когда тебя увели, — тихо говорит Гидеон.

Каса передёргивает, точно он ожидает удара.

— Об этом мог слышать кто угодно, — бормочет он. — Любой, кто находился рядом.

— Нет, — Гидеон качает головой. — Мы были в тренировочном зале. Снаружи доносился шум. Ты уже шагнул к двери… Но перед этим бросил мне одну фразу. Помнишь её?

Кас застывает. Внутри у него всё обрывается. Губы едва заметно трясутся.

Гидеон сглатывает и осторожно выталкивает слова:

— Ты произнёс: «Останься с Авророй». Помнишь? Я остался. Всё это время я был рядом, оберегал её. И буду оберегать дальше — не потому, что ты попросил. Не потому, что та фраза стала для тебя последней… А потому что…

Он замолкает. В горле встаёт тугой ком. Слов скопилось слишком много, и каждое рвётся наружу, но все они застревают, не в силах прорваться. Дженни по-прежнему стоит рядом, и он не может сказать больше. Не сейчас.

Взгляд Каса прикован к нему — пустой и одновременно жадный, будто он судорожно ищет в рушащемся мире хоть что-то настоящее.

— Гидеон… — выдыхает Кас, но голос ломается.

Всё переворачивается за один удар сердца. Кас не делает ни шагу — он рушится всем телом, как подрубленное дерево. Гидеон едва успевает подхватить его и, теряя равновесие, хватается за спинку кровати, чтобы не упасть.

На Гидеона обрушивается волна запахов: сырая земля, слежавшаяся листва, дым далёкого костра — и ледяной сквозняк, пробирающий до костей. Кажется, лес целиком ворвался сюда и прижался к нему через тело брата.

— Гидеон, — глухо, сквозь дрожь, шепчет Кас. — Брат мой. Мой… брат.

Сзади тихо скрипит дверь. Дженни выскальзывает наружу — она всегда знает, когда её присутствие становится лишним.

Гидеон медленно выдыхает и сжимает Каса ещё крепче. Под ладонью бешено колотится сердце.

Слова пусты и фальшивы. Никакие фразы не вместят того, что горит внутри: верность, пронесённую сквозь годы, боль разлуки, надежду, затаённую на самом дне.

Глава 8. Путником случайным мы живем.

Я острее ста бритвенных лезвий.
Когда дым рассеется, держу пари,
что даже их имена уже забудут.
Dynasties and Dystopia.

В главном здании Флорентийского Ордена, в самом его сердце, пряталась крошечная библиотека. Сравнивать её с Брашовскими залами, где книги громоздятся в три слоя и пахнут пылью столетий, воском и чадом свечей, бессмысленно — масштабы несопоставимы. Но у этого компактного собрания имелось неоспоримое достоинство: полки были битком набиты латинскими и греческими фолиантами. За такой фонд Стамбульский Орден продал бы душу от жгучей зависти.

Всё, что осталось от прежних времён — лишь смутные отпечатки прошлого. Когда-то терракотовые стены и стрельчатые окна служили миссионерам, но та библиотека исчезла без следа, рассыпавшись в камень и прах. Книги разметало, словно выводок из разорённого гнезда: единицы уцелели, большинство же навсегда кануло в лету.

Нынешнее помещение отстроили совершенно иначе — в ход пошли стекло и сталь, линии сделались жестче и резче. Пол сверкал рябиновыми переливами, отполированный до зеркального блеска, и держал мощное заклятье, отводящее любые воздействия. Ни выброс сырой магии, ни топот детских ботинок не могли оставить на нём и царапины.

У северной стены взмывала ввысь винтовая лестница. Внешней стороной она врастала в книжные стеллажи, а внутренним краем нависала над залом, огороженная перилами по плечо. Сверху сооружение накрывал стеклянный купол немыслимого размера с медным затвором, расписанным загадочными санктами. Днём конструкция ловила и удерживала солнце, ночью обращалась зеркалом для созвездий, хотя Том периодически божился, что в толще стекла ему мерещится чужеродный, тревожный пейзаж.

У подножия лестницы, зажатый в углу, стоял массивный сундук рода Ковачи. Крышку украшал герб с розой, ощетинившейся шипами, и врезанной в металл надписью: ***IN NECESSARIIS UNITAS, IN DUBIIS LIBERTAS, IN OMNIBUS CARITAS.***

— В главном — единство, во второстепенном — свобода, но во всём, без исключений — любовь, — частенько проговаривала Калли.

Только сейчас пространство наполнял совсем иной настрой. Джини целиком ушла в развалы карт, напоминая юркого зверька. Калли и Кас замерли над тяжёлой столешницей, уткнувшись в старые свитки. А Том, которому не было дела до геополитических раскладов и магических меридианов, устроился прямо под этим столом, в затенённой нише, и развернул там стратегическую баталию: зелёные человечки «Лего» наступали на алых драконов, и он сам озвучивал каждую атаку.

— Ну же… — Калли вдруг подаётся вперёд, упираясь подбородком в ладонь, и впивается взглядом в Аврору. — Просто скажи, у него получится? Ты ведь знаешь Гидеона по-настоящему.

Аврора отзывается едва заметной улыбкой и лёгким движением брови, а затем неторопливо качает головой.

— Дружба не делает нас телепатами, — произносит она. — Я могу строить предположения, подмечать мелочи, но заглянуть в его душу мне не под силу.

Калли издаёт шумный, театрально-горький вздох. Снизу, из-под столешницы, тотчас раздаётся нарочитый храп — Том озвучивает игрушечного солдатика, и Джини хохочет в ответ.

— И всё равно… иметь такого друга навсегда было бы потрясающе.

— Пользы не улавливаю, — роняет Кас, не отрываясь от карты. Кончики пальцев сжимают край листа.

— Польза, — напирает Калли, — в постоянном знании: рядом тот, кто поддержит тебя. И кого поддержишь ты.

— Мы и так для этого есть, — возражает Кас, аккуратно пододвигая карту к себе. Этот довод он приводит уже не впервые.

— Мало кто способен бросить всё ради одного человека, — тихо встревает Джини. Она сидит на корточках у сундука с картами, убирает с лица упавшие пряди.

— Вообрази, что существует некто, кто дал клятву тебя защитить, — продолжает Калли. — Кто голыми руками полезет в пламя, если потребуется.

Аврора машинально закусывает губу. Всплывает рассказ Дженни о мальчике, опустившем ладони в огонь, чтобы раздобыть лекарство для друга. В тот миг история показалась чистой сказкой. Теперь, разглядывая Калли, Аврора думает, что девочке лучше бы вовсе не знать подобных вещей. Уж слишком легко уверовать, что друг обязан без конца играть героя.

Кас задумчиво произносит:

— В фильмах Ватсон вечно лезет под пули за Шерлока. Будто кровная родня. Или как друзья, если обстоятельства совсем прижмут.

Калли тут же сводит брови у переносицы, будто кто-то только что хитро обыграл её на её собственном поле. Губы приоткрываются для возражения, но она замирает на полуслове. Любое слово — западня. Опровергнешь его — Кас намертво вцепится в свой довод. Признаешь правоту — он немедленно заявит, что для такого статус «лучшего друга» вовсе не обязателен.

— Ага! — неожиданно восклицает Джини. Она наконец прекращает рыться в сундуке, распрямляется и вытягивает пергамент такой длины, что он почти касается пола. Калли с заметным облегчением переключается и помогает разложить карту на столешнице.

Посреди стола стоит прозрачная миска с морским стеклом — коллекция, которую Ковачи пополняли долгие годы: молочно-голубые осколки, зелёные, медные, редчайшие красные. Аврора вместе с Томом берут синие кусочки и придавливают края пергамента, чтобы он перестал закручиваться.

Том уже взгромоздился на край стола и деловито сортирует оставшееся стекло по оттенкам. Аврора ему не мешает — сейчас сгодится любое занятие, лишь бы удержало его внимание хоть ненадолго.

— Энергетические линии, — бормочет она, ведя пальцем по прямым, безжалостно чётким штрихам, рассекающим пожелтевший лист. Этой карте перевалило за пятьдесят. На ней — послевоенная Флоренция: купол Санта-Мария-дель-Фьоре, Кампанила Джотто, взмывающая узкой стрелой; площадь Синьории, оцепленная вечной стражей статуй; Понте Веккьо, чьи арки несут на себе гирлянду крохотных лавок; палаццо Питти и зелёный сумрак садов Боболи. Линии выходят за пределы центра: одна тянется к холмам Фьезоле, хранящим отпечатки Рима, другая — к излучине Арно, лениво петляющей по карте. Вместе они складываются в невидимый каркас, и кажется, что весь город висит на тонкой, напряжённой паутине.

— Всех убитых находили строго вдоль этих линий, — произносит Аврора, водя пальцем туда-сюда, словно пытается нащупать рельеф. — Но Эстер упомянула, что существуют точки схода. Узлы.

Калли выдыхает и скрещивает руки на груди.

— И какой с этого прок?

— Пока не знаю, — сознаётся Ро. — Однако Эстер крайне редко бросала слова просто в воздух. Пусть я и не могу поклясться, что эти узлы и впрямь сдерживают магию.

Лицо Кассиана мрачнеет на глазах. Он склоняется над картой так низко, что выцветшие пряди едва не касаются пожелтевшей бумаги. Карандаш в его руке живёт собственной жизнью: то костяшки пальцев белеют от напряжения, то хватка вдруг слабеет, и грифель едва не

выскальзывает. Карта затягивает его целиком — тихий скрип двери и появление Дженни остаются незамеченными. Дженни замечает эту полную отстранённость и скупым жестом подзывает Аврору к кофеварке, притулившейся у окна.

Аврора беззвучно спрыгивает со стола. Металлический бок кофеварки мерцает тусклым внутренним светом: в стеклянной колбе пульсирует хризалис, и его тепло безостановочно гонит воду к кипению. Напиток получается на любителя.

— С Гидеоном всё в порядке? — едва слышно спрашивает Аврора, пока Дженни размеренно разливает чёрный кофе на две порции.

— Когда я уходила, он говорил с Касом. А теперь Кас здесь, — всё так же ровно отвечает Дженни, бросая по щепотке сахара в старые эмалированные чашки. — Похоже, разговор помог.

— Значит, Гидеон опять всех привёл в чувство, — тихо резюмирует Ро и обхватывает горячую чашку ладонями. От тепла внутри чуть отпускает — тугой комок тревоги словно разжимает хватку. Есть ей по-прежнему не хочется, но горький кофе хотя бы создаёт видимость опоры.

Обе возвращаются к столу. Семейство Ковачи спорит с таким ожесточением, будто карта — их личный враг. Голоса мечутся от резких выкриков к напряжённому, сдавленному шёпоту, и старый пергамент посреди столешницы напоминает поле боя.

— Я бессилен, когда логика отсутствует напрочь, — резко бросает Кассиан и вбивает остриё карандаша в только что обведённый кружок. — Точка пересечения обязана находиться здесь.

— Где именно? — Аврора подаётся вперёд, пытаясь разглядеть пометки.

— Да вот тут, — отвечает за него Дженни и касается пальцем окружности чуть выше плавной излучины Арно. — Уже не центр, почти у выхода к холмам. Там всегда селились магистры-одиночки.

— Эстер лишь поддерживала беседу, — вмешивается Калли, скрестив руки и нервно постукивая носком ноги, точно готовится к нападению.

— Возможно, она и сама не знала… — начинает Аврора, но осекается, заслышав, как открывается дверь.

— В точках схода энергетических линий тёмные твари прячутся лучше всего, — ровно произносит вошедший Гидеон. — Там магия затихает, будто её что-то глушит. И твари это прекрасно усвоили.

— Перед вами схема флорентийских энергетических путей, — произносит Дженни. — Тела мы находили строго вдоль этих трасс.

— Нет, — обрывает Гидеон и делает шаг вперёд.

— Она говорит правду, — Кас опять мрачнеет, вдавив ладонь в край столешницы. — Карта именно та. И тела действительно лежали вдоль линий.

— Сами линии — да, — коротко роняет Гидеон. — Вот только нанесены здесь не настоящие линии. Они искажены.

Он обводит пальцами круг, оставленный карандашом Кассиана.

— Кто вообще создавал эту схему?

Гидеон подступает так близко, что его плечо прижимается к плечу Кассиана. Над пожелтевшим пергаментом сталкиваются тёмная прядь и светлая — два контрастных мазка, точно положенных одной кистью.

— Скорее всего, перед нами один из списков, изготовленных для штаб-квартиры Ордена, — произносит Гидеон, глядя на карту.

— Мы выудили её из старого чемодана, — негромко поясняет Аврора, перегнувшись через дальний край стола. Кончик её волос задевает бумагу, и Кас резко одёргивает лист назад, словно испугавшись, что чернила размажутся.

— Она валялась в куче десятков таких же карт, — добавляет Ро, понижая голос.

— Но подменили только этот экземпляр, — отчеканивает Дженни. В её голосе прорезается сталь. — Нам нужен подлинник.

— Меланта сможет выделить одну из архивных копий, — предлагает Гидеон, выхватив блокнот и коротко черкнув пометку. — Либо выходим на Маттео.

— Или покупаем у базарных дельцов с Меркато, — с невинным видом вбрасывает Аврора.

Гидеон вскидывает на неё тяжёлый, красноречивый взгляд. На его лице без слов читается: он скорее бросится с моста в Арно, чем доверит свою шкуру рыночным перекупщикам.

— Я просто рассматриваю все варианты, — спокойно пожимает плечами Ро.

Кас наконец выпрямляется и оставляет карту в покое. Его взгляд прыгает с одного лица на другое — он будто пытается без слов сложить разрозненные осколки их общего смятения.

— И всё же… имело ли смысл так упорствовать? — спрашивает он. — Может, мы с самого начала гнались за химерой? Ты точно уверен, что карта фальшивая?

Гидеон просто кивает.

— Тогда без этого было не обойтись. Мы бы потеряли недели… а то и месяцы, — произносит он уже заметно спокойнее.

Кас откидывается на спинку стула. Гидеон едва ощутимо касается его плеча.

Калли и Джинэвра перебрасываются коротким взглядом и тут же обмениваются понимающими улыбками. Том, забравшийся под стол вместе со своей армией зелёных солдатиков, следит за старшими широко распахнутыми глазами — так, будто сейчас решается участь вселенной и единственное неверное движение способно всё разрушить.

Аврора мельком глядит на Дженни. Взгляд тут же возвращается к ней: обе чувствуют себя здесь чужими. Все Ковачи и Гидеон в этот миг превращаются в единое целое, стянутое незримой нитью, которую посторонним не дано ни разорвать, ни толком осознать. Не кровное родство — а настоящая семья.

— Я… могу попытаться восстановить карту, — нарушает молчание Кас. Кончики пальцев едва касаются пергамента, словно он ощупью ищет, с чего начать. — Не уверен, что у меня хватит знаний. Да и усидчивости, чтобы довести дело до конца.

— Усидчивости у тебя с избытком, — спокойно отзывается Гидеон. Голос смягчён, а едва заметное движение губ выдаёт улыбку, которую он даже не пытается спрятать.

— Это ещё не обещает успеха, — бормочет Кас, но в его словах уже проскальзывает что-то новое — тонкая, едва вспыхнувшая искра. Будто после долгого молчания он снова позволяет себе поверить: если попробовать, может, и получится.

***

Стол ощутимо вздрагивает: Меланта роняет на столешницу огромную спортивную сумку.

— Всё, — выдыхает она.

Аврора отрывает взгляд от бинтов. Они с Дженни устроились на широком подоконнике: Дженни заканчивает перевязку, а Аврора чуть хмурится от попытки сохранить ясность мысли среди этого хаоса.

За обеденным столом Каллиста, Джинэвра и Том устроили охоту за последней плиткой молочного шоколада. Перепачканный Том судорожно прикрывает добычу ладонями, Калли перехватывает его запястье, а Джини хохочет и беззастенчиво толкается, нарочно раздувая потасовку.

В углу засел Кас — со стороны кажется, будто его здесь вовсе нет. Наушники, раскрытая книга, лицо без единой эмоции. Только пальцы рассеянно отбивают по колену ритм — единственный намек на то, что он улавливает каждую эмоциональную вспышку.

Гидеон мрачно колдует над плитой, где яйца трещат в раскалённом масле, бекон обугливается до хруста, а тосты превращаются в сухари. Обычный повар бы пришёл в ужас, но Джини

без ума именно от такого «сожжённого» варианта. И Гидеон добивается этого идеального кремационного результата с маниакальным упорством.

Меланта проходит к раковине как есть — в дорожной пыли и грязных разводах на одежде. Ледяная вода обжигает пальцы; скрученный на затылке пучок растрепан так, словно она забыла о существовании расчёски.

— Специально же подстроила? — голос Авроры первым прорезает тишину.

— По-другому никак, — Меланта вытирает ладони вафельным полотенцем. — Кьеран предупредил. Неужели ты всерьёз считала, что я позволю тебе спрятаться от испытания, на которое тебя определил Орден?

— Я надеялась, — выдыхает Аврора с тяжестью.

Кухня отзывается протяжным коллективным стоном.

— Слишком поздно, — ровно добавляет Меланта. — Наблюдение уже ведётся. Любое магическое возмущение в переулке — вход или выход — мгновенно отразится в Штабе.

— А если нас здесь вообще не будет? — роняет Гидеон, не оборачиваясь от плиты.

— Тогда пойдет сигнал, — отрезает Меланта. — Мне, тебе или Авроре.

— А что насчет Давида? — Дженни выгибает бровь. — У этого лесного отшельника всё ещё нет телефона?

Аврора фыркает, не сдержав короткого смешка. И правда: единственный, кто способен жить отшельником в диком лесу, — Давид. Но Меланта даже не утруждает себя объяснениями.

— Так, внимание, — она упирается обеими ладонями в столешницу. — Демоны Илшарот заступают на патруль исключительно в ночные часы. Днём они вообще не показываются снаружи: солнечный свет выжигает их дотла. Портал активен только после захода.

— Подожди, — тут же подаётся вперёд Аврора. — Выходит, всё светлое время суток схождение остаётся без прикрытия?

Меланта смотрит на неё в упор.

— С первыми лучами проход исчезает, — чеканит она. — Просто аннигилируется. Я проверила: там, где был вход, остаётся глухая кирпичная кладка. На всякий случай я поставила поисковую Санкту и дежурила лично. В дневные часы туда никому не пролезть.

Каллиста морщится, её пальцы сами собой крутят обёртку от шоколадки, скатывая в плотный комок.

— Все жертвы… все трупы находили именно по ночам, — еле слышно проговаривает она. — Что, если демон действительно к этому причастен?

Кухню заполняет тишина. Даже Том, до этого с аппетитом уплетавший шоколад, замирает и переводит взгляд на Меланту. Та издаёт протяжный выдох.

— Мы вообще ничего не понимаем, — тихо признаёт Меланта и сама удивляется, насколько измотанно прозвучал её собственный голос. — Сущее, мне срочно требуется кофе.

— Уже тащу! — Калли подскакивает на месте.

Меланта с резким хлопком бьёт себя по бедру, смахивая пыль, и лицо её перекошено досадой. Сейчас она выглядит так, будто готова воевать не только с потусторонними силами, но и с любым заупрямившимся тостером.

— А Нигма в этом участвует? — подаёт голос Гидеон, не прерывая размеренной работы ножа, которым аккуратно срезает подпалённые корки с тоста.

Калли как раз возвращается с дымящейся кружкой. Меланта принимает кофе, бросив на неё благодарный, но усталый взгляд.

— Пока вам достаточно знать одно: вопрос закрыт. Сегодня у вас тестирование. После завтрака собираемся в кабинете.

Одной рукой она хватает сумку, другой обхватывает горячую кружку и покидает кухню.

Джини провожает мать взглядом до самого дверного косяка и шёпотом, всё ещё не веря, произносит:

— В голове не укладывается: после всего, что случилось, нас опять гонят на занятия.

— Мы вообще-то расследование ведём, — вальяжно облокотившись на подоконник, парирует Калли. — С чего вдруг нам ещё и какие-то тесты сдавать?

— Издевательство чистой воды, — отзывается Кас и сдёргивает наушники, и они болтаются на шее. В пальцах у него автоматическая ручка, и она щёлкает нервными, рваными очередями. Давняя привычка, которую он считал навсегда изжитой, вернулась — навязчивая, как заевшая в мозгу песня.

Гидеон отрывается от плиты и бросает через плечо:

— Щёлкнешь ещё раз погромче — и окажешься на сковороде рядом с беконом.

Кас в ответ скалится, но руку, разумеется, не убирает.

Аврора почти не различает их перепалку. Внутри не смолкает шёпот — тот самый, что вырвал её из сна посреди ночи. Он звенит в ушах назойливым комариным зудом, только вместо писка — обрывки пророчеств. И он не затыкается: ни пока они оттирают со стола липкие шоколадные разводы, ни когда переступают порог кабинета, где уже дожидается Меланта с внушительной кипой бумаг.

Аврора изо всех сил пытается взять себя в руки. Но голова всё равно работает с перебоями.

Халдромские глаголы мешаются с кхаронитскими, Азазель в её сознании подменяется Асмодеем, а на середине теста она вдруг приходит к выводу, что Хувры и Скувры — это одно и то же создание.

Красные исправления, которые Меланта оставляет на её листе, выглядят как глубокие порезы — жирные, грубые. Никакой пощады.

Все прочие пишут тест без сучка и задоринки. Кас, к немалому её удивлению, перечисляет Санкты, не сбившись ни разу. А Гидеон, подмечает Аврора, намеренно допускает пару грубых ошибок — настолько нелепых, что он сам ни за что бы их не допустил. Она прячет усмешку: он явно валяет дурака.

***

— Смотрю, Кас окончательно вжился в роль сыщика, — Гидеон растягивает губы в кривой усмешке, пока сквозняк из окна откидывает пряди с его лица. — Спрашивал, не приходило ли мне в голову, что убийца может быть кем-то из своих.

— Кем-то из своих? — Аврора резко оборачивается, и на лице у неё вспыхивает насмешка. — Так и вижу: Кас закутался в длинный плащ, вооружился лупой и трубкой, крадётся за каждым из нас и с мрачной торжественностью объявляет всех подозреваемыми.

Она закидывает ноги в ботинках прямо на торпеду и свободно разваливается в кресле. В открытые окна вливается ночная духота. Там, за бортом, огромный город ворочается и дышит, будто единый многоголосый организм.

Машина сворачивает с объездной и уходит вниз, к самому сердцу Флоренции. Поначалу вокруг безлюдно: по холмам рассыпаны старые виллы, между выбеленных камней петляют виноградные лозы, темнеют оливковые рощи. Автомобиль юрко шныряет по тесным закоулкам, где здания притиснуты вплотную друг к другу, а от окна к окну провисают бельевые веревки.

Но стоит им выбраться к площади Сан-Лоренцо, а затем на Виа де'Черретани, как всё разом преображается. Улицу заполоняет туристический поток: зеваки разглядывают витрины с кожаными изделиями, тут же уличные художники набрасывают акварельные эскизы Дуомо, а хозяева кафе шумно зазывают гостей, размахивая карточками с пастой и кьянти. Запахи наползают со всех сторон: горячее тесто пиццы, сладковатый дым жареных каштанов, густой кофе из микроскопических эспрессо-баров.

Гул уплотняется с каждой минутой: колокольный перезвон мешается с бубнежом экскурсоводов, хохотом студентов, дробью каблуков по древней брусчатке. Собор Санта-Мария-дель-Фьоре нависает над толпой, его купол плавится в лучах уходящего солнца. Чуть поодаль выстроилась очередь к живым скульптурам: один актёр вырядился Данте, второй — Давидом, а третий внезапно замер в образе Человека-паука.

— Кас ещё уточнял, — Гидеон мельком скашивает взгляд на зеркало заднего вида, — не допускаю ли я варианта, что убийца — Ифрит.

Впереди донёсся гудок автобуса — и затор наконец стал рассасываться. Машина мягко тронулась и поплыла вдоль Виа Кальцайоли. Сумеречный свет фонарей мешался с пёстрой иллюминацией витрин джелатерий, растекаясь по мостовой тёплыми лужами. Из-за поворота уже угадывались контуры Пьяцца дель Дуомо, а купол собора разгорался в наступающей темноте, будто над городом всплыло непривычное, второе солнце.

— И что ты ему сказал? — Аврора повела плечом и сощурилась, слегка склонив голову.

— Что это чушь, — Гидеон тронул уголки губ лёгкой усмешкой. — Здесь однозначно поработала магия. Ифриты не заказывают убийц со стороны. С такими вещами мы привыкли разбираться лично.

Аврора прыснула и торопливо зажала рот ладонью.

— То есть у вас всё по принципу «своими руками»?

— У *нас* всё по этому принципу, — отозвался он, лишь краешки губ едва заметно растянулись.

Автомобиль подался вперёд. Аврора бросила невольный взгляд на руку Гидеона: стоило ему переключить передачу, как под кожей проступили мышцы и узлы сухожилий.

В приспущенное окно врывался городской гул. Напротив театра Верди тянулась цепочка зрителей — пёстрая смесь из девушек в открытых платьях, студентов с набитыми рюкзаками и солидных пар в строгой классике. Аврора вдруг представила их лица, если бы кто-то объявил сейчас: за рулём BMW сидит истребитель демонов, а сзади, в багажнике, дремлют арбалеты, копья, катана и россыпь метательных ножей. Списали бы всё на реквизит какого-нибудь иммерсивного шоу, не иначе.

— С Мелантой что-то случилось?

— Разговор у неё зашёл о Кассиане, — Гидеон помедлил, и Аврора заметила, как у него дёрнулся кадык. — После твоей смерти она стала другой. Только не думай, что её чувства к тебе остыли или отношение изменилось. Просто всё внутри у неё теперь работает на иной лад.

— На иной лад работает? — улыбка у Авроры получилась кривой.

— Сказать «сломалась» язык не поворачивается, — он чуть приподнял плечи; в голосе просквозила усталость. — Но она держится. И ради тебя тоже.

Они миновали череду светофоров и повернули налево, забираясь к холмам Фьезоле. Пейзаж за окном менялся: дома становились ниже, огни редели, а впереди проступали тёмные вертикали кипарисов.

— Давай всё-таки решим: что мы рассчитываем найти у Микаэля? — Аврора упёрлась локтем в оконную раму и вдохнула прохладный ночной воздух.

— Будем смотреть по обстановке, — отозвался Гидеон.

Микаэль Сантьяго — член Ордена с безукоризненным послужным списком и одновременно участник Дикой Охоты.

— «Удар должен быть как бросок сокола: он взмывает, разит — и жертва не успевает осознать, что произошло», — задумчиво, сощурившись, проговорила Аврора. — «Встретив такого, выбираешь: либо склоняешь голову, либо наносишь смертельный удар».

Гидеон покосился на неё, выгнув бровь.

— Это же из «Искусства войны»?

— Может, и оттуда, — протянула она с самым невинным выражением, но уголки губ уже предательски поползли вверх.

Лёгкость нахлынула на неё — мысли кружились, подхваченные смехом, близостью Гидеона и стойким чувством, что всё наконец встало на свои места. Они ехали вдвоём, перебрасывались фразами, и мир вокруг снова обретал былую гармонию.

Машина плыла, и за окном один живописный пейзаж сменял другой. Тосканские виллы прятались за изящными коваными решётками, увитыми жасмином. Тёплый закатный свет купал фасады в охряных и розоватых тонах. По стенам карабкались зелёные плети бугенвиллии, и её яркие соцветия вспыхивали на них, точно язычки пламени. Каменные дорожки перед домами выглядели безупречно, будто каждый камень здесь день за днём натирали до блеска.

— Ты правда решила перейти на телеграфный стиль? — поинтересовался Гидеон, не отрываясь от дороги. — Забыла? В моей машине немногословие карается как серьёзное нарушение.

— Я просто поднимаю уровень беседы, — отбила Ро, театрально закидывая ногу на ногу и разваливаясь в кресле. — Скажи, прозвучало же внушительно.

— Прозвучало так, будто в салоне вдруг материализовался сам Сунь-цзы, — усмехнулся Гидеон.

BMW плавно прижалась к обочине и замерла. Сумерки обволакивали город, небо ещё цеплялось за выцветающую позолоту, которая медленно растворялась в густых сиреневых разводах.

Прямо перед ними высился особняк Сантьяго — словно сошедший с обложки дорогого архитектурного журнала. Массивные каменные стены венчала терракотовая кровля, а по кладке неистово карабкалась бугенвиллея. Её цветы полыхали такими густыми алыми и пурпурными тонами, что напоминали не живые растения, а заклинания, застывшие в листве.

Гидеон нажал кнопку, стёкла поползли вверх. Аврора впилась в него взглядом. Салонный свет скользнул по его профилю и тут же погас.

— Почти стемнело. Думаешь, можно ждать демонов? — спросила она.

Гидеон открыл бардачок, кинул короткий взгляд на прибор и еле заметно качнул головой:

— На сенсоре чисто. Но рисковать не будем. Нанесём санкты.

— Давай, — Ро уже закатывала рукава.

В кармане у Гидеона лежал нуумитовый рунный кристалл — тёмный камень, внутри которого подрагивали крошечные искры, будто в нём заперли звёздную пыль.

Гидеон подался вперёд. Едва кончик кристалла коснулось её руки, по коже разбежались белые линии, загораясь мягким свечением. Пряди его волос мазнули Аврору по щеке. В салоне тут же разлился густой, многослойный запах — кардамон, его обволакивал пудровый ирис, а в глубине тлело кедровое тепло. От этой смеси слегка плыла голова, будто она вдохнула колдовской дым.

Аврора смотрела, как по коже распускается узор. Взгляд сам собой соскользнул на его руки. Она и раньше отмечала про себя их красоту, но только теперь до конца поняла, что именно в них видела. В них сошлись хирургическая точность и боевая хватка — сила ничуть не огрубляла их. Для человека, который живёт в крови и сражениях, пальцы выглядели почти неестественно изящными.

— Готово, — негромко бросил Гидеон и отстранился, осматривая результат. На коже Авроры мерцали Санкты: Точность, Скрытость, Беззвучие и Равновесие.

Ро опустила рукава, но внутри у неё всё ещё дрожало. Она вытащила собственный танзанитовый рункристалл и аккуратно приложила его к коже Гидеона.

Тот едва заметно дёрнулся.

— Замёрз? — спросила Аврора, и в голосе прорезалась виноватая нотка.

— Слегка, — выдохнул он.

Чтобы хоть немного сгладить момент, она положила ладонь ему на плечо. Под пальцами прочитывался жёсткий рельеф ключицы, твёрдая кость под кожей и тёплый хлопок футболки. Она чуть сместилась ближе, пальцы скользнули выше — к воротнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.